

И.В. Мостовая

ЗАЧЕТ ПО СОЦИОЛОГИИ в кармане

для студентов вузов

Учебники «Феникса»

И. В. Мостовая

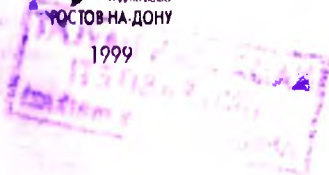
ЗАЧЕТ ПО СОЦИОЛОГИИ В КАРМАНЕ

Учебное пособие

ас+
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Феникс
ИЗДАТЕЛЬСТВО
УСТЬ-КАМЕННОГО
ЛОГА

1999

ББК С5я73-1
М84

Мостовая И. В.

М84 Зачет по социологии в кармане: Учеб. пособие. — Ростов н/Д.: Феникс, 1999. — 320 с. — (Учебники «Феникса»).

ISBN 5-222-00559-3

Пособие, которое соответствует государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования, предназначено прежде всего для подготовки к экзаменам. В нем даны краткие конспекты лекций по всем темам курса, таблицы со «свернутой» информацией, материалы к докладам по ключевым темам, а также приведены основные сведения о классиках социологической науки и специальные термины.

Для студентов и аспирантов вузов, а также в помощь преподавателям социологии.

ISBN 5-222-00559-3

ББК С5я73-1

© Мостовая И. В., 1999

© Оформление. Издательство
«Феникс», 1999

ОТ АВТОРА

Представления об *обществе* начали формироваться в незапамятные времена, когда человек стал осознавать свою включенность в некую группу и свою зависимость от отношения и поведения других людей. Но многие до сих пор путаются в лабиринте общественных связей, поскольку законы социальной организации известны далеко не каждому.

Долгие тысячелетия только посвященные передавали друг другу тайны обретения и использования власти с помощью специальных социальных технологий. Большинство людей при этом оставалось в плену грубых иллюзий относительно истинного устройства общества и легко поддавались манипуляции со стороны просвещенных элит. Лишь современная демократическая эпоха сделала научные знания об обществе более-менее доступными, по крайней мере для тех, кто получает высшее образование и готовит себя к профессиональному участию в социальном управлении.

Человек не может знать все обо всем. Но он может знать *достаточно*. Социология даже в ее усеченном дидактическом воплощении помогает человеку обрести самые актуальные знания. Представляя собой обширную, постоянно развивающуюся область исследований социальных организаций, событий и явлений, наука *социология* совершенствует искусство познания коллективной человеческой природы, строения социальных систем и конструирования

ния новой общественной реальности. Эта наука достигла многого в изучении и объяснении разнообразных социальных процессов.

Для того, чтобы постичь ее азы, нужны любозательность, критическое мышление, наличие собственного социального опыта и желание «стать достаточно умным, чтобы дураки тобою не командовали»¹.

¹ Распространенное отеческое напутствие.

1. ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О СОЦИОЛОГИИ

История социологии как науки коротка — всего полтора века. Как самостоятельная область знания со своими оригинальными представлениями о том, как надо изучать общество, социология сформировалась относительно недавно. А случилось это потому, что общество современного (модерного) типа, возникнув и первоначально развиваясь в Европе, совершенно не соответствовало сложившимся социально-философским представлениям, которые не позволяли ни объяснить, ни предугадать развитие социальных процессов. С возникновением индустриальной цивилизации изменились образ жизни и привычные связи между общественными группами, произошло перераспределение власти и влияния, коренным образом усложнилась система социального управления, поэтому сложившиеся ранее представления об общественном устройстве были подвергнуты пересмотру.

В Новое время были поставлены вопросы о личности и едином общественном организме, революционным образом переосмыслены принципы общественного строительства и воспроизводства.

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ КАК НАУКИ

Термин «социология» ввел в 30-е гг. XIX в. Огюст Конт, который и считается отцом-основателем новой научной дисциплины. По его представлениям, социология должна была интегрировать (объединить) все знания об обществе как едином организме и дать им подлинно научную (построенную на строгом изучении фактов) основу.

Поэтому социология ставила перед собой две основные задачи:

- изучение общества как целостной системы;
- изучение общества позитивным (научно-инструментальным) методом.

Она должна была отличаться от философии, которая подходила к изучению общества умозрительно, спекулятивно, а не путем строгого анализа фактов и научных обобщений; а также от психологии, которая интересовалась индивидуальными, а не типическими групповыми проявлениями социального поведения и взаимодействия.

Но вскоре (уже в прошлом веке) социологи поняли, что могут:

- либо изучать общество как целостную систему — и тогда они вынуждены широко применять *умозрительный подход* (социально-философский);
- либо изучать общество строго научными (инструментальными) средствами — и тогда они не охватывают всю его целостность, а анализируют *только малые сообщества, отдельные явления или процессы*.

Проще говоря, ученые осознали, что наши средства и возможности менее развиты, чем устремления и познавательные амбиции. Поэтому возникла реальная проблема дальнейшего развития социального знания: сохранить либо *предмет* изучения (общество как целостная система), либо — *метод* (научный анализ и практическое подтверждение научных выводов). И сегодня параллельно развиваются *две социологии, академическая* (общетеоретическая система знаний об обществе, именно ее в основном преподают студентам) и *прикладная* (с научным аппаратом для изучения конкретных социальных событий и фактов). Обывателям, в отличие от студентов, лучше известна «вторая» социология — кто же не слышал про «человека с анкетами» и «социологические опросы»?

«Теоретики» и «прикладники», как и в любой другой науке, относятся друг к другу с непониманием и подозрительностью:

«Гнусные эмпирики!» — «Пошлые схоласты!» — так прозвучали бы их взаимные оценки, в переводе с профессиональной гладкой речи на сочный жаргон профессорских «курилок».

Эти две социологии обособленно развивались до тех пор, пока во второй половине нашего века не стали предприниматься серьезные попытки их объединения. Одна из них, можно сказать, завершилась относительно успешно — возникли теории *среднего уровня*, которые описывают развитие локальных социальных объектов (отдельных процессов и явлений) методом теоретического обобщения накопленных точных фактов.

2. САМОЕ ВАЖНОЕ В СОЦИОЛОГИИ: «ЧЕЛОВЕК» И «ОБЩЕСТВО»

Рассматривая социологию как *искусство познания социальной реальности*, мы не можем проигнорировать вопрос о канонах (традициях) сохранения накопленных знаний.

Социология формировалась, можно сказать, альтернативным путем: отвергая философские методы, она разделяла обобщенный подход к предмету, и, отрицая психологические «частности», перенимала точный инструментарий исследования человеческих отношений и группового поведения. Новую область знания ученые создавали, отталкиваясь от «недостатков» давно сложившихся наук.

Это было время, когда происходило становление и развитие промышленного производства, формирование национальной государственности, гражданского общества в Европе и Америке — время социальных революций. Колоссальные перемены в общественном устройстве и образе жизни подчеркивали, как незначителен и жалок отдельный человек в обществе, где «овцы поедают людей» и падают отрубленные головы монархов. Социология выросла на методологических основах *социоцентризма*. «Единица — вздор, единица — ноль...» — так просто и понятно сформулировал его суть В. Маяковский.

Обществоведы традиционно считали, что предмет их изучения — общество — больше и важнее человека. Оно определяет путь и судьбу последнего, а не наоборот. Общество (целое) несводимо к своим частям (людям), оно существует и развивается по самостоятельным законам, которые и *должна изучать социология*. Но прошло время, и постепенно обнаружилась пустота и оторванность этих представлений от реальной жизни: ведь если единицы считать нулями, теория никогда не сойдется с практикой. Социология стала гуманизироваться, опираясь на *человекоцентрированные* подходы. Этому способствовало изменение социальных отношений, которые в современную эпоху подчеркнули ценность отдельного человека, который рассматривается как «важнейший ресурс» общественного (в том числе производственного, экономического) развития.

Нравственная, духовная и творческая значимость личности была подтверждена соображениями практической целесообразности. И в стратегиях развития современных социальных систем сформировался заказ на «гуманизм», «мягкие» технологии социального управления, «человеко-ориентированную» идеологию.

О том, что первично (более важно): общество или личность, социологи спорят до сих пор, и разные ученые придерживаются противоположных точек зрения, поэтому надо различать:

- социоцентрированные теории;
- человекоцентрированные теории.

И признавать, что истина лежит, видимо, посередине; просто научные крайности не позволяют передать живую и неуловимую светотень социальной действительности.

3. «БОЛЬШАЯ» И «МАЛЕНЬКАЯ» СОЦИОЛОГИЯ

В социологической науке долгое время сосуществовали обобщенно-теоретические и конкретно-прикладные подходы, которые соответственно применялись для исследо-

вания принципиально разных социальных явлений. В результате возникла «большая и «маленькая» социология:

- макросоциология — теории, описывающие крупные закономерности в развитии общества; взаимодействие основных элементов общественной системы, межгрупповые отношения и фундаментальные процессы;
- микросоциология — теории, описывающие влияние межличностных отношений, малых групп, коллективного поведения на процесс возникновения и развития конкретных социальных явлений.

Макросоциология изучает, по каким законам развивается все общество, а *микросоциология* — и как живут в нем и влияют друг на друга люди, объединившиеся друг с другом.

Таким образом, социологи, которые мысленно воспаряют над обществом, изучая его основные пропорции, состояния и проблемы, и социологи, буквально ползающие со своими «социоскопами» по полю реальных отношений и взаимодействий между людьми, выполняют тяжелый, но продуктивный труд по добыче *нового знания* о нашем человеческом мире.

4. ВАЖНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ

История социологии не только полна теоретических дуэлей между:

- «теоретиками» и «прикладниками»;
- «общественниками» и «гуманистами»;
- «макроаналитиками» и «микроаналитиками» (см. их описание выше).

Здесь отмечается и непримиримое (до сих пор) методологическое противостояние воинов двух научных лагерей:

- конфликтологов;
- эволюционистов.

Коротко говоря, *конфликтологи* отличаются от эволюционистов тем, что в основе строения общества видят противоречие, а не функциональное единство, как их оп-

поненты. Конфликтологи изучают, как социальная конкуренция, противоборство, «война всех против всех» в современном обществе отражаются на форме и устройстве человеческого общежития. Наиболее известны их теории *классовой борьбы и расовой эксплуатации*.

Карл Маркс, затем уже в нашем веке Эрик Райт и ныне живущий «классик» Ральф Дарендорф являются наиболее известными и прославленными в социологии конфликтологами. И не потому, что всю жизнь изучали социальные конфликты, а потому, что считали их динамической силой, основой развития любого современного общества, важнейшей проблемой социального взаимодействия на всех уровнях общественной системы.

Эволюционисты рассматривают, как устанавливаются функциональные соответствия, социальная системность, общественное согласие. Наибольшую известность получили их теории *социального взаимодействия и глобализации мира*. Среди очень разных в плане научного творчества эволюционистов нашего века можно назвать основателя стратификационной теории Питирима Сорокина, создателя наиболее совершенной «системной модели» общества Толкотта Парсонса, разработчика методологии построения теорий «среднего уровня» Роберта Мертона.

Методологическая пропасть между конфликтологическим и эволюционистским подходами к изучению общества огромна, но вместе оба эти подходы позволяют выделить два класса *причин*, которые позволяют любому обществу *сохранять* свои важнейшие черты и в то же время *развиваться* в нужном направлении под воздействием внутренних противоречий.

Литература

Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренкова. М., 1996.

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992.

Барзгова Е. С. Американская социология. Традиции и современность. Екатеринбург; Бишкек, 1997.

Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991.

Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Западная социология. СПб, 1997.

История социологии в Западной Европе и США. М., 1993.

Кондауров В. И. Предмет социологии. Историко-социологическое введение. М., 1992.

Монсон П. Современная западная социология: Теории, традиции, перспективы. СПб. 1992. № 1.

Современная западная социология: Словарь. М., 1990.

II. СТРУКТУРА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Наука социология, в соответствии с обширностью и неисчерпаемостью своего предмета, стала развиваться сразу во многих направлениях, которые быстро превратились в самостоятельные дисциплины, либо в довольно замкнутые школы со своими методологическими установками (принципами социального познания), а некоторые из них захватили отдельные сегменты научного поля, разрабатывая специальные и отраслевые социологические теории.

Самостоятельные социологические дисциплины	Социологические научные школы	Специальные и отраслевые теории
По мере своего становления вырабатывают собственные представления и о <i>предмете</i> , и о <i>методе</i> социальной науки	Формируют собственные представления о «правильных» или наиболее действенных <i>методах</i> социального познания	Обосновывают особые представления о <i>предмете</i> исследований: «стыковые» (для отраслевых социологий) и «узкие» (для специальных теорий)

В процессе саморазвития социология пережила череду своеобразных кризисов роста и пришла к нынешнему состоянию, которое можно образно определить как стадию «хризантемы»: вокруг небольшого тематического ядра группируются общепризнанные предметные теории (общностей, институтов, коммуникации, личности, социальных изменений), к ним примыкают более многочисленные специальные теории (стратификации, конфликта, малых групп,

социализации и т. д.), далее следуют постоянно отделяющиеся в самостоятельные научные направления отраслевые теории (социологии политики, религии, культуры, экономики, права, семьи, молодежи и т. п.) и море пограничных направлений социальных исследований, которые не всегда однозначно признаются «социологическими» (как, например, маркетинг или теории управления персоналом).

Эта сложно организованная и постоянно развивающаяся структура социологического знания все же представлена неполно, поскольку не упомянуты те ее части, которые можно отнести к уровню «технологии», например: социальное планирование и прогнозирование, социальное строительство, социальный тренинг, социальную диагностику, социальную работу, социальное консультирование.

Представители разных направлений социологических исследований придерживаются весьма отличающихся друг от друга представлений о «правилах», или научных нормах, познания общественной реальности.

1. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРЕДМЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Что такое социология как самостоятельная область человеческого знания, можно понять, только определив ее предмет и метод, а они существенно менялись в последние полтора столетия. Это было связано с изменением представлений социологов о своем объекте (развивалось само общество) и появлением новых средств социального познания.

Предмет науки (или конкретного исследования) является логическим описанием объекта, избирательность которого определена предпочтениями исследователей в выборе точки обзора (мысленного), аспекта, среза, отдельных проявлений наблюдаемого сегмента реальности.

Мастерство в определении предмета традиционно связывается с тем, насколько исследователь приблизился при его конструировании:

- к сфере наиболее *актуальных (динамических) состояний* объекта (возможность объяснить происхождение и развитие, генезис; либо проявляющиеся внешне противоречия явления);
- области *существенных связей и элементов*, изменение которых оказывает влияние на всю систему организации объекта.

Современное общество как объект социологического исследования постоянно меняется. Оно становится более жизнеспособным за счет перехода от жестких систем организации (подчинение и принуждение) к более гибким и опосредованным (согласие и вынуждение), при которых люди приобретают возможность уклоняться от насилия и «сознательно» поступать в соответствии с ожиданиями других людей. Это общество, которое в принципе построено на эксплуатации интересов (мотивов) людей. Поэтому, поощряя индивидуализм, оно добивается успеха в объединении индивидов.

Современное общество, ценностями которого являются свобода и равенство, поощряет социальную открытость. В результате оно склонно ассимилировать другие сообщества и достаточно глубоко (на экономическом, политическом и отчасти культурном уровне) интегрироваться с другими обществами.

В XX в. для многих исследователей стало очевидно, что эти процессы приводят к расширению границ общества, когда формируются единые мировые рынки, транснациональное производство, сближаются жизненные и бытовые стандарты людей разных наций, с помощью средств массовых коммуникаций осуществляется более открытый информационный обмен.

Общество стало терять свои национально-государственные очертания и превращаться в глобальную цивилизацию, мир как реальный новый объект социологии. Процесс *глобализации* мира, его системной связности, который исследуют И. Валлерштайн, Э. Гидденс, П. Штомп-

ка, З. Бжезинский (теория субпроцессов, теория «домино» и др.) требует изменения представлений социологов о своем предмете, или о его границах.

С другой стороны, в этом новом (всемирном) социальном пространстве происходят и прямо противоположные процессы. Возрождаются и усиливают свое влияние на развитие современных обществ *архаичные* (древние), социальные структуры: этнос, семья, товарищество. Эти тенденции оказались настолько сильны, что была выдвинута теория возрождения *примордиальных* (первичных) социальных структур, которые противостоят унификации (глобализации) современного мира. Такие известные социологи, как американец Н. Смелзер и россиянин В. Ядов, считают, что эти процессы свидетельствуют о возникновении новых закономерностей, механизмов и проблем общественного развития, вызванных глобальными изменениями.

Большинство социологов сегодня соглашаются с тем, что *предметом* изучения должны являться социальные *общности*, которые в зависимости от характера организации могут трактоваться и как глобальное (мировое) сообщество, и как общество в его традиционном смысле (т. е. как национальное сообщество), и как микросообщество (социальная группа, секта, клан и т. д.).

2. ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ ИЗВЕСТНЫХ СОЦИОЛОГОВ

Поскольку каждый социолог — это своеобразный творческий мир или как минимум «лаборатория», он пишет *свою* социологию в том смысле, что своеобразно трактует и предмет, и правила социального познания (метод) науки. Поэтому просто и легко для учебного усвоения сформулировать определение предмета социологии — задача вовсе не простая. Одни социологи рассматривают общество как определенную устойчивую структуру, другие — как систему, в которой постоянно происходят изменения, одни глоба-

лизируют его границы, другие — локализуют, одни изучают «факты», другие — «символы», и т. д. Такая разногласия в основной дефиниции науки и сумбурные (перечисляющие) ответы на вопрос: «социология — это о чем?» — создают у неподготовленного читателя впечатление, что она либо обо всем, либо, наоборот, о том, о сем.

Однако снисходительные усмешки такое положение может вызывать только у людей, совершенно незнакомых с социологическими текстами и исследовательскими материалами. Сама ткань общественных связей настолько сложна, что редкий мыслитель, оставаясь в ответственной профессиональной позиции, может попасть «в яблочко» лаконичным и точным определением, вбирающим в себя все главное. Вот некоторые из *наиболее авторитетных суждений* (и определений):

- «...Можно назвать *институтом* все верования, все поведения, установленные группой. Социологию тогда можно определить как *науку об институтах*, их генезисе и функционировании» (Э. Дюркгейм)¹.
- Социология, «будучи в самом широком смысле слова обширную наукой об обществе... может быть определена как наука социальных элементов и первых принципов» (Ф. Г. Гиддингс)².
- Предмет социологии «заключает в себе множество движений... *отношение индивидуума к обществу, причины и формы образования групп*, противоположности классов и переходы от одного к другому, развитие отношений между господствующими и подчиненными и бесконечное число других вопросов» (Г. Зиммель)³.

А вот как определяли предмет науки русские исследователи, создавшие школу «субъективной социологии»:

¹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 20.

² Гиддингс Ф. Г. Основания социологии. М., 1898. С. 36.

³ Зиммель Г. Социальная дифференциация. М., 1909. С. 11.

- «Социология есть наука, исследующая формы правления, усиления и ослабления солидарности между сознательными органическими особями» (П. Л. Лавров)¹.
- «Сама социология справедливо и очень точно определяется как *наука о культуре*, или, вернее, о факторах культуры в широком смысле слова» (Е. В. Роберти)².
- «Социология должна быть *учением об обществе*, подобно тому, как существует общее учение о жизни» (Н. И. Кареев)³.
- Социология — «*наука о порядке и прогрессе человеческих обществ*» (М. М. Ковалевский)⁴.

Современные учебно-научные определения предмета социологии звучат несколько иначе:

- «Социология представляет собой науку, которая изучает жизнь и деятельность людей, живущих в обществе себе подобных, и результаты такой совместной деятельности»⁵.
- «Социология изучает явления *взаимодействия людей друг с другом*, с одной стороны, и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия, — с другой» (П. А. Сорокин)⁶.
- «Социология — это *наука о становлении, развитии и функционировании социальных общностей* и форм их самоорганизации: социальных систем, социальных структур и институтов. Это наука о социальных изме-

¹ Лавров П. Л. *Философия и социология* // Избранные произведения: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 639.

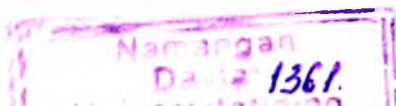
² Роберти Е. В. *Социология и психология* // Новые идеи в социологии. СПб, 1914. Сб. 2. С. 8.

³ Кареев Н. И. *Введение в изучение социологии*. СПб, 1897. С. 3.

⁴ Ковалевский М. М. *Социология*. СПб, 1910. С. 30.

⁵ Сорокин П. А. *Общедоступный учебник социологии: Статьи разных лет*. М., 1994. С. 8.

⁶ Сорокин П. А. *Система социологии*. М., 1993. Т. 1. С. 57.

нениях, вызываемых активностью социального субъекта — общностей; наука о социальных отношениях как механизмах взаимосвязи и взаимодействия между многообразными социальными общностями, между личностью и общностями; наука о закономерностях социальных действий и массового поведения» (В. А. Ядов)¹.

- «Социология, попросту говоря, это один из способов изучения людей... Если кратко, социологию можно определить как *научное изучение общества и социальных отношений*» (Н. Смелзер)².
- «Социология — *наука о социальной жизни человека, групп и обществ*» (Э. Гидденс)³.

Мы же предлагаем два рабочих определения:

- *Социология — это познание ассоциированных (совместных) форм человеческой жизнедеятельности, или социальных организаций.*
- *Социология — наука о развитии и поведении организованных и деятельных человеческих сообществ.*

Понятие организации охватывает характеристики структуры, связей, функционирования и воспроизводства отношений, деятельности, коллективного поведения и общения, т. е. системы, которая именуется «общность», в ее статических и динамических состояниях. А любая «ассоциированная», или объединенная (групповая), деятельность — обучение, руководство, труд, секс — несет в себе социальные, точнее, социокультурные, качества. При этом социология определяется не как наука, а рассматривается более широко — как процесс познания, т. е. пополнения сведений о человеческом *существовании*.

¹ Ядов В. А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. Самара, 1995. С. 19—20.

² Смелзер Н. Социология / Пер. с англ. М., 1994. С. 14.

³ Гидденс Э. Социология: Учебник 90-х годов: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Челябинск, 1991. С. 18.

3. СПЕЦИФИКА МЕТОДОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Метод определяется как способ, совокупность приемов, технологический принцип изучения непосредственно объекта или же его предметных областей (состояний и свойств). Профессионализм в выборе и применении метода заключается в его соответствии природе изучаемого объекта и последовательности реализации основных принципов (научных верований, методологических требований, стандартных процедур и стереотипов) исследования.

Методы получения знания о социальной реальности на самом деле всегда в конечном счете обусловлены с человеческими *мнениями* и *оценками*, даже когда применяет такие формальные критерии, как «возраст», «доходы», «семейное положение» и «профессия», не говоря уже о характеристиках предпочтений, установок и статусов. Поэтому социологическое познание учитывает субъектность изучаемого «объекта» и субъективность подхода исследователя к его анализу.

Те из социологов, которые стремятся оставаться *учеными* и не претендуют на роль «художников» в постижении социальной истины, придерживаются известных *правил* социологического исследования. Главное из них: социолог не должен довольствоваться одним источником информации, поэтому истинный исследователь использует как можно больше сведений об интересующем его предмете, получая их самыми разными способами. Он узнает, сопоставляет и накапливает малейшие детали информации об объекте изучения, всячески проверяет их и только потом строит предположения о дальнейшем поведении или развитии объекта.

4. АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ КАК МЕТОД СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Информация, нужная социологу, может быть уже где-то документирована в неупорядоченном или даже систе-

матерIALIZED в виде. Поэтому исследователи используют следующие методы *анализа документов*: качественный («проблемный» поиск, тематические обобщения); количественный (контент-анализ, основанный на идентификации «поисковых образов» и их подсчете).

В зависимости от направленности своего интереса и поставленной задачи исследователь анализирует соответствующую информацию формального характера: документы, факты, официальную статистику и др., а затем пополняет эти сведения, изучая субъективные оценки и мнения большого числа сведущих людей:

- *экспертов* — компетентных специалистов в определенной практической или теоретической области;
- *респондентов* — представителей разных социальных групп, которых просят изложить свою позицию по конкретным вопросам.

5. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС

Для того, чтобы нивелировать случайные отклонения в совокупности получаемых оценок и мнений, социологи опрашивают множество людей (специально выбранных респондентов), предварительно рассчитывая, какое количество высказываний может достаточно точно отразить реальную общую картину. Иными словами, используя *опрос* как метод получения информации, исследователи чаще пользуются *выборочным анкетированием* (письменное заполнение стандартного опросного листа) или *интервьюированием* (устными ответами на поставленные вопросы), поскольку проводить *сплошной опрос* всех людей, включенных в объект исследования, порой весьма затруднительно.

Считается, что позиция респондента зачастую зависит от его статуса (или ранга внутри социальной организации) и идентификации (т. е. самопричисления человека к какой-либо социальной группе: любителей пива, демократов, студентов, домохозяйек, казаков и т. п.), поэтому ис-

следователи заранее определяют пропорции, в которых должны соотноситься количества опрошенных представителей разных групп. С помощью математических и статистических методов результаты массовых опросов превращаются в группировки типичных позиций.

Этот, казалось бы, упрощенный подход к получению достоверной информации оказывается на практике изощренным действием по планированию, организации исследования и обработке полученных результатов. Например, институт Гэллана (США), ежегодно опрашивая одну сто тысячную (1/100 000) часть (т. е. *выборку*) своего населения, получает настолько достоверные сведения, что ошибка относительно позиции *генеральной совокупности* (всех людей, мнение которых нужно изучить) составляет всего несколько процентов. Когда голосует вся нация, например, на президентских выборах, научные предсказания, полученные при качественном проведении опросов, подтверждаются с высокой точностью. Такая *репрезентативность* выборки в изучении общественного мнения (ныне самостоятельной области социологии) достигается за счет использования технологий познания, соединяющих виртуозное владение количественными и качественными методами.

В. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТ

Наблюдение за объектом исследования может осуществляться не только в виде сбора документальных данных или опросов, но и как специальная визуальная процедура. Она создает возможность квалифицированной регистрации социального факта в момент его совершения, следовательно, помогает не упускать нюансов и учитывать значение контекста события. Непосредственное наблюдение различается по степени связи наблюдателя с объектом. *Включенное* наблюдение характеризуется внедрением исследователя в структуру объекта (изучаемой общности), а *невключенное* проводится с соблюдением большей соци-

альной и эмоциональной дистанции от объекта. Непосредственное наблюдение — дорогостоящая социологическая процедура, поскольку требует использования квалифицированных специалистов и по возможности такой техники документирования, как видео- и аудиозапись.

Эксперимент (контролируемый или неконтролируемый) является довольно экзотическим методом социального познания, поскольку «проводить опыты с людьми» считается занятием предосудительным. Однако в рамках социологии труда он применялся достаточно часто; при этом сравнивались изменения, связанные с использованием новых принципов организации коллектива или факторов стимулирования совместной деятельности в разных группах испытуемых.

7. ПРОГРАММА ПРИКЛАДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Любое социологическое исследование прикладной ориентации начинается с выявления научной проблемы, которая связана:

- 1) либо с противоречиями реальной действительности (развития социальных систем, процессов и состояний);
- 2) либо с «белыми пятнами познания» (неизученностью тех или иных социальных явлений, событий);
- 3) либо с «конфликтом интерпретаций», когда социальные факты описываются и объясняются противоположным образом, причем каждая из научных позиций недостаточно убедительна (дискуссионна).

Высокое качество профессиональной подготовки позволяет социологу не только *выявить*, но и *правильно поставить проблему*, т. е.:

- корректно (точно и четко) ее сформулировать;
- выдвинуть конкретные *цели* исследования;
- сформулировать научную *гипотезу* (предположение о связях между изучаемыми элементами);
- построить теоретическую *модель* явления;

- операционализировать модель, выделяя совокупность важных наблюдаемых признаков явления;
- определить задачи анализа;
- выбрать адекватные методы и инструментарий исследования проблемы.

Говоря иными словами, правильная постановка проблемы дает дополнительные ресурсы к ее разрешению.

Выявить наличие реальных противоречий в обществе, применяя чисто количественные методы познания, не всегда возможно, поэтому первый этап (начало, планирование) исследования связан с *качественным анализом* социальных состояний. *Методологическая* позиция ученого во многом определяет процесс разработки гипотезы исследования, т. е. предварительных, доопытных, представлений о причинно-следственных связях в изучаемой «системе». В соответствии со своей гипотезой ученый ставит познавательные задачи, программирует процесс (проверки опытной) верификации предположений. Затем принимается изучать факты, постоянно страхуясь от собственной субъективности в их подборе и интерпретации. И, наконец, получив совокупный фактический материал по разным аспектам проблемы, он сводит информацию в одну целостную картину, объясняя полученные соответствия и несоответствия, сравнивая ожидания и результаты, теорию и реальность. Здесь тоже проявляется качество профессиональной подготовки, умение систематизировать и интерпретировать, а также сопоставлять.

Литература

Белановский С. А. Методика и техника документально-го интервью. Учебно-методическое пособие. М., 1993.

Буданцев Ю. Л. Системность в изучении массовых информационных процессов. М., 1986.

Бутенко И. А. Анкетный опрос как общение социолога с респондентом. М., 1989.

Васильев В. П. Методология и методика конкретных со-

циологических исследований средств массовой информации и пропаганды: Учебно-методическое пособие. М., 1986.

Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избранные произведения. М., 1990.

Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. М., 1991.

Докторов Б. З. О надежности измерения в социологическом исследовании. Л., 1979.

Методы сбора информации в социологических исследованиях / Отв. ред. В. Г. Андриенков, О. М. Маслова. М., 1990. Кн. 1—2.

Плотинский Ю. М. Математическое моделирование динамики социальных процессов: Учеб. пособие. М., 1992.

Тереценок О. В. Социолог и ЭВМ. Минск, 1990.

Тихомиров Б. И. Техника социального анализа. СПб, 1992.

Толстова Ю. Н. Логика математического анализа социологических данных. М., 1991.

Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Ядов В. А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. Самара, 1995.

III. СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ: АРХАИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ

Хуже всего люди знают себя. Спорными по сей день остаются все гипотезы о происхождении человека. В образе нашей жизни — масса тайн. Хотя отдельный индивид (не только взрослый, но и ребенок) способен выжить в дикой природе, человек предпочитает совместный образ жизни. Система его естественных потребностей включает такие «нестественные» элементы, как принятие другими людьми, самореализация, познание, творчество. Люди руководствуются своими культурными стандартами не в меньшей степени, чем законами биологического выживания. Собранные волею случая, они тут же начинают строить ассоциацию, устанавливая *правила общения, обмена, подчинения*.

Притягивая друг друга, как капельки ртути (и находя в реакции других подтверждение своего собственного существования), люди стремятся проявить свою *личность* как индивидуальность, неослабно требуя от других поддержания социального *стандарта*, т. е. общих, уничтожающих различия, правил поведения и действий.

Большинство человеческих особей обладают определенным потенциалом социальности, который может быть раскрыт только в особой *культурной среде общности*. Неуловимая ткань межчеловеческого пространства — людских взаимодействий, отношений, общения — становится тем элементом, который делает необходимыми условия возникновения общества.

1. ОБЩИНА И ОБЩЕСТВО

В центре внимания современной социологии находится *общность* (ассоциация) и основная форма ее социально-

го проявления — *массовое* (групповое, коллективное) *поведение*.

Многие исследователи (Карл Маркс, Георг Зиммель, Макс Вебер и др.) отмечали различия между архаическим и современным обществом. Фердинанд Теннис в 1887 г. выделил две специфические формы социальной организации:

- *общину* — традиционное сообщество;
- *общество* — современное сложноструктурированное сообщество.

Относительно связи между общиной и обществом выдвинут ряд теорий. В их основе лежат три гипотезы:

- эволюционного перерастания (община, усложняясь, развивается в общество);
- интеграционного слияния (взаимодействие двух «разноуровневых» систем приводит к облагораживающей перестройке архаичной социальной организации по образу и подобию современной, более «продвинутой»);
- параллельного сосуществования (разнообразные «общины» — поселенческие, религиозные, этнические, клановые, корпоративные — не интегрируются, а *вкрапливаются в структуру* современного общества, сохраняя относительную замкнутость и свой особый характер воспроизводства).

Упрощенно, схематично особенности двух форм общностей: архаического и современного можно представить следующим образом.

Традиционное общество характеризуется:

- 1) *естественным разделением и специализацией труда* (преимущественно по половозрастному признаку);
- 2) *персонализацией межличностного общения* (непосредственно индивидов, а не должностных или статусных лиц);
- 3) *неформальным регулированием взаимодействий* (нормами «неписаных» законов религии и нравственности);

- 4) *связанностью членов отношениями родства («семейным» типом организации общности);*
- 5) *примитивной системой управления общностью (наследственной властью, правлением старейшин).*

Современное общество отличается иным:

- 1) *разным характером взаимодействия (ожидания и поведение людей определяются общественным статусом и социальными функциями индивидов);*
- 2) *развивающимся глубоким разделением труда (на профессионально-квалификационной основе, связанной с образованием и опытом работы);*
- 3) *формальной системой регулирования отношений (на основе писаного права: законов, положений, договоров и т. п.);*
- 4) *сложной системой социального управления (выделением института управления, специальных органов управления: политического, хозяйственного, территориального и самоуправления);*
- 5) *секьюризацией религии (отделением ее от системы управления);*
- 6) *выделением множества социальных институтов (самостоятельных систем особых отношений, позволяющих обеспечивать общественный контроль, неравенство, защиту своих членов, распределение благ, производство, общение).*

Итак, общность — это совокупность людей, связанная складом условий жизни, единством ценностей и норм, отношениями организации и осознанием социальной идентичности (самопричислением).

Община — первичная форма социальной организации, возникающая на основе родственных связей и характеризующаяся непосредственным типом социальных отношений.

Общество — современная форма социальной организации, характеризующаяся усложнением системы социальных связей, приводящим к формализации (и деперсонификации) межлических отношений.

2. КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ОБЩНОСТИ (СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ)

Современные социологи выделяют ряд потенциальных и реальных, необходимых и достаточных оснований выделения *общности*:

1. Сходство, *близость условий жизнедеятельности* людей (потенциальная предпосылка возникновения ассоциации).
2. *Общность потребностей* людей, *субъективное осознание ими сходства своих интересов* (реальная предпосылка возникновения солидарности).
3. Наличие взаимодействия, *совместной деятельности*, взаимосвязанного обмена деятельностью (непосредственного в общине, опосредованного в современном обществе).
4. Формирование своей *собственной культуры*: системы внутренних норм взаимоотношений, представлений о целях общности, нравственности, др.
5. Укрепление организации сообщества, создание *системы управления и самоуправления*.
6. *Социальная идентификация* членов общности, их самопричисление к этой общности (как достаточное условие и главная характеристика зрелости ассоциации, превращение общности, по словам Гегеля, из «вещи в себе» в «вещь для себя»).

3. НОМИНАЛЬНЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ. СУБЪЕКТЫ

Социологи подразделяют общности на два больших класса, которые в российском общественном сознании всесторонне обосновал Б. А. Грушин:

- *номинальные*, классификационные группы, искусственно выделенные исследователем, и
- *реальные* социальные группы, или собственно *общности*.

Анализируя эти реальные ассоциации, исследователи отмечают существенные различия между общностями:

- 1) *фиксированными* в социальной структуре общества:
 - статусными группами (элитами, безработными и т. п.);
 - функциональными группами (шахтерами, учителями, военными, директорами и т. п.);
 - территориальными группами, социумами (конкретными городскими и сельскими сообществами);
- 2) *нефиксированными* в социальной структуре массовидными образованиями:
 - толпами;
 - аудиториями средств массовой коммуникации;
 - зарождающимися коллективными движениями.

Всякая зрелая общность выступает в качестве *социального субъекта* — активной динамизирующей силы общества. Т. е. зрелость ассоциации определяется не только субъективным критерием *идентификации* (самопричисления) ее членов, но и объективным показателем *организованного целенаправленного поведения* (социальной активности общности).

4. ПРОИСХОЖДЕНИЕ НОВЫХ ОБЩНОСТЕЙ: ИЗМЕНЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ И ПРИВЛЕЧЕНИЕ МАРГИНАЛОВ

Почему же и каким образом происходят структурные изменения в обществе, которые мы называем социальными революциями? Как они связаны с *поведением общностей*, т. е. основных элементов социальной структуры? Все ли общности играют в этом процессе сходную роль? Как происходит возникновение и разрушение сложившихся ассоциаций? Эти таинственные процессы давно интригуют социологов. Такие исследователи, как К. Маркс и М. Вебер связывали социальную макродинамику с возникновением новых социальных субъектов (зрелых общностей), которые как бы раздвигают сложившиеся пласты со-

циальной структуры, бурят и взрывают залежи статусных стереотипов (массовых *представлений* о ценности социальных позиций различных групп), создавая собственные комфортные общественные ниши. Иными словами, объяснение социальных изменений во многом сводится к изучению проблемы происхождения общностей.

Для построения объяснительной теории было необходимо:

- отыскать *внутренние причины возникновения* новых действующих субъектов в стабильной, уравновешенной социальной системе;
- проанализировать, *откуда берется «строительный материал» для новых ассоциаций*, поскольку в устойчивом обществе все его члены имеют социальную «прописку» и занесены в соответствующий «структурный реестр». Т. е. люди в большинстве своем уже принадлежат «старым» общностям, привычно встроены в социальную структуру.

Первый вопрос — «почему возникают общности?» — естественно, был связан с проблемой «потребностей» и «активности» (т. е. со смежными вопросами «зачем?» и «как?»). Общность может зародиться там и тогда, когда происходит осознание разными людьми единства их интересов. В основе интереса лежит потребность. Это не фантазия, не мечта или надежда на получение чего-то, а настоящая необходимость, вызывающая к удовлетворению! Потребности людей — единственный внутренний источник их побудительной активности, они лежат в основе наиболее осознанных мотивов: человеческих интересов и ценностей.

С развитием общества создаются новые возможности и порождаются соответствующие потребности, носители которых могут составить «критическую массу» объединенных интересами потенциальных членов новой общности. Объединение позволяет им проявлять целеустремленную, наступательную активность во имя насыщения первона-

тельно соединившей их усилия потребности, да и всех остальных потребностей заодно.

Второй вопрос — «из чего же, из чего же, из чего же... (сделаны наши «общности»)»? — повлек нить размышлений социологов в другом направлении. Казалось совершенно очевидным, что общности «сделаны» из людей. Но откуда же им таким свободным и «невстроенным» (в социальную структуру) взяться? Ответ на этот вопрос связан с изучением социальных маргиналов.

Маргинальность — это специальный социологический термин для обозначения пограничного, переходного, структурно неопределенного социального состояния субъекта. Люди, по разным причинам выпадающие из привычной социальной среды и неспособные примкнуть к новым общностям (зачастую по причинам культурного несоответствия), испытывают большое психологическое напряжение и переживают своеобразный кризис самосознания.

Более глубокая трактовка маргинальности позволила объяснить формирование новых профессиональных, статусных, религиозных и т. п. сообществ, которые не во всех случаях могли возникать из «социальных отбросов» — индивидов, насильственно выбитых из своих общностей (безработных, беженцев, мигрантов, др.) или асоциальных по выбранному стилю жизни (бродяг, наркоманов и т. п.). С одной стороны, социологи и теперь признают связь между возникновением массы людей, исключенных из системы нормальных социальных связей и процессом формирования новых общностей. С другой стороны, возникновение новых классов, слоев и групп на практике почти никогда не связано с организованной активностью попрошайек и бомжей, а, скорее, может рассматриваться как строительство «параллельных социальных структур» людьми, чья общественная жизнь до последнего момента «перехода» в новую группу была вполне упорядоченной.

Само определение общности базируется на сходстве потребностей людей и единстве их интересов, целей, ценностей. Но в процессе жизни членов общности возникает

возможность их *потенциального* выпадения из конкретных сообществ, если важные потребности не удовлетворяются в прежней системе связей. Вот это пограничное состояние, когда человек структурно принадлежит какой-то общности, но содержательно не удовлетворен качеством реализации своих интересов, социологи и стали называть *маргинальностью*.

Такая трактовка маргинальности позволяет понять, откуда берется человеческий материал для строительства новых ассоциаций в стабильных общественных системах; а в нестабильных, как мы видим на примере собственного российского общества, неудовлетворенность и выпадение из структурных общностей может носить преимущественно вынужденный или принудительный характер, — т. е. не быть связанной со свободным поиском лучших возможностей, а определяться внешними неблагоприятными обстоятельствами.

Итак, недовольные и озабоченные соединяются в новую общность, чтобы наконец достичь своих целей. Но они не объединяли бы свои усилия, если могли бы достичь полноценного удовлетворения в одиночку. Следовательно, до сих пор за кадром оставалась важная характеристика ассоциации. Для удовлетворения своих потребностей человеку зачастую нужны специфические ресурсы (материальные, финансовые, трудовые и организационные — их выделил Г. Ленски), а для получения этих ресурсов от других людей или от общества требуется сила (или «вес»). Объединение с другими страждущими позволяет решить проблему демонстрации (или имитации):

- социальной силы — чтобы «взять» необходимые ресурсы;
- функциональной значимости, нужности обществу — чтобы «отдали» эти ресурсы.

И в том, и в другом случае (если мы вспомним, что люди — прекрасные мультипликаторы своих потребностей, поскольку способны постоянно умножать свои жела-

ни и потому всегда остаются склонны к тотальному решению жизненных проблем по принципу «все и сразу»), общности обычно стремятся обрести волшебную палочку в виде постоянной возможности влиять, контролировать и перераспределять ресурсы в свою пользу. Иными словами, они стремятся к достижению *власти*.

5. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭЛИТ

Особенности социальной динамики вновь возникающих общностей изучал итальянский социолог Вильфредо Парето, который считал, что социальные изменения связаны с появлением новой элиты. Она прорастает из нижних слоев, когда общности начинают выталкивать на поверхность (в наиболее привилегированные и одновременно наиболее влиятельные слои) своих представителей.

Общества, управление которыми происходит в современных формах *представительной демократии*, фактически легализуют этот хитрый механизм естественного социального перемещения вверх от имени и по повелению заинтересованной массы. Поселенческие общности выдвигают своих депутатов, а партии и общественные организации — своих. В промежутке между выборами они терпят своих представителей или терпеливо надеются, что у тех достанет совести (точнее, чувства солидарности) действовать для удовлетворения потребностей избирателей. Конечно, среди населения всегда находится горстка индюков (т. е. стихийных «социологов», которые замечают, что изменение социальной позиции выдвиженцев приводит к смещению их ценностных ориентиров, что принадлежность к элите должна подтверждаться солидарностью с нормами и целями именно элиты, и что власть включает создание социальной дистанции между общностью *избирателей* и общностью *депутатов*).

Другой итальянский социолог, Газтано Моска, связывал общественную динамику с конфликтом внутри элит. Он считал, что новые движения в обществе начинаются

тогда, когда возникает борьба в верхних слоях. Для жестко структурированных обществ это особенно верно, поскольку является почти единственной возможностью социального обновления в системе сложившихся социальных монополий и высокой степени подконтрольности низов верхам. Скажем, в России, как доказывал отечественный историк Натан Эдельман, цикл социальных изменений обычно начинается как «революция сверху», и потому народ не разделяет управленческой эйфории чуждой ему *просвещенной* элиты до тех пор, пока инициатива не переходит вниз, после чего дело кончается бунтом и его последующим подавлением. Репрессивный период противостояния правителей и подчиненной массы вскоре после этого начинается снова.

Поскольку элита обладает социальной монополией, что обеспечивает ей неподконтрольность, значительные привилегии и широкий доступ к социальным благам, она не склонна делиться с народом. Но, несмотря на выводы Г. Моски о тенденциях к социальному самозамыканию, порождающему застой в элитах и обществе, социологи не считают, что верхние слои действительно привлекают к власти новую элиту. Ведь в этом случае речь идет не об «обновлении крови» (как вульгарно представляют дело обыватели), а о кардинальной смене принципов организации элит: наследование заменяется избранием, вассальные отношения — гражданскими и т. п. Необходимость периодического «оживления» воспринимается элитой двойственно, и разнообразие антикризисной тактики делит ее на противоборствующие части.

Социолог К. Кумар в своем исследовании возникновения современного общества¹ критикует концепцию буржуазной революции К. Маркса (который считал, что более прогрессивный экономический класс добился политического господства, вырвав власть из рук недееспособной аристократии), доказывая, что именно аристократия была

¹ *Kumar K. The rise of modern society. Oxford, 1988.*

творцом капитализации Европы. Проведенный им анализ персонального состава элит до и после индустриально-политических переворотов показал, что крупнейшие собственники земли стали впоследствии и крупнейшими капиталистами. Рассматривая логику взаимодействия новой экономической и старой политической элит, он представил его как социальную игру с нулевой суммой, в которой смертельная схватка невыгодна обеим сторонам. Поэтому происходит парадоксальное явление: верхние слои приводят к власти новую элиту (сохраняя важные для себя монопольные позиции).

Итак, сложный, многозвенный путь социального познания привел социологов к выводу, что возникновение новых социальных общностей из маргинальных, неустроенных групп есть источник общественного саморазвития, социальных изменений.

6. МАССЫ И ТОЛПЫ

Как потребности людей имеют более или менее значимый и постоянный характер, так и общности могут быть устойчивыми или временными, хорошо структурированными или размытыми (диффузными). Массовидные общности, к которым социологи относят массы, аудитории, социальные движения и толпы, являются наиболее загадочными, поскольку не имеют жесткого структурного скелета.

Построенные порой из «случайного» материала, массовидные общности соединяют очень разных, порой даже незнакомых людей. Их однотипное поведение (футбольных фанатов, зрителей сериала, демонстрантов, любопытных зевак и т. п.) зачастую продиктовано не разумом, а чувствами. Т. е. влечет их за собой не осознание общности целей, а ощущение общности эмоций. Конечно, люди всегда способны приписывать (в том числе рациональные) смысл своим действиям, но специалисты давно отметили, что поведению массовидной общности присущи эмоциональное выражение и аффект. Выходя из зала, стадиона или выби-

раясь из толпы, человек нередко удивляется тому, что он только что делал нечто, вовсе ему не присущее.

Поэтому в изучении «диких», объединенных первобытными чувствами сообществ (которые, впрочем, могут вести себя вполне достойно и мирно) социологи чувствуют себя неуверенно, как с объектами иной, незнакомой, природы, не поддающимися магическим заклинаниям норм, правил и договоренностей, и инициативу у них перенимают социальные психологи.

Классические труды, посвященные феномену массового поведения, были написаны задолго до нашего рождения. Это «Толпа и публика» Габриэля Тарда (1883) и «О поведении толпы» Густава Лебона (1903). Тард впервые разделил (в понятиях, конечно) толпу и массу. *Толпу* он определил как группу людей, находящихся в прямом контакте, обусловленном физической близостью. *Масса*, члены которой ведут себя сходным образом, отличается от толпы опосредованным контактом в группе.

Внимание, которое стали проявлять ученые к коллективному поведению в XX в., было неслучайным. По мнению нашего современника, известного социального философа Х. Ортеги-и-Гассета, изучавшего в первую очередь тоталитарные, фашистские, общества, в этот период сформировалось *массовое общество*, в котором господствуют стандарты массовой культуры. Это бесструктурное общество, маргинализирующее всё и вся. Социальная атомизация происходит во всех современных обществах, для которых характерным явлением становятся психозы моды, массовые истерии и иные проявления, более ярко выраженные в обществах тоталитарного типа.

Если какие-то значимые потребности людей не реализуются, и они осознают это как угрозу своему существованию, включаются особые механизмы защитного поведения. Когда возникает общность интереса, основанная на беспокойстве или даже страхе, формируется толпа или масса. Дело может даже дойти до паники, происходит словно заражение отрицательными эмоциями — в первую оче-

редь, страхом. Поэтому теорию Г. Лебона и Г. Тарда стали называть *эпидемиологическим направлением социологии общностей*. Эти исследователи подчеркивали возникновение чувства *анонимности, бесконтрольности* и поэтому *вседозволенности* члена толпы, поскольку потеряность в массе других людей и единство испытываемых всеми эмоций выводят его из состояния «социальной зачарованности». Он перестает ощущать свои ролевые маски, они в этот момент не требуются ему, никто из окружающих людей не предъявляет ему этих ролевых ожиданий. Человек как бы регрессирует в мир первозданных «нутряных» страстей. И Г. Лебон и Г. Тард отмечают, что в толпе формируется чувство особой мощи, многократного увеличения собственных усилий отдельного человека, он чувствует себя увлеченным общим порывом, превращается в часть единого живого организма (русский писатель М. Горький так описывал толпу-птицу в романе «Мать»). Во главе этой свежепереплавленной общности стоит лидер, и толпа полностью, беспрекословно подчиняется его воле.

Зигмунд Фрейд, теоретические принципы которого были взяты на вооружение представителями психоаналитического направления в социологии (кстати, довольно распространенного в дореволюционной России), тоже внес свой вклад в изучение психозов толпы. Рассматривая поведение толпы сквозь призму индивидуальной психологии, он объяснял специфику происходящего конфликтом социокультурного и бессознательного в психике человека. Исходя из своей концепции структурного конфликта между *Super Ego* (нормативной сферой личности) и *Id* (подсознанием), Фрейд выделял *агрессивные* и *податливые* толпы, в которых происходит абсолютная потеря воли отдельного человека.

7. ОБЪЯСНЕНИЕ ПРИЧИН ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Далеко не все массовидные социальные движения объясняются разгулом неосознаваемых страстей или эмоцио-

нальным заражением. В поиске более сложных и в то же время более точных моделей теоретического объяснения массовых феноменов автор концепции *социального обмена* Джордж Хоманс выдвинул идею «внешней и внутренней системы человеческой группы»¹, основными элементами которой являлись деятельность, чувства, взаимодействия и нормы. Теория, которую этот исследователь развивал с 1930-х гг., базировалась на посылке, что люди во взаимодействии друг с другом пытаются *достичь блага*, и чем значимее благо, тем больше человек предпринимает усилий к объединению.

Герберт Мид, решавший ту же самую проблему, пришел к выводу, что человеческие объединения больше зависят от общих представлений людей, которые он рассматривал как «индивидуальные перспективы». В своей теории «акта», которая впоследствии легла в основу нового социологического направления — символического интеракционизма — Д. Г. Мид глубоко обосновал положение, что люди часто общаются, помогают друг другу из таких «эмоционально-рациональных» побуждений, как *одинаковое понимание* добра и зла, социальных ценностей и т. п. Т. е. люди, соединяющиеся в общности, реагируют не на угрозы и не на блага, а на смыслы, значения, трактовки символов, пытаясь упредить действия друг друга.

Рассматривая коллективное поведение с точки зрения предварительных установок (предиспозиций), другой исследователь, Гордон Олпорт, выдвинул теорию, что новый социальный субъект формируется посредством *конвергенции предрасположенностей*, т. е. единства оценок, ценностей, придаваемых значений, стереотипов, которыми обладают члены формирующейся общности. Он теоретически обосновал, что в основе зарождения нового массового движения лежит и сходство эмоций, и рациональные предпочтения людей.

¹ *Homans G. K. The human group. N. Y., 1950.*

Известный американский социолог Нейл Смелзер в своей книге «Массовое поведение» (1964—1967) структурировал теорию конвергенции Г. Олпорта. Он достаточно однозначно положил в основу своей объяснительной концепции возникновения новой общности не эмоциональные, а рациональные основания.

8. ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ОБЩНОСТИ

Теория *рационального ценностно ориентированного поведения* Н. Смелзера позволила не только отразить и интерпретировать этапы формирования общностей, но и воспроизвести (научно смоделировать) логические стадии этого процесса:

1. *Формирование* максимально обобщенных представлений относительно *идеалов, целей, задач* будущей ассоциации.
2. *Нагнетание* на основе общего видения проблемы определенной *напряженности* в первую очередь за счет преувеличения угроз и выявления «общего врага».
3. *Взращивание* неявного, предварительного туманного *верования о принципах действия* общности, воспитание предпочтений относительно будущей модели активности (легальной, нелегальной, насильственной, мирной и т. п.).
4. *Обращение к истории* в поисках образцов для заимствования (так поступают в новой России казаки, дворяне и другие «возрожденческие» общности).
5. *Мобилизация для действий*: расширение числа сторонников и подготовка их к организации.
6. *Введение внутреннего социального контроля*, т. е. прав и обязанностей, позволяющих требовать, наказывать, поощрять, изгонять, носить символику.
7. *Вхождение новой массовой организации* (встраивание, вливание, принятие общественным мнением, узаконение) в существующие общественные структуры.

Последний этап знаменует вращение новой общности в систему сложившихся общественных связей: образование партии, другой юридически фиксированной организации, институционализация, продвижение «своих» во властные элиты и т. д.

9. ИСКУССТВЕННАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ПРИ СОЗДАНИИ НОВОЙ ОБЩНОСТИ

Вся социология, в том числе и теории общностей, может быть условно поделена на *идеалистическую* и *прагматическую*. Как-то так получилось, что более системный, многослойный, философствующий, аксиологический (ценностный) взгляд на проблему человеческих союзов демонстрировали европейские школы социологии, а прагматический, деловой, результатный, поведенческий подход развивался на американской национальной почве научного общественнознания. Однако в такой значимой прикладной сфере, как разработка технологических принципов «искусственного» создания общностей французы даже обошли американцев.

Известный теоретик акционализма (социологии действия) Алэн Турэн, осуществляя прагматический анализ процесса увеличения мощи, влияния, возрастания субъектности и встраивания новых общностей в существующие социальные структуры, создал научный фундамент многочисленных *мобилизационных концепций*, которые могут быть однозначно отнесены к *менеджерияльным теориям* (т. е. развернутым инструкциям для политиков, управленцев).

А. Турэн — основатель нового направления «социологии действия», которое приветствует включение социологов в реальные общественные процессы и даже поощряет социологические десанты в места интересных социальных событий. Ну, а наличие подобного «неомарксистского задора» (стремления вмешиваться в ход событий с целью тактической или даже стратегической корректировки ситуации) требует великолепного знания уже не просто ана-

томии социального организма, а, что более сложно, его «социальной физиологии». Именно такая научная установка (на опыт, успешный общественный эксперимент) позволила теоретикам социальной мобилизации выявить наиболее существенные элементы *механизма конструирования* новых ассоциаций.

Первый элемент механизма искусственного создания общности — это обратная, «отрицательная» логика искусственной мобилизации общности. Оказалось, что наиболее действенным механизмом консолидации является не единство целей, а наличие общего врага. Т. е. общности наиболее легко объединяются не «за», а «против», поэтому в первую очередь необходимо *обеспечить возможность осознания противника*, а не апеллировать к общим интересам, целям и ценностям.

Второй элемент — это максимально примитивные и простые, очень *привлекательные по содержанию и туманные по подтексту лозунги*. Они должны привлекать наибольшее число сторонников (например, «За великую и могучую Россию!») и при этом не поддаваться анализу и контролю (конкретно: какую «великую»? какую «могучую»? — экономически, политически, военно-стратегически или как? и какими средствами: войной ли, технологической перестройкой, хозяйственной автаркией, затягиванием поясов? а в какие исторические сроки?). Формулировка лозунга должна быть такова, чтобы с его «идеями» могли солидаризоваться самые разные люди, которые, на поверку, вкладывают в него весьма различающиеся значения (смыслы).

Третий элемент механизма социальной мобилизации — *демонстрация силы*. За слабым не идут, поэтому для привлечения новых сторонников необходимо или произвести впечатляющий смотр сил, или организовать *фальсификацию* силы. Социальная мощь общности ассоциируется:

- 1) с большой массой (многочисленностью);
- 2) хорошо отлаженной организацией (дееспособностью);
- 3) функциональной монополией (значимостью);
- 4) наличием специфических ресурсов влияния (властью).

Каждый из этих признаков может быть специально проявлен или «заявлен» для того, чтобы привлечь новых сторонников.

Четвертый элемент механизма социальной мобилизации, который может быть использован для искусственного «конструирования» общности, это привлекательный *харизматический лидер*. Он не просто избранный, а скорее «богоизбранный» руководитель, которому приписываются исключительные личностные и социальные качества. Харизматический лидер несет благодать избавления от проблем, выполняя великую общественную миссию и открывая своим последователям новые горизонты. Он воспринимается членами общности как вождь, полумистическая фигура, отношение к которой предполагает полную эмоциональную самоотдачу, подчинение и доверие. Именно таким остается *традиционное* отношение россиян к главе государства, что своеобразно обуславливает и ограничения конкурентной борьбы внутри политической элиты, и дополнительные ресурсы центральной власти, использующей харизму лидера как социальный капитал.

Обязательные элементы (инварианты) теорий социальной мобилизации носят, как видим, весьма операциональный характер и могут применяться не только для конструктивного анализа, но и для «строительства» социальных общностей, чем пользуются и политики, и крупные финансовые аферисты, и маркетологи, и борцы за «зеленый мир». В этом смысле социальные технологии немногим отличаются от производственных: они действенны безотносительно к целям (альтруистическим или корыстным, благим или разрушительным), которые ставят идеологи проекта.

Литература

Атоян А. М. Социальная маргиналистика // Политические исследования. 1993. № 6.

Беккер Д. В обществе — об обществе // Социологос. М., 1991.

Бхаскар Р. Общества // Там же.

Зиммель Г. Экскурс по проблеме: Как возможно общество? // Вопросы социологии. 1993. Т. 2. № 3.

Кистяковский Б. А. Общество и индивид // Социологические исследования. 1996. № 2.

Крозье М. Основные тенденции современных сложных обществ // Социально-политический журнал. 1992. № 6—7.

Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб, 1994.

Лурье С. Культурно-психологические факторы распада крестьянской общины // Человек. 1992. № 4.

Манхейм К. Человек и общество в век преобразования. М., 1991.

Социальная маргинальность: Характеристика основных концепций и подходов в современной социологии (обзор) // Общественные науки. РЖ «Социология». 1992. № 2. Сер. 11.

Стариков Е. И. Маргинал и маргинальность в советском обществе // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 4.

Фарж А. Маргиналы: Опыт словаря нового мышления. М., 1989.

Шилз Э. Общество и общества: Макросоциологический подход // Американская социология. М., 1972.

Ядов В. А. Символические и примордиальные солидарности (социальные идентификации личности) в условиях быстрых социальных перемен // Проблемы теоретической социологии. СПб, 1994.

IV. ОБЩЕСТВА

Социология, изучающая группы и общности, делает научный вывод о том, что люди живут ассоциациями, которые суть формы социального существования. Но стоит задаться вопросом: «А не является ли этот результат откровением типа: “Оказывается, я всю жизнь говорил прозой”»? Можно ли из этой информации извлечь какой-то операциональный смысл и помогает ли она лучше понимать другие, более сложные, вещи? И, самое главное, — достаточно ли полученных знаний для лучшего понимания мира, в котором мы живем, и той актуальной социальной среды, в которой мы делаем социальную карьеру?

Когда наступает пора оценок, сомнений и перепроверки, что делает скептический прагматик (т. е. настоящий социолог)? Подставляет значения в общие формулы и смотрит, есть ли в них какой-то «физический» (т. е., конечно, социологический) смысл.

В теории общностей мы выявили, что общество:

- 1) тоже общность, только достаточно большая;
- 2) это общность современного типа, отличающаяся от традиционной;
- 3) это постоянно развивающаяся система многочисленных более мелких общностей (архаичных и современных, сформированных или зарождающихся, структурированных или «массовидных» и т. п.).

Поэтому для приращения знания просто необходимо выяснить его особый, отличающийся, специфический общий смысл.

1. ИНТУИЦИИ И ОБЫДЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕ

Отчасти потому, что «общество» окружает нас постоянно, мы перестаем ощущать вызываемые им резонансы в

развитии собственной социальной судьбы и жизни наших социальных корпораций. Игнорируя его влияния, мы уподобляемся страусу, прячущему голову в песок своих надежд: «Авось пронесет». Но есть более радикальный способ борьбы со страхом неизвестности — узнавание, которое позволяет принимать осмысленные решения и, в особо значимых случаях, поступать по-своему.

Так как «наблюдаемая», актуальная часть нашего мира поддается простой систематизации (хорошие — плохие, богатые — бедные, начальники — подчиненные, порядочные — бесчестные, умные — дураки, свои — чужие) и формируется как таковая в основном благодаря нашим собственным, нередко осознанным, выборам (с кем поддерживать отношения, куда стремиться, откуда черпать значимую социальную информацию), «общество» предстает неким неявным образованием с туманными очертаниями и внешне разбалансированной, неопределенной динамикой. Представления о нем людей «простых» и даже «сложных» так же часто разрушаются, как и подтверждаются, хотя каждое общество (надо отдать должное) стремится предоставить своим гражданам шанс «пойти с собой в разведку», т. е. всем вместе пережить какие-нибудь жизнепотрясающие испытания — и узнать друг друга получше. Возникающее при этом сразу у многих людей *субъективное ощущение солидарности* — один из лучших индикаторов объективности общества.

Интуиции по поводу общества, основанные на обыденном опыте, обычно укладываются в три обобщенных представления:

- общество — это люди (т. е. не один человек, а много);
- люди эти чем-то связаны, объединены, и это нечто позволяет отличать «наших» людей от «не-наших»;
- человеку необходимо (и выгодно) жить в обществе.

Причем общество воздействует на человека мистически, принудительно и тотально, а человек на общество — практически, избирательно и локально. Общество туман-

но мыслится как некое организованное единство, правила которого лучше не нарушать, если хочешь (вынужден) в нем оставаться; как некая сила, противостояние которой чревато наказанием; как естественная атмосфера, которую не выбирают, но должны в ней дышать... Устное народное творчество, прививаемые правила морали, передающиеся духовные заповеди разных народов отражают это общее генерализованное верование.

2. КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Один из подходов к анализу общества predetermined тем, что оно представляет совокупность людей, осуществляющих совместную деятельность. Люди являются главным элементом строения общества, а источником их объединения и последующего формирования общности выступает социальное взаимодействие. «Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей», — пишет К. Маркс¹. «...Общество существует не “вне” и независимо от индивидов... а только как система взаимодействующих единиц, без которых, вне которых оно немислимо и невозможно, как невозможно всякое явление без составляющих его элементов», — считает П. А. Сорокин².

Последовательная реализация этого подхода заключена в двух выводах. Первый: прекращается взаимодействие — умирает общество. Второй: общество не реально, оно только способ нашего рассмотрения «соединения отдельных людей». Рациональный подход к нему возможен в том смысле, что «общество будет только названием для суммы этих взаимодействий, названием, которое будет применимо лишь постольку, поскольку они установлены»³. С этой

¹ Маркс К. Письмо к П. В. Анненкову 28.12.1846 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 402.

² Сорокин П. А. Система социологии. М., 1993. Т. 1. С. 57.

³ Зиммель Г. Социальная дифференциация. М., 1909. С. 20.

точки зрения общество выглядит достаточно рельефным материальным телом с определенной формой и отчетливой структурной организацией именно вследствие того, что его смысловой покров условен, представляя собой просто «идеальный синтез» (типизацию) соединения «настоящих реальностей»¹ — отдельных людей.

Поскольку деятельный подход берется за аксиому, то индикатором социальных различий становится характер проявленной социальной активности: людей в принципе можно классифицировать на пассивных, активных и инициативных, а также на нормативных и отклоняющихся. Квинтэссенцией таких типизаций является классовый подход, в котором разделение общественного труда выступает основным источником структурирования общества. Складывающийся при этом организм, функционально специализированная система, неизбежно пропитывается структурными конфликтами, вытекающими из различия социальных положений функциональных групп.

В разветвленной системе современных социальных взаимодействий структура общества приобретает все более функциональный вид, т. е. люди подразделяются на группы в зависимости от того, каким родом деятельности они занимаются, а характер их взаимодействий с другими людьми и группами определяет их социальное положение. «Индивиды в самом деле группируются здесь уже не в соответствии со своим происхождением, но в соответствии с особой природой социальной деятельности, которой они себя посвящают»².

Профессия (род социальных занятий) действительно считается в современном обществе важнейшим критерием стратификации (расслоения) и главным фактором, предопределяющим общественное положение человека. Об этом писал в 1960-е гг. Б. Барбер («первым среди ряда равно-

¹ Зиммель Г. Социальная дифференциация. С. 15.

² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С.173.

значных измерений стратификации... является престиж профессий...»), а в 1990-е гг. К. Кумар, Д. Нэсбитт и другие отмечают еще большее возрастание его значимости. Престижность профессии прямо коррелируется с системами социальных, и, в первую очередь, имущественных, денежных, вознаграждений. Даже несмотря на зачастую не соответствующий (как в современной России) уровень профессиональной подготовки конкретных людей, выполняющих важные социальные функции .

Изначально гуманистическая и человекоцентрированная, «деятельностная» парадигма общества в своем последовательном воплощении приводит к отчужденно-абстрактной трактовке социальной структуры (ценность человека — в его социальной функции) и нормативно-конфликтологической интерпретации социального развития. Уклонение от выполнения социально признанных, ценимых общественных функций рассматривается как аномия (ненормальное, болезненное явление в развитии общества), а стремление поменять функцию на более ценимую, т. е. завоевать лучшую социальную позицию, как конфликт.

Социальная структура в таких теоретических моделях общества представлена социальными группами в их конкретном воплощении, расположенными над и рядом друг с другом, а система взаимодействий — как эквивалентная (обменная в пределах одного социального горизонта) и неэквивалентная (кратическая, экспроприаторская — между уровнями социальной структуры). Динамика социальной дифференциации при этом очерчена весьма схематично, лишь в общих чертах, а сама структура представлена очень обобщенно, поскольку включает только сформировавшиеся и проявляющие себя в организованной деятельности группы, не вбирающие в свой состав все «социальное вещество» общества.

Иными словами, изучая общество как совокупность взаимодействующих людей, мы сталкиваемся с некоторыми противоречиями, теоретическими препятствиями, которые не позволяют эффективно исследовать текущие, переход-

ные состояния общества и достаточно полно отслеживать процессы развития социальной структуры.

3. КОНЦЕПЦИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА

В научных текстах нет жесткой констатации, что «общество — это система человеческих связей и отношений». Однако социологи довольно часто приходят к этому выводу, изучая различные общественные явления и социальные процессы.

Например, П. Сорокин, один из наиболее известных теоретиков социальной стратификации, среди важнейших причин формирования коллективного единства называет «разнородность социальных функций, выполняемых различными индивидами... Каждый индивид своими силами может удовлетворить только часть потребностей. Для удовлетворения остальных он вынужден обращаться к другим индивидам и вступать с ними во взаимодействие. Иными словами, социальная разнородность индивидов — вот одна из существенных причин, гонящих одних лиц к другим и заставляющих их «связываться» друг с другом»¹. Интересно, что целый ряд известных и оригинальных социальных теоретиков — Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, К. Маркс — объясняют нечто, скрепляющее общественное единство индивидов и воспринимаемое людьми как «весьма сильное чувство состояния зависимости»², удивительно сходным образом.

Чтобы общество взаимодействующих индивидов постоянно не «рассыпалось», взаимодействие должно базироваться на необходимых, объективных связях и социальных отношениях. Сорокин изящно решает эту проблему в теории, считая, что когда между индивидами «существует функциональная связь, тогда мы говорим, что эти индивиды взаимодействуют...»³.

¹ Сорокин П. А. Система социологии. С. 346.

² Там же. С. 347.

³ Там же. С. 102.

К. Маркс, напротив, материалистично опирается в своих объяснениях на «определенную ступень развития... производительных сил» (взаимодействующих посредством техники индивидов), которым соответствует «экономическая структура общества, реальный базис» производственных отношений, определяющих «анатомию гражданского общества» с его идеологическими надстройками¹. И в том, и в другом случае исследователи признают, что общество скрепляет в единое целое некая зависимость, связь. Такой подход предполагает относительно самостоятельную область значений для определения «общество», которое предстает как система отношений или объективно обусловленных (в значительной степени — вынужденных) и потому постоянно воспроизводящихся контактов между людьми.

Складывающиеся в процессе совместной жизни людей передающиеся потомкам и «приемным» членам привычки контактировать определенным, типическим образом, а в ряде случаев и собственно организации, поддерживающие их воспроизводство (государство, право, образование, церковь, семья), исследователи системы общественных отношений определяют понятием «*институты*».

«Институты — это словесный символ для лучшего обозначения группы общественных обычаев. Они означают преобладающий и постоянный образ мысли, который стал привычным для группы или превратился для народа в обычай... Институты устанавливают границы и формы человеческой деятельности. Мир обычаев и привычек, к которому мы приспособляем нашу жизнь, представляет собой сплетение и неразрывную ткань институтов»². Поскольку речь идет о закреплении определенного характера общественных связей, которые формируют параметр деятельности, можно сделать предположение о принципах

¹ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6—7.

² Hamilton W. Institution. Encyclopaedia of the Social Sciences. N. Y., 1932. V. 8. P. 84.

альной сочетаемости подходов к социальной организации в первой и второй концепциях общества. Действительно, это имеет место в теории. Например, в исследованиях Т. Парсонса, Г. Ленски само существование социальных институтов объясняется функциональными потребностями поддержки гомеостаза общественной системы.

К. Маркс считает производственные связи первичными и порождающими структуры соответствующих социальных, политических и духовных отношений. Поскольку считается, что субъекты, воспроизводящие определенный тип связей, функционально закреплены в устойчивой общественной диспозиции, они образуют иерархию соответственно *значимости отношений*. Именно поэтому средоточие структурного конфликта он видел в (эксплуататорском, неэквивалентном) характере экономических связей. А институт собственности в его концепции предопределял характер и перспективы развития института власти. Марксистский подход, хотя и в значительно модифицированном виде, популярен до сих пор, поскольку отражает общую логику социальной эволюции обществ «экономической эпохи», а также акцентирует внимание на тенденциях развития индустриальной цивилизации.

Общество как совокупность отношений в своей завершенной трактовке позволяет решить целый ряд теоретических проблем, поскольку признает, что люди выступают не только субъектом, но и объектом отношений, транслируя и воспринимая их общий характер. Эта концепция позволяет объяснить экспансию обществ вовне (империи, цивилизации), процессы социокультурного обмена внутри и между обществами, т. е. принципиальную открытость общественных систем. Структура общественных отношений, таким образом, создается на макроуровне социальных взаимодействий в процессе институционализации (самовоспроизводства) общества и закрепляется на «микроуровне» межличностных контактов, в которых люди предстают друг перед другом в социальных масках, облегчающих им процедуру идентификации (оп-

ределения, узнавания) и общения. Чем более массовым и организованным становится общество, тем более распространяются «представительные» социальные контакты, и тем чаще человек выступает либо носителем определенных функций (в силу институциональных предписаний), либо посланцем определенных статусных групп («солидарностей»).

4. КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ОБМЕНА В ОБЩЕСТВЕ

Если общество как самостоятельное социальное образование действительно существует, оно должно само себя воспроизводить, и поддерживать собственную целостность, и контролировать свои конкретные состояния (получать информацию и реагировать на изменения). И главное подтверждение тому, что общество существует как особая, самостоятельная сущность, исследователи в первую очередь ищут в его самовоспроизводстве. Если нечто производит себя собственными внутренними операциями, используя продукты, созданные внутри системы, значит, оно обладает относительно независимой жизнью и не является результатом действия исключительно внешних факторов. О природе такой самости высказываются довольно смелые гипотезы. «Мы должны несколько рискнуть при определении способа оперирования, при помощи которого общество производит и воспроизводит себя...

Мое предложение: положить в основу понятие коммуникации и тем самым переформулировать социологическую теорию на базе понятия системы вместо понятия действия, — пишет Никлас Луман. — Это позволяет представить социальную систему как оперативно закрытую систему, состоящую из собственных операций, производящую коммуникацию из коммуникаций»¹. Эту идею трак-

¹ Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб, 1994. С. 31.

товки общества как транслируемой информации в диапазоне непрерывных актов «сообщения» и «понимания» он обосновывает методологически весьма убедительно.

В основе осмысления общества (общественной системы) как некоей самости лежит проблема его границ. Любая система с точки зрения формы есть определенное различие между нею самой и окружающей средой, которое производится как изнутри, так и снаружи. Мы сами (россияне), и японцы, и американцы, и другие социальные «свидетели» часто сходным образом идентифицируем «российское общество» как ограниченное социальное пространство со своими внутренними процессами и культурными характеристиками. По логике вещей, мы должны также объективировать общество, отличать его от себя, признавая его самостоятельное существование, а общество должно проявляться в особых, самодостаточных формах, отделяющих его собственное тело (систему символических сообщений) от реальности социальных наблюдателей (их позиций, установок и мнений).

При таком подходе к обществу «социальной операцией является лишь сама коммуникация», которая каждым своим событием как бы открывает и закрывает систему. Говоря более ясным языком, любое (информационное) сообщение либо воспринимается, либо отклоняется человеком, создавая момент неопределенности «выбора» между дальнейшим производством или пресечением коммуникации. Восприятия рассматриваются как своеобразные поры (ворота, шлюзы) системы (общества), поскольку в избранной Н. Луманом теоретической перспективе «конкретные люди являются не частью общества, а частью его окружающей среды. Нет большого смысла утверждать, что общество состоит из отношений между людьми. Понятие коммуникации содержит в себе гораздо более точное предположение (но и реконструирует то, что полагают обычно социологи, когда говорят об «отношениях»)»¹.

¹ Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. С. 33.

Общество, рассмотренное как непрерывный поток информационных сообщений, отражает специфику социальной системы, которая предстает «самоописывающей и самонаблюдающей», поскольку коммуникации предполагают последовательность друг друга, тематическое обобщение, сомнение (критику) и нормирование. Люди же, которые в такой теоретической модели являются автономными системами, и в принципе могли бы дать независимое внешнее описание общества, оказываются заложниками стереотипов восприятия воспитавшей их культуры (символических сообщений — «коммуникаций» и их социальных значений — «отношений»).

Поскольку человек в прямом смысле слова является произведением культуры, он может жить только в особой реальности созданных им значений — в мире символов. «Я поддерживаю, — пишет К. Гиртц, один из лидеров символично-интерпретативного подхода, по существу семиотическое понимание культуры. Полагая вместе с Максом Вебером, что человек есть животное, подвешенное к паутине значений, которую он сам сплел, я понимаю культуру как эту паутину и ее анализ, следовательно, не как экспериментальную науку в поисках закона, а как интерпретативную в поисках значения»¹. В таком ракурсе изучение строения общества становится делом социальной семантики: фиксации знаков различий в символической структуре и их интерпретации. Своим собственным теоретическим путем антрополог К. Гиртц приходит к тому же выводу, что и социолог Н. Луман: «...общества, как и жизни, содержат свои собственные интерпретации. Нужно только научиться находить к ним подход»². Культура, коммуникация, символ, значение, интерпретация становятся областью смыслов, с помощью которых современные социальные мыслители теоретизируют по поводу общества.

¹ Geertz C. The interpretation of Cultures. N. Y. 1973. P.5.

² Там же. С. 453.

5. ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОБЩЕСТВА

Сколько вы знаете гипотез происхождения общества? «Стихийные» социологи в нашей стране обычно отмечают три:

- естественную («труд создал человека» и превратил стадо в культурное сообщество производителей);
- божественную («Бог создал человека» и заповедовал ему материальный мир и нравственный закон);
- космическую («инопланетяне создали людей» и манипулируют человеческим прогрессом в своих лабораторных целях).

Все они ценны и интересны, в равной мере дискуссионны, и ни одна не отвечает на вопрос о «технических деталях» социогенетического механизма, производящего социальную организацию.

В то же время сложился ряд научных теорий, которые, взяв за основу одну из особых характеристик биологии человека, рассматривают вытекающие из нее этапы социального конструирования общественных объединений.

Действительно, если проигнорировать (за недоказанностью) тезис о том, что организм такой сложности, как человеческий, просто не мог сформироваться эволюционным путем за короткий период существования жизни на Земле, и тем самым отменить все «демиургические» и «мутационные» концепции, остается рассмотреть, как человек воплотил свою собственную природу в созданную им общественную систему и социальную организацию.

На этот счет существует ряд интересных догадок (концепций), каждая из которых нашла достаточно развернутое теоретическое воплощение и имеет свой доказательный ряд: инструментальная, сексуальная, кратическая, гендерная, семантическая. Рассмотрим их в общих чертах.

Инструментальная концепция ставит во главу угла человеческую догадливость и сообразительность, повлекшие изобретение специальных орудий для удовлетворе-

ния потребностей. Примитивные, а затем все усложняющиеся, они экономили усилия человека, направленные на добычу тепла и пропитания, обеспечение защиты и сохранение продуктов. Используя орудия, люди обучались трудиться, повышалось их благосостояние. Это привело к функциональному делению общины и закреплению системы разделения труда, а также к появлению экономических различий между людьми и семейными группами. Возникла и стала развиваться социальная организация.

Сексуальная концепция базируется на такой особенности человека, как внесезонный характер размножения и удовольствие от спаривания. Это сочетание физиологических характеристик приводит к спонтанному, неконтролируемому хаосу вынашиваний и рождений, которые выбивают жизнь группы из ритма, делают ее непредсказуемой, требуют обеспечения повышенной физической защиты слабых членов общины — женщин и детей — и могут создавать нагрузки, губительные для конкретного сообщества. Установление *контроля над рождаемостью* связано с формированием семей и возникновением норм, регулирующих сексуальные, а вместе с ними и другие отношения членов общины. Регламент воспроизводства, развиваясь и принося свои плоды в виде более предсказуемой перспективы, возможности планировать хозяйственную жизнь и персональные взаимоотношения, дает социальную организацию, которой человечество успешно пользуется до сих пор.

*Кратическая*¹ концепция опирается на принципы общей теории систем и выводит возникновение человеческих ассоциаций, способных выполнять сложную целесообразную деятельность, из *развития управляющей подсистемы*. Сила и ум, присущие людям, распределены среди них неравномерно. Соединяясь с природной экспансивностью (жадностью и любопытством), эти качества легко пре-

¹ Кратос — власть; кратические отношения — это отношения власти и соподчинения.

вращаются в «монополии», когда приоритет человека по значимому признаку (физическая мощь, ловкость, изобретательность, наблюдательность и др.) позволяет ему занять позицию лидера и прибрать к рукам сразу все выигрыши: лучшее место, лучшую пищу, лучших сексуальных партнеров и т. п. Научаясь повелевать и принимать знаки подчинения соплеменников, лидеры начинают формировать и утверждать *систему правил почитания вождей, передачи власти, распределения привилегий* среди остальных членов общины. Нормы, сохраняющие и поддерживающие отношения неравенства (суть — порядка) ложатся в основу социальной организации, т. е. регламентированной, упорядоченной, подконтрольной в своей деятельности и развитии человеческой ассоциации. Элита, получая желаемое, использует *власть*, т. е. разнообразные рычаги влияния на массу, чтобы сохранить свое привилегированное положение и присваивать создаваемые группой ресурсы, но взамен, в силу своей же заинтересованности, стремится обеспечить защиту, рост и процветание общины (продуктами которой она кормится).

Гендерная концепция основана на анализе распределения социальных ролей между полами и изучает половое неравенство в обществе. Поскольку женщина обладает биологической монополией на воспроизводство рода, а в силу физической недееспособности человеческих младенцев становится не только родительницей, но и первым образцом для подражания, она «по естеству» обладает значимостью и распорядительной волей. Мужчина в силу тех же причин индивидуально незначителен, заменяем, и функционально занимает роль сервера по обслуживанию процесса воспроизводства, обеспечивая зачатие, защиту, тепло, кров и питание. Неудовлетворенные своей вспомогательной позицией, мужчины (и в этом состоит их историческая гениальность) создают искусственный противовес женской монополии воспроизводства в виде *мужской монополии на установление порядка*. Теоретики феминизма делают вывод, что в тот момент, когда происходит договор между

мужчинами о распределении женщин, возникает социальная организация, общность, в которой действуют правила общежития. Несмотря на то, что мужчины испокон века нарушали собственные договоренности, они продолжают держаться своей первобытной круговой поруки и не допускают женщин в социально значимые сферы, связанные с руководством, распоряжением ресурсами, властью. В этом смысле *политика есть порождение андрогенной цивилизации* (которая, кстати, именно в период нашей жизни потихоньку приходит в упадок, поэтому роль женщин в современном мире повышается и существенно видоизменяет сложившиеся отношения, решения и структуры).

*Семантическая*¹ концепция строится на признании слабости человека как биологического существа. Люди, действительно, потрясающе уязвимы — и в физическом и в психическом смысле. Стоит также допустить, что мы не самые хитрые и не самые умные на планете (хотя бы потому, что мы самовлюбленные, т. е. «слепые», и недалёковидные, т. е. «тупые»). К тому же, для разнообразия, стоит подумать над тем, что человек — один из относительно молодых видов, поскольку антропологи отводят ему самое большее 8—10 миллионов лет эволюции, в то время как по планете бегают, ползают и плавают существа, в десятки раз более «апробированные» разнообразными циклами земной жизни, поэтому считать себя достаточно неуязвимыми у нас нет никаких оснований. В связи с этой биологической слабостью закон выживания толкает человеческих индивидов к объединению усилий, к созданию коллективного «органического тела», способного справиться с множеством разнообразных задач. Групповое взаимодействие связано с координацией усилий, дифференциацией и комбинированием функций. Такая сложноорганизованная деятельность требует предварительного согласования и непосредственной корректировки. Это возмож-

¹ Семантическая — знаково-символическая.

но только с *развитием общения, с использованием языка*. Разрабатывая обозначения и символы, договариваясь о правилах толкования знаков, все активнее используя речь, люди формируют организованный мир коммуникации, которая предваряет, опосредует и завершает циклы материальной, продуктивной, деятельности. В результате возникает система упорядоченных (договоренных) коллективных взаимодействий и специальных групповых функций, формируется общество.

Социологические концепции происхождения человеческих ассоциаций, как видим, очень разнообразны. Они апеллируют к разным факторам формирования наблюдаемой сегодня общественной реальности. И действительно, техника, семья, власть, неравенство, язык являются неотъемлемыми, существенными факторами организации особого облика современных обществ в их уникальном воплощении.

6. СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: СОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Продолжая уточнять наши представления об обществе, мы следуем традиционным путем научной логики: от общего — к частному. Что такое *общество*, нам уже более-менее ясно, а вот что такое *современное* — это еще вопрос. Поскольку общество есть качественная характеристика общности современного типа, то дефиниция «современное общество» звучит для понимающего человека примерно как «масло масляное», — весьма тавтологично. Следовательно, надо стать еще более компетентными, чтобы различать нюансы этих значений.

Сложность различения состоит в следующем. В понятии «современное общество» переплетаются и характеристики сложной организации крупных сообществ, и указание на качественно новый тип социальной системы, и отнесение явления к исторической современности. В этом плане современное *нам* российское общество является обществом, но не современным, поскольку оно

по принципам своей организации и по сформировавшимся к концу тысячелетия тенденциям социальных изменений не может быть отнесено к социологической *постсовременности*.

Если свести воедино многочисленные разнообразные критерии современного общества, то получится интересная картина скрытого до времени, но существенного разлома нашего метасообщества (человечества) на качественно отличающиеся составные части.

Современное общество (новое время)		Современное современное общество (новейшее время)	
Индустриальный	<i>Технический базис</i>	Информационный	
Товары	<i>Основа благосостояния общества</i>	Знания	
Промышленность	<i>Ведущая отрасль</i>	Сервис	
Рабочие	<i>Массовый класс</i>	Служащие, управленцы	
Руководство	<i>Принцип управления</i>	Согласование	
Статусная, «зернистая»	<i>Социальная структура</i>	Функциональная, «сотовая»	
Авторитаризм, представительная демократия	<i>Политический режим</i>	Непосредственная демократия, самоуправление	
Социоцентризм	<i>Идеология</i>	Гуманизм	
Мировые религии	<i>Религия</i>	Мелкие конфессии	

Если просто современное общество рассматривалось социологами как результат общественного договора, продукт разделения труда или система классово-эксплуатации (и достаточно было произнести магические формулы «свобода, равенство и братство» или «демократия, права человека и частная собственность», чтобы понять, о чем идет речь), то *современное современное общество* — го-

раздо более сложное и специфическое образование, которое в трех словах не опишешь. Поэтому социологи строят многомерные теоретические модели для отражения этой новой «современности».

К последней четверти XX в. почти одновременно прозвучали три теоретических выстрела: в научный оборот вошли и стали популярным инструментом анализа и социального прогнозирования концепции *постиндустриального общества* Дэниела Белла, *глобального общества* Иммануила Валлерштайна и *коммуникативного общества* Никласа Лумана.

Интересно то, что практически все они строили свою логику размышлений о современности, исходя из признания автономности развития разных сфер общества (экономики, политики и культуры). А поскольку такая научная позиция не требовала соединения в одной модели всех наблюдаемых соответствий в жизни общества, так как каждая область социального развития имеет свои собственные причины и механизмы, они выявляли реальные организационные изменения (в строении и функционировании) современного общества.

7. ТЕОРИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Смена технологического базиса, которая отражает прогресс прикладного знания и совершенствование средств производства, действительно вывела современное общество за рамки детерминистской логики экономической цивилизации (доиндустриального и индустриального типа). Добыча (в аграрных обществах) и переработка (в промышленных) продуктов природы постепенно сменяется добычей и переработкой информации и преимущественным развитием сферы услуг.

Изменение технологии сказывается на организации всей системы социальных связей. Меняется структура занятости, соотношение разных профессионально-квалификационных групп. Доля живого труда в производственных зат-

ратах снизилась почти до 1/10, и теряет смысл расчет стоимости по капиталовложениям, поскольку «общество потребителей» перестает интересоваться тиражируемым (массовым) товаром и ищет уникальных, индивидуальных, творческих способов удовлетворения потребностей своих членов. «Стоимость» окончательно превращается в «ценность» (для покупателя важно не сколько вложено в товар, а что он для него значит), а «собственность» (которая, по К. Марксу, реализуется только в адресном доходе, полезном эффекте от употребления) становится экономическим нонсенсом, поскольку эффект от использования информации тем больше, чем больше она распространена (поэтому реклама — зачастую самые дорогие вложения производителей товаров и услуг — для наивных потребителей распространяется бесплатно).

Информационные технологии захватывают важнейшие сферы жизни: промышленную, военную, политическую и культурную. Они создают принципиально новые условия для индивидуальной конкуренции. Поскольку в современном обществе структура социальных позиций определяется экономическими статусами, а те, в свою очередь, преимущественно характером профессиональной деятельностью человека¹, разницу стартовых условий социального продвижения определяют уже не расовые, половые или возрастные различия, а образование, опыт, мастерство, талант. Одним из важнейших последствий «информатизации» и «серверизации» общества является тенденция «лидерства женщин», наконец получивших реальный шанс соперничать в сфере равных возможностей (наука, образование) или даже приоритетных для них (сфера услуг). В России, где женщины в массе давно более образованы и эмансипированы, чем мужчины, они эффективно реализуют выгоды свободной конкуренции между полами в малом бизнесе.

¹ *Kumar K. The rise of modern society. Oxford, 1988.*

Новый технологический базис производства изменяет само содержание труда, который должен быть: ответственным; профессиональным; компетентным; творческим.

В противном случае нарушается технология, падает эффективность, снижается конкурентоспособность, система приходит в упадок. Недаром японский менеджмент во второй половине XX в. одержал чистую победу над американским: *социальные технологии* выиграли у безупречной технической оснащенности предприятий.

Вообще говоря, анализ динамики социально-экономического развития ряда современных обществ позволил специалистам выявить прямую связь между стратегией капиталовложений и экономическим ростом. Так, развивающиеся страны, направляющие значительные инвестиции в образование и науку, вышли в число конкурентоспособных мировых лидеров производства, а те, кто за счет продажи ресурсов старается ликвидировать экономические и социальные дисбалансы общества, оказываются в углубляющемся кризисе. Знание в современном мире — это важнейший ресурс, позволяющий радикально повысить качество социального управления и использовать возможности *организации*, не прибегая к другим видам *капитала*.

8. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Повышение значимости и постоянное развитие информационных процессов приводит к совершенствованию коммуникационных сетей и средств сообщения во всем мире. Теоретики глобализации современного общества связывают социальное развитие технологических лидеров с их экономической, политической и культурной экспансией. И. Валлерштайн в своей теоретической концепции¹ доказывает, что в 1750—1950 гг. шел процесс становления единой мировой капиталистической системы и происхо-

¹ *Wallerstein I. Development: lodestar or illusion? Bombay, 1988.*

дила поляризация мира. Ядро глобального общества, состоящее из мировых лидеров (производства), использовало выгоды своего положения и закрепляло приоритеты за счет применения *этнорасовых* форм организации труда (проще говоря, эксплуатации колоний и национальных окраин).

Критикуя теорию К. Маркса, Валлерштайн доказывает невозможность мощного индустриального развития европейских стран при условии эксплуатации исключительно собственных хозяйственных и трудовых ресурсов. Только привлечение сырьевых источников и дешевой рабочей силы менее развитых обществ, попадающих в экономическую, затем политическую и социокультурную зависимость, позволило быстро обогащаться метрополиям, наиболее сильные из которых фактически становились империями. К середине XX в. *ядро* (развитые общества) стабилизировалось, поскольку весь окраинный, периферийный мир оказался экономически привязанным к центру), и экстенсивный путь развития мировой системы завершился. Всемирное (глобальное) общество остается структурно поляризованным, и надежд на национальное развитие в такой системе организации питать нельзя: оно достижимо не для всех и только за счет других, — считает И. Валлерштайн.

Это совсем не тот вывод, который мог бы порадовать или хотя бы обнадежить россиян, поскольку именно наше государство (а вместе с ним и общество) в силу ряда причин чисто социального характера утратило позицию мировой сверхдержавы и не использовало ресурсный и мобилизационный потенциал, который позволил бы ему удержаться в ядре, не скатываясь на уровень экономической периферии. Более того, новое положение российского общества в мировом сообществе, строго следуя модели И. Валлерштайна, должно бы быть осмыслено в двух перспективах:

- возможности обретения политических союзников;
- возможности радикального совершенствования технологической базы производства.

Почему именно эти две проблемы следует решать в первую очередь? Потому что в рамках представлений глобалистической концепции общества монополия центра может быть нарушена исключительно объединением менее развитых стран на региональном уровне с целью противодействия экономическому диктату, исходящему из ядра. И. Валлерштайн называет это «эффективностью локальных атак на средние нормы прибыли» в регионах сырьедобычи, которые при частом повторении и широком охвате участников экономического сопротивления дадут «кумулятивный¹ эффект».

Но действительное выхождение отдельного общества, одной национальной экономики из болота социальной зависимости возможно только при условии создания субпериферии, т. е. более слабого окружения, которое в свою очередь должно будет отдать свои ресурсы на строительство локального ядра. При том, что Россия остается державой регионального значения, это довольно реалистичная перспектива противодействия экспансии более мощных партнеров, но входящая в существенное противоречие с новыми политическими идеологемами общества. (Заметим, что пресловутый «социологический цинизм» заключается, собственно, в том, чтобы замечать и фиксировать то, что *есть*, а не то, что *должно быть* или *хочется, чтобы было*. И, наоборот, нам зачастую не хочется замечать «унизительных» отступлений государства с прежде доминирующих политических, экономических, военных и иных важных позиций. Но победа невозможна без осознания причин поражения, а удовольствие побыть империей — без дорогой платы.)

Проблема технической модернизации возникает в связи с тем, что социально-экономическая глобалистика делит ядро и периферию современного мирового сообщества по очень конкретному принципу. Поскольку внутри системы происходит постоянный обмен (в полном соот-

¹ Кумулятивный — умножающийся.

ветствии с рыночными коммуникативными принципами) и поскольку в результате обмена распределение богатства и социального благополучия оказывается весьма неравномерным (в полном соответствии с кратическими, властными, организационными принципами) достаточно лишь проанализировать, меняются ли «сапоги на сюртуки» или «зеркальца и стеклянные бусы на золотые украшения».

Оказывается, что нет и нет: идет обмен знаний на ресурсы, информации на энергию. Ядро, пользуясь своим интеллектуальным (хотя, конечно, и экономическим) превосходством, продает *технологии* и *вывозит капитал* (отнюдь не с благотворительной целью развивать экономику своих придатков), а периферия продает сырье, товары и человеческие ресурсы (дешевых работников), вывозя искусство, интеллект и часто — женщин (не в знак признательности, а от безысходности). По этой причине вытеснение России с мировых рынков технологий и высокотехнологичной продукции (которую производит в основном отечественный военно-промышленный комплекс), а также «утечка умов» должны рассматриваться обществом как реальная угроза будущему социальному благополучию.

Однако не только проблемы экономического отставания могут беспокоить общество, находящееся на пути модернизации (осовременивания). Его должна страшить как перспектива «неуспеха», так и перспектива полного успеха. Социологи выявляют, что общество на постсовременном этапе развития начинает в силу объективных причин терять мобилизационные возможности и собственную идентичность.

9. КОММУНИКАТИВНОЕ ОБЩЕСТВО

Проходя в своей эволюции этапы сегментации, стратификации и функциональной дифференциации, общество в конце концов переживает состояние автономизации (разделения) всех своих важнейших систем. Хозяйство, поли-

тика, право, наука, религия начинают воспроизводиться по своим собственным законам, что делает развитие общественной системы бессвязным, несогласованным и дисгармоничным.

Все социетальные сферы (специализированные системы отношений) общества говорят на разных языках, или используют разные символически обобщенные средства коммуникации, поэтому их семантические миры непрозрачны друг для друга, а ценности одной подсистемы безразличны для другой.

Такой слегка рассыпающийся мир, как считал, например, Т. Парсонс, не может регулироваться общими культурными нормами. Он строится на «акциях» и «интеракциях» (событиях и простейших социальных системах, с точки зрения Н. Лумана), которые возникают благодаря согласованию, здесь и сейчас, взаимодействующих субъектов.

Поскольку общество Лумана состоит из *коммуникаций*, комплексы которых самовоспроизводятся (это аутопойетические системы) и самоосознаются как соотнесенные к самим себе (самореферентные), люди играют в нем фоновую, контекстуальную роль. В процессе социальной эволюции общества происходят такие изменения, как деление социальных систем и отдаление их от непосредственного межличностного общения. Это может быть проще описано как автономизация разных сфер общественной жизни и опустошение смысла (нарастание абстрактности) общества как такового.

Если на более ранних ступенях своего развития оно представляло более целостную систему, и могло идентифицировать (самоинтерпретировать) себя как государство — при приоритете политической сферы, или рыночное общество (развитое, развивающееся, слаборазвитое — все это экономические характеристики) — при приоритете экономической сферы, то теперь оно превратилось в чистую возможность коммуникации, повсеместного социально-информационного взаимодействия — мировое общество.

К чему приводит развитие этой тенденции? Конечно, к нарастанию космополитизма и размыванию социальной идентичности. Атомизация общества проявляется не только в самозамыкании его отдельных подсистем и отрыве этих подсистем от человека, но и в растворении самоидентичности этого отдельного человека, когда смещаются его ценностные установки и социальные критерии. Многие люди приходят к выводу: «Родина там, где *мне* хорошо». И это не просто эгоистический выбор, общество само перестает стучаться в душу каждому человеку, позволяя реализовать его индивидуальные решения, тотально не навязывая системные социальные стандарты.

10. КРИЗИС СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Свобода от социального принуждения — это хорошо. Но вместе с ней приходит и свобода от соединяющей людей культуры (общих символов, правил поведения, нравственных норм, духовных ценностей). Современное общество переживает кризис *идентификации* (социального причисления), когда очень многие люди не могут соотнести себя и, естественно, не испытывают солидарности с такими социальными сообществами, как государство, нация, этнос, религиозная конфессия, класс, профессиональная группа, поколение и т. п., а некоторые даже не задумываются о своей принадлежности к определенному полу (что здорово шокирует социологов, поскольку является одной из «сильнейших», первичных идентификаций). В этом смысле привычный социальный мир рушится, разбивая общество на «подобщества», группы, субкультуры, которые не всегда тесно связаны с окружающей их социальной системой, а нередко находятся с ней в «параллельных мирах» или даже в отношениях открытой конфронтации. Как отметили социологи-прикладники, в разных регионах мира в разных группах населения за 10 лет в 2—3 раза увеличилось число людей, которые вообще не задумы-

ются о своей социальной принадлежности (к определенной семье, товарищескому кругу, поселенческой, статусной, профессиональной группе, этносу, нации). В этом смысле мир современного общества рухнет не только на макроуровне, но и на уровне микросвязей и отношений групповой принадлежности.

Известный современный социолог Энтони Гидденс дает этому процессу аналогичное теоретическое объяснение: поскольку идентификация — единственный способ включения субъекта в социальные отношения и связи, разрушение комплексов самопричисления свидетельствует об атомизации (распылении) современного общества. В то же время социальная напряженность в связи с этим отсутствует, т. е. речь идет в большей степени о депривации общества.

Другой современный исследователь, К. Кумар, делает вывод, что в современном обществе, где социальное причисление человека зависит в основном от важности (престижности) его работы, идентификация носит синкретичный (обобщенный) статусный характер, который человек рассматривает сквозь призму *благополучия* в целом. А поскольку в это благополучие входит и интересная работа, и чистая среда обитания, и гуманистичная социальная структура, люди обостренно реагируют на любые (даже незначительные) негативные изменения как на угрозу своему благополучию.

Зигмунд Фрейд считал, что идентификация есть отождествление не с «выгодным», а с «любимым», и, следовательно, вызывается агрессия по отношению ко всем другим («чужим»). Принимая эту логику «детского» механизма социального самопричисления, мы должны будем признать, что разрушение групповой идентификации приведет к снижению групповой и, возможно, усилению индивидуальной агрессивности. Как считает русский социолог В. А. Ядов, основываясь на данных прикладных исследований, в российском обществе уровень толерантности примерно *равен* американскому. Но у нас относительно более дисперсная, размытая «канализация» агрессивности (не та-

кое жесткое деление на «черных» и «белых», «богатых» и «бедных»), что дает возможность направить массовую агрессию на любого врага, т. е. повышаются возможности социального манипулирования.

Бихевиористы (предпочитающие поведенческий анализ в социологии) рассматривают групповую идентичность как солидарность, возникающую ситуативно, по конкретному поводу и в зависимости от целей индивида — долгосрочных (стратегических) или тактических. А так как в российском обществе ситуации и цели туманны, идет разлом социальной наследственности и прежней идентификационной матрицы.

Представители социологии знания (когнитивисты) вообще считают, что люди идентифицируют себя вследствие концептуализации (т. е. неких целостных осмысленных представлений: мы — «демократы», мы — «студенты», мы — «любители пива», и т. п.). Но эти концепты содержательно неясны, поэтому имеют большей частью символическое, нежели реальное, значение.

Это странное *постмодернистское общество*, которое и является социологически современным, словно отпускает своих чад на «беспривязное» содержание, позволяя чудить, фантазировать, изобретать и забавляться, т. е. реализовывать все человеческие свободы, не противоречащие свободе государственной монополии и интересам экономических корпораций (власти системы).

Ученый футуролог Дж. Нэсбит называет заключительное десятилетие уходящего века периодом «новых триумфов индивидуального». В обществе происходит дистанцирование людей от крупных социальных институтов, возрождаются первичные общности: семейные, товарищеские, клубные, повышается интерес людей к искусству, нетрадиционным религиям. Социальная идентификация как бы совершает ценностный кульбит: происходит откат от правил самопричисления, обусловленных сложившейся социальной структурой и требованиями общества и устанавливаются более спонтанные, самопроизвольные, исходящие из ин-

дивидуальности каждого человека правила причисления к группе и формирования социальных общностей.

В целом социологи высказывают две фундаментальные гипотезы относительно кризиса идентификации (т. е. осознанной упорядоченности социального мира). *Первая*: разрушаются одни основы групповой идентификации, значит, возникают другие. Т. е. процесс разрушения общества характерен не только для наций и народов, переживающих процесс системных изменений (модернизации, социальные трансформации, революции), но для всего мира в целом — и это как бы подтверждает реальность глобального сообщества. *Вторая*: изменение идентификации связано не только со шкалой ценностных критериев социального причисления, но и с социальными установками личности. Ученые отмечают, что меняется соотношение интернальность-экстернальность, т. е. количества людей, полагающихся в большей степени на себя, и людей, локус-контроль которых вынесен из личности («жертв обстоятельств»). В западных обществах по сравнению с африканскими, в протестантских странах по сравнению с католическими больше интерналистов, чем экстерналистов. В России в 1990-х гг. доля интерналистов немного росла, причем за счет более активной и дееспособной молодежи (а в пожилых возрастных группах доля интерналистов несколько падала).

Все это говорит о том, что на современное общество глупо смотреть с вожделием ребенка, мечтающего повзрослеть, чтобы избавиться от детских проблем. На новой стадии социального развития у общества и у каждого конкретного человека возникают новые проблемы — даже более серьезного характера. («Маленькие детки — маленькие бедки», как сказали бы наши бабушки.)

11. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Способна ли социология объяснить современное развитие российского общества? Если да, то почему мы до сих

пор находимся в неведении и 10 лет путешествуем «во тьме и безверии», как Моисей по пустыне? А если нет, то какой смысл изучать общество и ничего путного не знать о характере его сегодняшних состояний, об особенностях его *модернизации*?

Используя теорию маргинальности, можно сказать, что постепенное изменение общественных ценностей в советском обществе (где трудящиеся хотели жить так же хорошо, как в современном буржуазном обществе) привело к конфликту мотиваций (массы хотели жить лучше, а государство хотело, чтобы они лучше строили социализм). В результате элита стала корректировать идеологию, в которой повышала роль массы («гуманизация и демократизация социализма»). Трудящиеся и особенно интеллигенция неожиданно легко поверили партии и, приняв лозунги за чистую монету, лавиной обрушились на старые устои, рискуя, восторгаясь, проклиная и превознося. Этот эйфорический период нового социального творчества, когда возникали кооперативы и легализовалась частная собственность, разбивались личные сады и строились миллионы загородных домиков, расцветали городские рынки, к которым тянулись караваны «челноков», довольно быстро сменился этапом *конституирования* (становления, оформления, закрепления социальных позиций) *новых субъектов* (т. е. действующих общностей). Была создана иная система государственно-территориального управления, возникла негосударственная банковская сеть, сформировались биржи, активно закупалась недвижимость, началась массовая приватизация.

В этом месте можно вспомнить идеи сразу двух великих социологов: Макса Вебера, написавшего знаменитую книгу «Протестантская этика и дух капитализма», в которой он доказывал, что культурные ценности лежат в основе производства определенного типа экономики и социальной структуры (применительно к России: поменялись идеи — изменилось общество); а также Карла Маркса, который в еще более знаменитой книге «Капитал» всесто-

ронне обосновывал, что масштабный передел собственности и возникновение новых экономических субъектов всегда есть социальная революция, меняющая положение всех слоев и групп общества (что и произошло в нашей стране, когда физики стали торговать электроникой, математики построили финансовые пирамиды, комсомольские функционеры стали бизнесменами, а секретари обкомов — президентами... И многие работники превратились в безработных).

Произошла «та самая» маргинализация, которая расшатала *представления* о социальной принадлежности (идентификацию), спутала *функции* социальных институтов, изменила *социальные позиции* больших и малых общественных групп, породила новые *массы и толпы*, в общем, существенным образом разрушила *социальную структуру*, каркас всей системы организации российского общества.

Однако в современной мировой социологии сформировались и другие, отличающиеся теоретическим своеобразием концепции трансформации (превращения, видоизменения) российского общества. В большинстве своем они базируются на так называемых западных стереотипах относительно существа советской организации, но, тем не менее, являются аналитичными и продуктивными моделями изучения соответствующего типа общественного развития.

12. ТЕОРИИ ПОСТТОТАЛИТАРНОГО СИНДРОМА В ОБЪЯСНЕНИИ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Теории *посттоталитарного синдрома* исходят из того, что российское общество длительное время развивалось как тоталитарное, т. е. унифицированное общество, где любые нежелательные (для властвующих субъектов) социальные отклонения безжалостно пресекаются, а люди, групповые взаимодействия и общественные процессы находятся под неусыпным, постоянным контролем. Поэтому и в дальнейшем люди ведут себя несвободно, как затрав-

ленные «совки», а нахальная элита продолжает распоряжаться, контролировать и жестко регулировать развитие общества по-старому.

Но посттоталитарные общественные состояния характеризуются не только сохранением социальной инерции, как доказывает известный конфликтолог Ральф Дарендорф. «После» — это не только по-прежнему, но и «анти»: вопреки, против. Идеи таких исследователей, как Конрад Фридрих и Зигмунд Бжезинский, связанные с анализом постсоветского развития, состоят в том, что посттоталитарный синдром проявляется в следующих характерных процессах:

- 1) преувеличении роли особых интересов и игнорировании общего интереса (своеобразная гиперкомпенсация, поскольку прежде было наоборот: «Раньше думай о Родине, а потом о себе»);
- 2) наступлении идеологического безверия (сменяющего коммунистическую «религиозность», поскольку идеология советского строя была фактически превращена в веру);
- 3) протестах масс против любого насилия и игнорировании нажима сверху (как следствия многолетнего массового террора);
- 4) демилитаризации общества (в противовес глубочайшей милитаризации экономики, политики и патриотического сознания советской эпохи);
- 5) информационном плюрализме, многоголосице в сфере информационного обмена (разрушении безусловной монополии средств массовой информации в обществе).

13. ТЕОРИИ ЗАПАЗДЫВАЮЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Теории *запаздывающей модернизации*, которые начали создаваться еще в 1960-е гг., также стали для западных социологов аппаратным средством анализа современ-

ной российской ситуации. И, несмотря на имеющуюся в этих концепциях скрытую уничижительную оценку (запаздывают в развитии — значит, недоразвитые), они содержат ряд существенных социологических откровений, которые должны быть учтены в практике осознанной социальной «перестройки».

Теоретики запаздывающей модернизации исходят из того, что существует линейный прогресс и поступательность стадий развития обществ. Подобные представления о стадильности были распространены и в советском марксизме: считалось, что первобытное общество сменяется классовым рабовладельческим, затем феодальным, буржуазным и, наконец, бесклассовым коммунистическим. Социализм является переходной фазой. Соответственно непосредственная добыча продуктов природы сменяется аграрной экономикой, а та замещается индустриальной. Такой однобокий прогрессизм, с одной стороны, игнорирует значение культурных традиций (например, часть современных экономически и социально развитых обществ не являются ни демократическими, ни гражданскими, ни коммунистическими), а с другой стороны, отражает определенную тенденцию современного социального развития (поскольку экономическая мощь Запада способствует политической, социоструктурной и культурной вестернизации обществ менее состоятельных). Все эти аспекты, а также выявленные социологами *закономерности модернизации* должны быть учтены при анализе реальных процессов системной трансформации российского общества.

Во-первых, в запаздывающей модернизации всегда есть опасность попадания общества во внешнюю зависимость. Однако Россия, которая не раз переживала подобные состояния («онемечивание», «офранцузивание», а теперь «американизацию»), обычно избегала подобных последствий благодаря высокому уровню милитаризации.

Во-вторых, модернизация общества бывает успешной тогда, когда резко растет средний слой (который не эксплуатирует и не эксплуатируется) при высокой социальной

мобильности (изменении общественного положения людьми, слоями и группами). В современной России, напротив, происходит процесс существенной поляризации общества, когда, образно выражаясь, вместо фигуры добродушного толстяка с большим животом мы получаем карикатурную «фигуру» общества с крошечной головой, ссохшимся желудком и огромными вялыми ногами. Широкий слой бедных и беднейших и узкий слой богатой элиты разъедают каждый со своей стороны медленно растущий слой обеспеченных. Социальная база реформ — средний класс — не является в России тем необходимым балластом, который придает развитию переходного общества определенность, солидность и устойчивость.

В-третьих, модернизация получается там, где есть сильный контроль центральной власти и проявляется ее умение локализовать, блокировать, купировать социальные конфликты. Российская внутренняя политика, наоборот, строилась с учетом принципов «здорового самотека» в соответствии с парадигмой нелинейного развития. А посему субъекты центральной государственной власти сталкивались с *флуктуациями* управляемой среды (т. е. случайными спонтанными социальными отклонениями) и пытались нивелировать конфликты с национальными регионами методом раздачи «суверенитетов» (кто сколько осилит), и, конечно, с такой же сомнительной эффективностью реагировали на *бифуркации* (ситуации неопределенности, ветвления возможностей дальнейшего развития, взрыва множественных вариаций), что привело к «нелинейным, петлеобразным связям» вовсе не в уравнениях, а в реальной действительности отношений между Федеральным центром и регионами, в первую очередь, с Чечней.

В-четвертых, успешная модернизация требует создания широкой социальной опоры, мобилизации социального потенциала. А это напрямую связано с умением объяснить широким слоям населения выгодность модернизации в настоящем и в будущем. Мобилизационный эффект может достигаться:

- апелляцией к рациональным способностям обывателя оценить возможную пользу от такого социального приобретения (католический Запад);
- авторитетным призывом харизматического лидера (исламский Восток);
- использованием особой традиции национального корпоративизма (буддистский Восток).

Поскольку Россия представляет особую цивилизацию, у нас и подход к мобилизации особый: политические лидеры общества призывают массы «выбраться из болота прошлого», отказаться от неэффективных прежних принципов общественной организации, а вовсе не зовут народ куда-то в определенном направлении, раскрывая новые социальные горизонты и предлагая некую позитивную программу. (Из современных социологических теорий мобилизации вытекает, что это наиболее эффективный инструмент. Однако в результате своеобразного «поиска врага» оказывается, что наш общий враг — социальное прошлое, а именно там мобилизаторы должны искать позитивные образцы для заимствования, как учит теория; следовательно, и здесь образуется «дурная петля» государственной идеологии).

В самом начале советской перестройки (1986) американский социолог Т. Парсонс выделил *универсалии модернизации*, предсказав распад нашей социальной системы. Его вывод был таков: всякая модернизация влечет за собой всю цепочку системных изменений. Он же обосновал, что коллапс общественной системы необходим, поскольку модернизация требует принятия самостоятельных управленческих решений, а они — запрещены. Российская исследовательница Н. Ф. Наумова в дополнение к этому выдвинула концепт *рецидивирующей модернизации*, поскольку именно в нашем обществе, часто применявшего «догоняющий» способ социального развития, обновление чревато рецидивами, возвратами к старине. Это проявляется и в политической жизни, когда ностальгические волны сожаления о прошлой устойчивой жизни и критические

настроения по отношению к неудобной и социально травмирующей современности сливаются вместе и выражаются в стремлении «вернуть старый порядок», вновь войти в одну реку.

Еще одно замечание к теориям модернизации связано со спецификой технологического потенциала российского общества. Дело в том, что третья мировая волна модернизации, затронувшая страны Восточной Европы и Россию (первая — колонии, вторая — развивающиеся страны), развивалась на фоне технотронного отставания обновляющихся обществ. Однако Россия, крупнейшая и наиболее развитая часть бывшего Советского Союза (мировой сверхдержавы), обладает высокоразвитым индустриальным и технологическим потенциалом. Несмотря на трудности его воспроизводства, она не догоняет целую «очередь» модернизирующихся стран, а вклинивается в ее середину, претендуя, по крайней мере, на роль государства высокого регионального значения.

14. ВОЗМОЖНОСТИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНОГО САМОРАЗВИТИЯ

Социологи из бывших социалистических стран также по-своему осмысливали процессы изменения социальной организации обществ советского типа. В конце 1980-х гг., в эмиграции в г. Вене исследователи Ежи Вятр, Иржи Зелены и другие разработали основу концепции, получившей широкий научный резонанс. По их мнению, общества советского типа (в том числе российское) имеют принципиальную возможность развиваться в одном из трех направлений: крайнего тоталитаризма, предельного авторитаризма или максимальной *демократизации*. Последний вариант достаточно реален, однако мощный слой этократии (партийно-государственного аппарата) под угрозой потери контроля должен рецидивировать жесткие формы правления. Следовательно, общество советского типа не может эволюционировать в направлении «гуманного, де-

мократического социализма» (и его демократизация связана с десоветизацией).

Теории «осовременивания» российского общества в конце XX в., конечно, не описывают всех специфических проявлений этого сложного процесса, однако позволяют определенным образом осмыслить происходящее, выявить ряд противоречий и всерьез задуматься о проблемах социальной *самоорганизации*.

Если отвлечься от логики разнообразных авторских концепций и попытаться описать развитие российского общества терминами системного анализа, то результат будет примерно следующий. Существо переходного состояния заключается в том, что относительно закрытая система становится все более открытой. Наши самодостаточные экономика, политика и идеология советского периода, которые были по-своему экспансивны, но замкнуты вовнутрь, сменяются открытыми, раздражательными, комплементарными, ориентированными на интеграцию формами. Рынок, демократия и свобода совести стали де-факто «целями» и «правилами» национального развития, хотя они не вписываются в систему ценностей значительной части общества, превратно интерпретируются людьми и не соответствуют сложившимся социальным архетипам.

Разбалансированность внутренних связей системы (из-за вскрывшихся в ситуации управленческой неопределенности и ослабленного политического контроля многочисленных социальных противоречий) и существенное давление внешних факторов достаточно агрессивной, точнее, остро-конкурентной среды (активно воздействующей на внутренние процессы в то время, когда российская общественная система еще сама не определила собственных границ и потому просто не в состоянии эффективно держать оборону, обеспечивая реализацию национальных интересов и социальную безопасность общества) приводят систему в деформированное состояние.

Поэтому одним из наиболее острых вопросов российской социальной модернизации становится модернизиро-

ванный спор «почвенников» и «западников»: «А самостна ли наша перестройка? Не растворяемся ли мы в чужом желудочном соке, успокаивая себя целостью собственного желудка?» Иначе говоря: переживаем ли мы период оздоровительной реорганизации общества и лучшего приспособления к новой мировой социальной среде, или наша открытость чревата ослаблением, беззащитностью и неизбежной вынужденной зависимостью? Ответ может изменить многое в социологических, политических, да и бытовых оценках особенностей российской модернизации.

Литература

Арато А. Концепция гражданского общества: Восхождение, упадок и воссоздание — направления для дальнейших исследований // Политические исследования. 1995. № 3.

Ахиезер А. С. Социально-культурные проблемы развития России. М., 1992.

Беккер Д. В обществе — об обществе // Социологос. М., 1991.

Белл Д. Постиндустриальное общество // Америка. 1977. № 9.

Бородин Е. Т. Современная социология общества в контексте истории // Социально-политический журнал. 1992. № 1.

Бхаскар Р. Общества // Социологос. М., 1991.

Валлерштайн И. Капиталистическая цивилизация // РЖ «Социология». 1993. № 3—4.

Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958.

Витаньи И. Общество, культура, социология. М., 1984.

Гелбрейт Д. Экономика и цели общества. М., 1978.

Гелбрейт Д. Новое индустриальное общество. М., 1969.

Громов Л. Что же определяет общественное саморазвитие? // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 10.

Зиммель Г. Экскурс по проблеме: Как возможно общество? // Вопросы социологии. 1993. Т. 2. № 3.

Капусткина Е. В. Социальные реформы в России: История, современное состояние, перспективы // Социально-политический журнал. 1995. № 1.

Кистяковский Б. А. Общество и индивид // Социологические исследования. 1996. № 2.

Козлова Н. Н. Будем ли мы жить во «всемирной деревне»? М., 1994.

Коллингвуд Р. Дж. Новый Левиафан, или человек, общество, цивилизация и варварство // Социологические исследования. 1991. № 11.

Красильщиков В. Ориентиры грядущего? Постиндустриальное общество и парадоксы истории // Общественные науки и современность. 1993. № 2.

Крозье М. Основные тенденции современных сложных обществ // Социально-политический журнал. 1992. № 6—7.

Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб, 1994.

Манхейм К. Человек и общество в век преобразования. М., 1991.

Моисеев Н. Н. О механизмах самоорганизации общества и месте Разума в его развитии // Социально-политический журнал. 1993. № 8.

Моисеев Н. Н. Информационное общество: Возможности и реальность // Политические исследования. 1993. № 3.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц. М., 1996.

Нэбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: Год 2000. М., 1992.

Общество в процессе преобразований: Проблемы и тенденции (сводный реферат) // Общественные науки. РЖ «Социология». 1992. Сер. 11. № 2.

Общество частных лиц (за «круглым столом» обсуждаются проблемы защиты прав граждан) // Человек. 1994. № 2.

Павленко Ю. В. Раннеклассовые общества: Генезис и пути развития. Киев, 1989.

Парсонс Т. Понятие общества: Компоненты и их взаимоотношения // РЖ «Социология». 1993. № 3—4.

Перегудов С. П. Гражданское общество: «Трехчленная» или «одночленная» модель? // Политические исследования. 1995. № 3.

Пивоваров Ю. Л. Мировая урбанизация и Россия на пороге XXI века // Общественные науки и современность. 1996. № 3.

Прохоров Б. Общество и общественное здоровье // Человек. 1993. № 5.

Ратковский Е. Церковь, государство, гражданское общество // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 4.

Рашковский Е. Эволюция восточных обществ: Синтез традиционного и современного. М., 1984.

Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество // Социологические исследования. 1993. № 5, 7.

Сорокин П. А. Человек. Цивилизации. Общество. М., 1992.

Сорокин П. А. Человек и общество в условиях бедствия (фрагменты книги) // Вопросы социологии. 1993. № 3.

Сорокин П. А. Учение о строении общества // Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии: Статьи разных лет. М., 1994.

Спенсер Г. Общество как организм // Зомбарт В. Социология. Л., 1926.

Туров И. С. Общество как социальная система // Социально-политический журнал. 1994. № 7—8.

Уоллестейн И. Общественное развитие или развитие мировой системы? // Вопросы социологии. 1992. № 1.

Франк С. Л. Духовные основы общества // Русское зарубежье. Л., 1991.

Человек и общество. Основы современной цивилизации: Хрестоматия. М. 1992.

Шелл Дж. «Среда и общество» или «Инвайроментальная социология»? // Социологические исследования. 1992. № 12.

Шилз Э. Общество и общества: Макросоциологический подход // Американская социология. М., 1972.

Ядов В. А. Россия в мировом пространстве // Социологические исследования. 1996. № 3.

V. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Что такое «социальная структура»? На первый взгляд, вопрос кажется совершенно понятным. Конечно, это упорядоченные в одно целое отдельные части общества, это строение, а точнее (в динамической трактовке), внутреннее устройство, основа социальной *организации*. Структура — это каркас всей системы, и социологи, как палеонтологи, могут сделать точные выводы о функциях, особенностях воспроизводства и перспективах развития общества по его скелету... Но на деле все происходит наоборот: живое общество оказывается в наличии, и его, фигурально выражаясь, надо разобрать по винтику, чтобы определить внутреннюю структуру и способ организации множества разнородных элементов в единую сложную систему. Зачем? Да чтобы понять, как оно работает и что произойдет с его различными частями в дальнейшем. Это очень интересно и крайне практично, особенно для будущих «конструкторов» (идеологов) и «водителей» (правителей).

Если представить себе общество как самостоятельный организм (в духе классических социологических традиций), то отдельный человек, кем бы он ни был, предстанет перед нами в образе одной-единственной клетки. И даже если эта клетка нервная, трудно предположить, что она будет хорошо информирована о состоянии всего организма или сможет оказывать непосредственное влияние на его активность. Этот образ помогает осознать, в сколь сложной ситуации оказывается социолог, пытающийся научно определить, из чего состоит, как построен и действует общественный организм. Однако исследователи — народ самоотверженный, и они постепенно обнаруживают конфигурации основных функциональных органов общественной системы (социальные институты) и изучают особенности тканей общественного

организма (социальных страт). Как правило, до исследования иннервации (механизмов социокультурного обмена) дело не доходит, и этот вопрос можно вынести в курс «продвинутого» факультативного изучения.

1. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

В современной социологии сложились по крайней мере две общепризнанные парадигмы (принципиальных способа) рассмотрения социальной структуры:

- *теории социальных институтов;*
- *теории социального неравенства.*

Социальные институты Эмиль Дюркгейм образно определял как «фабрики воспроизводства» социальных отношений и связей, т. е. под *институтами* в общем подразумеваются определенные типы отношений между людьми, которые постоянно востребованы обществом и потому возрождаются вновь и вновь (церковь, государство, собственность, семья и т. д. являются примерами воспроизводства таких неистребимых связей).

Социальные институты определяют общество в целом, они деперсонифицированы, безличны. Когда социальная структура общества мыслится как *институциональная* структура, исследователь не может не стоять на *эволюционистских* методологических позициях, поскольку считается, что каждый институт выполняет общественно значимую функцию, которую из целостной взаимосвязанной системы (как слово из песни) не выкинешь.

Социальное неравенство характеризует не столько функциональные сферы общества и их организацию, сколько *соотносительное положение* отдельных личностей и социальных групп. Сам по себе такой подход к выделению социальной структуры предполагает сравнение, оценку, конкретизацию и персонификацию субъектов, и потому теории социального неравенства зачастую не лишены иде-

ологической предвзятости, ценностных предпочтений и *конфликтологических* трактовок авторов.

Однако социальная структура как система общественного неравенства не всегда представляется конфликтной. Например, марксистская, классовая, теория социального неравенства выдвигает на первое место противоречия между основными слоями общества, а стратификационные теории, напротив, описывают ситуацию вполне в духе эволюционизма — как распределение устойчивых позиций, соответствующих потенциалу и общественному вкладу конкретных людей и групп.

Структура *неравенства* отражает *общественную диспозицию*, в которой разные субъекты занимают определенные (по отношению к другим субъектам) положения. Если эти конкретные групповые или индивидуальные позиции признаны членами общества, и в общественном мнении им приписана некая значимость (а, соответственно, ценность), они становятся *статусными*. Т. Парсонс, например, так и представлял себе социальную структуру — как систему статусов в данном обществе.

2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Когда мы говорим о системе общественных институтов, то представляем социальное строение как комплекс взаимосвязанных функциональных сфер, в котором большие группы людей подразделены на коллективы, выполняющие важные для развития общества задачи. Своей деятельностью они постоянно *культивируют* (вращивают, восстанавливают, подпитывают, поддерживают, развивают) ткань общественных отношений, характер социальной организации, возможности воспроизводства.

Для того, чтобы возник и развился такой структурный элемент общества как *социальный институт*, нужны особые условия:

1. В обществе должна возникнуть и распространиться некая *потребность*, которая, будучи осознанной

многими членами общества (как общесоциальная, или социумная), становится главной предпосылкой становления нового института.

2. Должны быть в наличии *операциональные средства* удовлетворения этой потребности, т. е. сложившаяся система необходимых для общества функций, действий, операций, частных целей, реализующих новую потребность.
3. Чтобы институт мог реально выполнять свою миссию, он наделяется необходимыми *ресурсами* (материальными, финансовыми, трудовыми, организационными), которые общество должно стабильно пополнять.
4. Для обеспечения самовоспроизводства института необходима и особая *культурная среда*, т. е. должна сформироваться присущая только ему субкультура (особая система знаков, действий, правил поведения, которые отличают людей, принадлежащих к этому институту).

В каждом социальном институте есть своя система ценностей и нормативной регуляции, которая определяет, для чего он существует, что там считается достойным и недостойным, как действовать в этой конкретной системе отношений. Например, на переговорах следует вести себя чопорно, а на карнавале — раскованно.

Поскольку институты — это взаимосвязанные системы упорядоченных социальных связей, которые делают поведение каждого отдельного члена общества достаточно *предсказуемым* по своим ориентациям и формам проявления, социологи рассматривают институциональную структуру общества с особой тщательностью, представляя ее как своеобразный многомерный лабиринт, где действия и перемещения социальных субъектов осуществляются *только* согласно определенным правилам *ролевого соответствия*.

В этой запутанной системе организованных социальных пространств люди сталкиваются с определенными *предписаниями*, и, образно говоря, «им трудно подниматься по лестнице в роликовых коньках» или «танцевать вальсы в триконях» (шипованных альпинистских ботинках). Ины-

ми словами, несмотря на желание некоторых индивидов обращаться с женами и детьми как с младшими по воинскому званию или заводить романы с начальниками по службе, институциональные правила (т. е. обычаи современной семьи или служебной иерархии) могут существенно препятствовать развитию подобной практики и отклонять конкретное поведение в обычное (привычное, должное, общепринятое) русло.

Однако примеры семейного авторитаризма или служебных романов (а также практика бюрократизма, коррупции, наркопотребления, проституции и т. д., и т. п.) доказывают, что *институционализация* социальных отношений, обеспечивающих удовлетворение общесоциальных потребностей не происходит «по нотам» теории, а полна оригинальных частностей, отклонений, сиюминутной специфики.

С одной стороны, в процессе институционализации возникают расхождения между интересами всего сообщества (в удовлетворении некой потребности: в потреблении, общении, защите, воспроизводстве и др.) и интересами конкретных функциональных субъектов, реализующих эту потребность для общества (которые могут быть настроены не альтруистично, а весьма меркантильно, и под шум волны, т. е. под видом решения одних задач делать несколько другое). Например, в советской системе образования, которая имела множество разнообразных преимуществ, одним из недостатков была повышенная идеологизация в содержании гуманитарных курсов — т. е. социальный институт, решающий задачу профессиональной подготовки, на самом деле осуществлял и другую практическую цель — политической ориентации.

С другой стороны, потребность может носить массовый характер, но по разным причинам (в основном культурной *легитимации*¹) не быть признанной как общественно значимая. В результате развиваются «подпольные институты»: не принятые, официально игнорируемые, не наделяемые

¹ Общественного признания чего-то.

специальными ресурсами, но формирующие свою субкультуру, выполняющие определенные функции и стандартные операции, находящие пути материального обеспечения своей деятельности. Отношения подобного рода воспроизводятся в скрытой (латентной) социальной форме. Они долгое время могут быть не признаны ценными (социально значимыми) в рамках доминирующего культурного стандарта. Однако на определенных этапах развития общества, и особенно в критические моменты, скрыто живущие отношения возрождаются и институционализируются (т. е. признаются обществом, становятся легальными¹ и легитимными).

3. ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Роберт Мертон различал явные и латентные функции *социальных институтов*, которые являются не только характеристиками социальной структуры общества, но и индикаторами его общей стабильности.

Явные функции институтов записаны в уставах, формально заявлены, приняты сообществом причастных людей, декларированы. Поскольку явные функции всегда оглашены, и в каждом обществе этому сопутствует довольно строгая традиция или процедура (от помазания на царство или президентской клятвы до конституционных записей и принятия специальных сводов правил или законов: об образовании, здравоохранении, прокуратуре, социальном обеспечении и т. п.), — они оказываются более формализованными и подконтрольными обществу. Поэтому население то и дело спрашивает у субъектов современного государства: «А куда идут наши налоги?» и «Почему не выполнены предвыборные обещания?» — никогда не удовлетворяется ответом, и продолжает «терпеливо возмущаться», т. е. перевыбирать, бойкотировать, уклоняться.

Латентные функции институтов — это те, которые осуществляются на самом деле. Иногда они вполне тождественны заявочным функциям, но обычно между формальной и реальной деятельностью институтов существует лаг (расхождение, разница) — небольшой или же очень

глубокий. В последнем случае социологи говорят о потенциальной нестабильности общества, в котором формальная и реальная структуры существенно различаются.

Возникающий двойной социальный стандарт отношений, поведения, оценки, способов разрешения противоречий создает условия для широкой вариативности поведения и конфликта *долженствований*: законодательных и жизненных. Россияне старой и новой формации в этом плане принадлежат к принципиально сходным социально-поведенческим культурам, поскольку значительная разница между явными и латентными, официальными и реальными функциями социальных институтов обуславливает сходные проблемы в установлении нормативных стандартов. Однако непредвзятый социологический анализ позволяет предположить, что в аналогичной ситуации становление «правового государства» и развитие соответствующего типа «правосознания» маловероятны как не отвечающие амбивалентной (неопределенной, многозначной) структуре функций социальных институтов.

4. ПОКАЗАТЕЛИ СОСТОЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В СТАБИЛЬНОМ И «ПЕРЕХОДНОМ» ОБЩЕСТВЕ

Состояние институтов является *индикатором* (значимым показателем) социальной стабильности всей общественной системы: общество стабильно тогда, когда функции институтов понятны, очевидны, неизменны.

Состояние социальных институтов	
Стабильное общество	Нестабильное общество
Четкие, понятные функции	Амбивалентность функций
Преимущество реальных функций институтов	Преимущество формальных функций институтов
Неизменность функций	Перемена функций

В обществах переходного типа, которые претерпевают системный кризис (изменяется их структура и организа-

ция), происходит изменение общественных потребностей, что требует изменения структуры социальных институтов и наделения существующих ранее несвойственными им функциями.

В современном российском обществе прежние потребности как бы меняют *знак* — раньше институты реализовывали общественные, коллективные функции защиты, а теперь от них требуют защиты интересов индивида (отсюда результирует относительно более высокая состоятельность церкви). Все это придает дополнительную нестабильность и амбивалентность (нечеткость, многозначность) институциональным функциям.

Исследователи социальных институтов всегда уделяли этим процессам повышенное внимание, поскольку именно нормативные (институциональные) требования делают поведение отдельных людей и организованных групп предсказуемым, соответствующим общественным ожиданиям. Поэтому загадки всякого рода «институциональных отклонений» связаны с существом проблем социальной структуры и функционального устройства общества, а социология должна потрудиться и рассекретить их в первую очередь.

Великий «системщик» Толкотт Парсонс пишет об этом, что для нас социологическая теория есть тот аспект теории социальных систем, который занимается явлениями институционализации образцов ценностной ориентации в социальной системе, условиями этой институционализации и изменениями в образцах, условиями подчинения им и отклонения от какой-либо совокупности таких образцов, а также мотивационными процессами, поскольку они содержатся во всем этом»¹. Парсонс считал, что ценности, образцы поведения, которые постепенно превращаются в институциональные нормы, определяют не только поведение, но и социальные ориентации людей, а процедура изменения правил (как действовать, чего желать, к чему

¹ *Parsons T. The Social System. N. Y., 1951. P. 552.*

стремиться) тоже происходит по определенным правилам развития социальных систем.

5. ВАЖНЕЙШИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ И ИХ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Институционализация — это процесс, когда некая общественная потребность начинает осознаваться как общесоциальная, а не частная, и для ее реализации в обществе устанавливаются особые нормы поведения, готовятся кадры, выделяются ресурсы.

Известный социальный исследователь Г. Ленски определил ряд ключевых порождающих процессы институционализации социальных потребностей:

- 1) в *коммуникации* (язык, образование, связь, транспорт);
- 2) в *производстве* продуктов и услуг;
- 3) в *распределении благ* (и привилегий);
- 4) в *безопасности* граждан, защите их жизни и благополучия;
- 5) в *поддержании системы неравенства* (размещении общественных групп по позициям, статусам в зависимости от разных критериев);
- 6) в *социальном контроле* за поведением членов общества (религия, мораль, право, пеницитарная система).

Современное общество характеризуется разрастанием и усложнением системы институтов. С одной стороны, одна и та же базовая потребность может порождать полдюжины специальных институтов, с другой стороны, каждый институциональный комплекс, например, семья, реализует целую гамму базовых потребностей: и в коммуникации, и в производстве услуг, и в распределении благ, в индивидуальной и коллективной защите, в поддержании порядка и контроля.

6. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Социальное неравенство в обществе чаще всего понимается как *стратификация* — распределение обществен-

ных групп в иерархически упорядоченном ранге (т. е. по возрастанию или убыванию какого-либо признака).

Термин «социальная стратификация» ввел в научный оборот наш бывший соотечественник, а ныне известный американский социолог Питирим Сорокин, который заимствовал это понятие из геологии. Стратификация обязательно подчеркивает упорядочение социальных слоев и имеет русский понятийный аналог — *расслоение* по какому-то критерию (богатство, власть, престиж и т. д.).

Теории социального неравенства подразделяются на два принципиальных направления: функционалистское и конфликтологическое (марксистское).

Функционализм, в традициях Э. Дюркгейма, выводит социальное неравенство из разделения труда:

- механического (природного, половозрастного);
- органического (возникающего вследствие обучения и профессиональной специализации).

Поскольку стратификация рассматривается как продукт разделения труда, функционалисты считают, что социальное неравенство определяется в первую очередь значимостью и престижем функций, выполняемых для общества.

Если под этим углом зрения проанализировать стабильные общества современного типа, этот вывод окажется подтвержденным в высокой степени. Действительно, профессия стала определяющим критерием социального расслоения, и профессиональный статус отдельного человека или социальной группы тесно связан с такими основаниями стратификации, как доходы (собственность), власть (положение в системе управления) и престиж (признание социальной значимости этой работы). Поэтому образование рассматривается как источник приращения социального капитала личности, возможность получить хорошую профессию, обеспечить более высокий уровень жизни, обрести новый статус.

В марксизме основное внимание уделяется проблемам *классового* неравенства и эксплуатации. Соответствующим образом в конфликтологических теориях обычно подчерки-

ваея доминирующая роль в системе социального воспроизводства дифференцирующих (подразделяющих общество на группы и слои) отношений *собственности и власти*. Эта логика описания неравенства хорошо применима к динамичным *транзитивным* обществам, переживающим революции и реформы, поскольку передел социальной структуры и изменение общих правил игры всегда связаны с институтами власти-собственности. Кому и на каких условиях достается контроль над значимыми общественными ресурсами, — от этого зависит характер формирования элит и характер перелива социального капитала (принудительный или трастовый, эксплуататорский или эквивалентный).

7. СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ — ПЕРЕМЕНА ПОЛОЖЕНИЯ И СТАТУСА

В живом, динамичном обществе всегда есть внутреннее движение, поскольку отдельные люди и образуемые ими общности, как правило, стремятся занять более высокое социальное положение. Это внутреннее движение, изменяющее индивидуальные или статусные (априорные, институциональные) позиции, называется *социальной мобильностью*.

Мобильность является самостоятельным показателем прогресса общества. Питирим Сорокин, один из крупнейших теоретиков социальной стратификации, отмечал, что там, где есть мощная вертикальная мобильность, там есть жизнь и движение. Затухание мобильности порождает общественный застой. Он различил *вертикальную* (возвышающуюся и падающую) мобильность, связанную с переходом из одного слоя в другой, и *горизонтальную*, при которой перемещения происходят внутри одного слоя, а статус и престиж позиции не меняются.

Индивидуальная социальная мобильность связана с переходами индивидов из одной общности в другую, а *групповая* социальная мобильность осуществляется тогда, когда в обществе меняются сами критерии стратификации. Так,

еще недавно в нашей стране (тогда еще СССР) для реализации легальной *социальной карьеры* нужно было вступить в коммунистическую партию, а теперь первым делом надо разбогатеть, чтобы получить необходимые стартовые возможности повышения своего статуса. В свою очередь, когда после царского устанавливался советский общественный строй, гимном революционеров был «Интернационал», в котором звучали строки: «Мы наш, мы новый мир построим! Кто был ничем, тот станет всем!» Разрушители старого мира осознавали и свое стремление к групповой — классовой — мобильности, и необходимость изменения правил социального продвижения и воспроизводства социальной структуры.

Однако, как следует из стратификационной теории П. Сорокина, групповая мобильность может развиваться не только вследствие революций, но и путем реформ.

8. МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И КРИТЕРИИ СТРАТИФИКАЦИИ

Несмотря на признание общей неопределенности и множественности форм и критериев социальной стратификации, исследователи стремятся сформулировать как можно более четкие и достоверные представления о социальной структуре.

Большинство статистических интерпретаций общественного расслоения строится на дифференцированной экономической оценке, и в первую очередь, на анализе доходов. Исследования Статкомитета СНГ, ЦЭНИИ Минэкономики РФ, института социологии РАН, ВЦИОМ и др. выявляют обогащение наиболее обеспеченных слоев населения, ежегодный рост децильных коэффициентов, падение жизненного уровня большинства населения в 1990-х гг. Структурный профиль российского населения по доходам с небольшими процентными колебаниями представлен беднейшей группой (35% ниже прожиточного минимума), малообеспеченной (30% тратящих доходы преимущественно

на питание), среднеобеспеченной (25% активного населения, обеспечивающих питание за счет трети своих доходов), обеспеченной (10%) и богатой (5%). Эти тенденции аналогичны выявленным Р. Форд¹ при анализе стратификационной системы индустриальных обществ на примере США.

Качественные методы используются социологами, изучающими структурирование социальной среды людей, переживающих глубокий внутренний кризис², что характерно для современного российского общества. Рассмотрение различных типов структурационных параметров, институциональных (в традициях Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Г. Ленски, Т. Парсонса) и конституциональных оснований общественного структурирования позволяет заключить, что критериальный подход к прорисовке «социального профиля» имеет ряд ограничений.

Критериальные «вертикали» конструируются исследователями путем выделения нескольких доминант (К. Маркс: собственность; Э. Райт: собственность и положение в системе управления; М. Вебер: богатство, престиж, власть; У. Уорнер: богатство и престиж; П. Сорокин: привилегии и власть, собственность и профессия; П. Бурдьё: капитал в широком социальном смысле как любого рода возможность влиять). При этом критерий социального влияния выступает инвариантом, а собственность — непременным олицетворением статуса и позиции.

Из такого рода «множественных» моделей теоретической реконструкции социального пространства можно вычленить как минимум три, лежащих в основе конкретных технологий изучения стратификации:

- векторную характеризующую позицию социального субъекта в многомерном координатном пространстве;

¹ Ford R. Introduction to Industrial Sociology. N. Y., 1988; Statistical Abstract of the United States. N. Y., 1986.

² Напр., Strauss A. L. Qualitative analysis for social scientists. N. Y., 1987.

- периодическую, отмечающую замещение действующих оснований социального расслоения в разные периоды развития общества;
- универсальную, выявляющую общие организационные механизмы (монополии, иерархии) социального расслоения в любых типах общностей.

Новые интегративные способы изучения и интерпретации данных построены на приоритетном внимании к синтетическим проявлениям социальной жизни и отображению социумных структур. Такими универсальными демонстрационными формами являются культура игры, знаковой символики, языка. Поэтому теоретические модели стратификации в соответствии с этим должны строиться не на центробежных конструктах «отношения» и не на центростремительных «влияния», а на исследовании «связывающих» пространств: коммуникации, взаимодействия, события.

9. СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Рассматривая социальную структуру как совокупность групп, различающихся своим положением в обществе, мы обращаемся к концептам социальной *позиции* (динамического потенциала), социального *статуса* (символического потенциала) и социального *престижа* (корпоративного потенциала) индивидов и общностей. Органическая зависимость между положением, вознаграждением и оценкой социальных позиций приводит к тесному переплетению причин, результатов и демонстраций социального расслоения.

Социальное положение описывается целым рядом характеристик со своими метрическими шкалами, причем изменения вызываются как перемещением внутри определенных градаций (аскриптивных, предзаданных и достигнутых в процессе мобильности социальных характеристик), так и внешними причинами переградуирования (переоценки) соответствующих параметров (это могут быть макросоциальные изменения, общественные и природные катаклизмы). Например, реформатирование российско-

го социального пространства происходит под влиянием всех трех групп причин. Реформы вызвали изменение частного и общественного жизненного устройства, имущественного, профессионального, функционального, политического и нормативного статуса, «переписали» гражданскую принадлежность: одним придали статус беженцев, другим — статус ущемляемых в социальных правах «меньшинств».

Поскольку стратификационные преобразования носят интенсивный, внутренний характер, постольку они задействуют тот социальный материал, который ранее составлял ткань общества; это именно перестройка в точном смысле слова. Новые этажи общественного здания, замещающие элиты, изменение диспозиции старых и внедрение в структуру возникающих новых социальных групп развиваются в прежнем социальном пространстве, сопряжение элементов которого происходит посредством изменения человеческих отношений и взаимодействий.

Наличие неудовлетворенных социальных потребностей, которые не обеспечиваются в данной социальной общности (организации), приводит к дестабилизации социального положения людей: сначала в форме мысленного моделирования более благоприятной ситуации, побуждающей к перемене позиции, а затем к практическому расторжению связей, включающих их в эту общность. Идущее в процессе маргинализации разрушение привычной этики, культурных норм взаимодействия и структурирования социального пространства стирает следы вторичной социализации, которая мешает непосредственному вписыванию человека в иные ассоциации и общности.

Врастание в новое сообщество не исключает того, что человек во многом остается носителем прежней культуры (регулятивных норм и ценностей), что вызывает «расщепление» идентификации. Неопределенность социальной принадлежности напрямую связана со степенью устойчивости занимаемого социального положения, определяя потенциал мобильности, который легко катализируется, формулируя новые правила и формируя общественные структуры.

Анализ советской перестройки с позиций преобразования элит, формирования новых функциональных, монопольных и деятельностных групп в экономике и политике позволяет рассмотреть социальное расслоение общества в особом ракурсе, заметить трансформацию общего поля культурных регуляторов социальных взаимодействий.

10. РОЛЬ НЕРАВЕНСТВА В СОЦИАЛЬНОМ РАССЛОЕНИИ ОБЩЕСТВА

Расслоение — русский понятийный аналог признанного в мировой социологии термина «стратификация» — отражает процесс развития социального неравенства и иерархического группирования людей на социальных уровнях, которые различаются между собой престижем, собственностью и властью. Э. Гидденс определяет ее как «структурированные неравенства между различными группами людей»¹, каждая из которых различается объемом и характером социальных привилегий. Т. Парсонс рассматривает стратификацию сквозь призму интегративных общественных институтов как «главное, хотя отнюдь не единственное, средоточие структурного конфликта в социальных системах»², выделяя критерии престижа и власти в качестве ведущих дифференцирующих оснований.

Основы социальной жизни лежат в обыденных взаимодействиях, и привычные стереотипы помогают людям в их общем смысловом контексте по-своему понимать состояние и поведение друг друга. Чем больше социальная дистанция между представителями разных социальных общностей во временном, пространственном или статусном смысле, тем жестче стереотип восприятия и интерпретации. «Социальная структура является общей суммой этих типизаций и повторяющегося характера взаимодействий,

¹ Гидденс Э. Социология: Учебник 90-х годов: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. С. 48.

² Цит. по: Американская социология. М., 1972. С. 376.

который создается с их помощью. Социальная структура как таковая является важным элементом действительности в обыденной жизни»¹. Этот мир взаимных стереотипов и приписанных мотивов — суть то же самое структурированное общественное пространство, в котором признание, номинация, общественные нормы и мнения организуют, разводят по четко определенным местам людей и целые общности, определяя их привилегии, обязанности и правила взаимодействия. В этом ракурсе изучение социальной структуры и культуры (в ее социологическом смысле) становятся тождественны.

Поскольку понятие стратификации охватывает и эволюционные (слоевые), и революционные (расслаивающие) социальные изменения, необходимо обращать внимание на особенности развития неравенства по самым разным основаниям, во всех сегментах общества.

Рассматривая личность как порождение социума (как объект, продукт, результат культуропроизводства в широком смысле), можно интерпретировать неравенство как неравноценность условий развития, несправедливость, ущемление естественных человеческих прав, обман, наказание, отчуждение, создание искусственных социальных барьеров, монополизацию условий и правил (протекционистских и демпинговых) социального воспроизводства. Рассматривая личность как активного творца социума (как субъекта, производителя, источник постоянных изменений общества), можно представить неравенство как социальное благо, способ выравнивания стартовых позиций вследствие конкуренции, как механизм закрепления вновь завоеванного социального положения и сопровождающих его привилегий, систему стимулирования (вознаграждения и наказания), условие приоритета «пассионарности», поддержания потенциала выживания, социальной активности, творчества, инновации.

¹ Berger L. P., Luckman T. *The Social Construction of Reality*. N. Y., 1976. P. 46.

Имея разные точки отсчета, мы получаем по одному и тому же критерию (справедливости) альтернативные выводы:

- неравенство несправедливо, так как все люди имеют равные права;
- неравенство справедливо, так как позволяет дифференцированно и адресно компенсировать социальные затраты разных людей.

11. ПОДДЕРЖАНИЕ НЕРАВЕНСТВА КАК СПОСОБ УКРЕПЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ

Люди наделены сознанием, волей и активностью, поэтому в обществе неравенство проявляется как система преимуществ. Система приоритетов очень сложна, но принцип ее действия прост: *регулирование факторов социального выживания*. Социальные преимущества могут быть связаны с выгодным положением в социальной диспозиции, легкостью перемещения в привилегированные общественные слои, монополией на социально значимые факторы и аранжированы всеми теми характеристиками, которые демонстрируют повышение степени социальной свободы и защищенности.

Классики «классики» (О. Конт, Г. Спенсер), «модерна» (М. Вебер, П. Сорокин, Т. Парсонс) и постмодернистской социологии (напр., П. Бурдьё) впрямую говорят о фундаментальности и нерушимости принципа социального неравенства и его высокой функциональной значимости для организации общностей. Видоизменения претерпевают конкретные формы неравенства, сам принцип проявляется всегда. «И если на какой-то миг некоторые формы стратификации разрушаются, то они возникают вновь в старом или модифицированном виде и часто создаются руками самих уравнилелей»¹, — утверждает П. Сорокин. Он связывает неравенство с *иерархическим* строением обществ и назы-

¹ Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 306.

вает ряд причин утверждения устойчивых социальных форм неравенства, расслаивающих общество по вертикали, среди которых рост численности, разнообразие и разнородность объединившихся людей, необходимость поддержания стабильности группы, спонтанная самодифференциация, функциональное распределение деятельности в сообществе.

Иной аспект каузальности просматривается в концептах теории социального действия Т. Парсонса. Он концентрирует внимание на уникальных и потому фундаментальных *функциях* социальной системы, которые по этой причине приобретают характер социальной монополии. Незаменимость, обязательность и качественное отличие этих функций друг от друга предопределяют специализацию и профессионализацию (закрепление) за ними обособленных социальных групп, где энергетически насыщенные (экономические, производящие) общности подчиняются информационно насыщенным (политическим, правоподдерживающим и культуровоспроизводящим).

Другая известная объяснительная модель объективной необходимости социального неравенства сформулирована марксизмом. В ней социальное неравенство выводится из экономических отношений, институционализации эксклюзивного права распоряжения полезным эффектом, который создается при использовании средств производства. Социальная *монополизация* дефицитных ресурсов в индустриальных обществах конституируется в системе субъектов собственности. Таким образом, социальное неравенство, классовое деление, эксплуатация как способ иерархического взаимодействия крупных социальных групп в экономическую эпоху рассматриваются как объективные следствия внутренних законов развития обществ западного типа.

В стратообразующей модели американского марксиста Э. Райта наряду с фактором владения собственностью выделяется второй не менее значимый фактор — отношение к власти, которое конкретно трактуется как место в системе управления обществом. При этом большую роль играет сама идея *многофакторности* социального расслоения.

ния и признание дифференцирующей роли монополии на социальную функцию общественного управления.

М. Вебер считал, что процесс социального слоения и занятия более выигрышных позиций в обществе организован достаточно сложно, выделяя три координаты, определяющие положение людей и групп в социальном пространстве:

- степень богатства;
- власть;
- социальный престиж.

Такая модель является не просто многофакторной, она знаменует переход от сфокусированного и линейного к пространственному исследовательскому видению проблемы, когда динамика социальных диспозиций фактически рассматривается как система векторных перемещений.

Роль *социального престижа*, оценки членами сообщества реальной, иллюзорной или сознательно демонстрируемой социальной позиции, действительно чрезвычайно велика. Она создает мифический, знаковый, символический мир разделяемых большинством ценностей и оценок, наделения социальной значимостью — мир *номинаций*. Символика социальных «кажимостей», иллюзорно сконструированный имидж проявляются как в простых (демонстративных), так и в достаточно экзотических формах. Так, и в современном обществе аранжировка социальной истории присуща не только группам (как это было в советской России), но и индивидам.

Таким образом, значение веберовского подхода состоит и в том, что он по-новому взглянул на так называемые объективные и субъективные критерии стратификации, что позже было сформулировано так: то, что люди считают критерием социального положения, становится реальным источником социального структурирования и регулирования отношений между ними.

П. Бурдьё развил концепт роли престижа, репутации, имени, официальной номинации в идее *символического капитала*, который наряду с экономическим, культурным и социальными капиталами определяет влияние (власть) и

позицию своего носителя в общественном пространстве. Представления П. Бурдьё о структурировании общества придают новый ракурс развитию теории неравенства, с одной стороны, генерализируя идею влияния социального субъекта на социум (в понятии «капитал»), с другой стороны, формулируя идею многомерности (следовательно, и «иномерности») социального пространства. Социальное поле можно представить как такое многомерное пространство позиций, считал он, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат, значения которых коррелируют с соответствующими различными переменными. Многомерность и структурированность социального пространства, наличие множества находящихся в разных соотношениях позиций в свою очередь имеют различные теоретические объяснения и эмпирические описания.

12. БОРЬБА ЗА «СПРАВЕДЛИВОЕ НЕРАВЕНСТВО»

Русский философ Н. Бердяев считал неравенство одной из фундаментальных характеристик жизни, отмечая, что всякий жизненный строй иерархичен и имеет свою аристократию. Изучая феномены социального неравенства и структурирования, не только критически настроенные конфликтологи (от К. Маркса до Р. Дарендорфа), но и позитивно воспринимающие их функционалисты (от Э. Дюркгейма до Э. Гидденса) преимущественно обращались к сложным динамическим характеристикам, элементам и следствиям социальной иерархизации.

Одна из фундаментальных человеческих потребностей — в стабильности и предсказуемости (защищенности, по А. Маслоу), как показали А. Турен в «социологии действия» и Д. Хоманс в «обменной теории взаимодействия» — фиксирует створы каналов социальной мобильности, упорядочивая конкуренцию и задействуя особые фильтрационные механизмы системы социальных перемещений. Другая фундаментальная потребность — в социальном про-

движении и признании, что в рамках разных исследовательских традиций подтверждают В. Парето, К. Кумар, П. Бурдьё и даже И. Валлерштайн, — определяет интенсивность социальной динамики, распределение каналов социальных перемещений и пульсацию их наполнения.

Возмущения против неравенства в социальной практике редко носят вульгарный характер борьбы за торжество уравнилельных принципов. Стремление к реализации «справедливости» как более адекватной системы неравенства прослеживается в формулах «Равная плата — за равный труд», «Каждому — по потребностям», «Свободу сильным — защиту слабым» и т. д., в которых альтернативные социальные требования демонстрируют общее стремление к парадоксальному (дифференцированному) равенству, «справедливому неравенству». Так в каждом обществе создается несимметричная система социального неравенства, где привычные механизмы структурирования разных групп могут носить даже конфронтационный характер, хотя в значительной части они все же согласованы друг с другом.

Наиболее рельефными моделями социальной стратификации являются рабство, касты, сословия и классы. В них отнесение к определенному социальному слою сопровождается жесткой общественной регламентацией деятельности и поведения людей, но сами принципы общественного структурирования детонируют разрушение социального порядка. Именно так Э. Дюркгейм объясняет «несовершенную солидарность». Он рассматривает нарушение солидарности как естественный ход культурного процесса, вводя концепты «нравственного заражения», внутригруппового порождения талантов, окультурирования («...они стали умнее, богаче, многочисленнее и их вкусы и желания изменились вследствие этого»¹). Дюркгейм постулирует здесь идею, которую позже подтвердили в своих исследованиях М. Мид и К. Клакхон: для того, чтобы культур-

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 349.

ная и социальная ассимиляция стала возможна, общности, впитывающие и передающие друг другу социальные образцы, должны иметь общие культурные основания. Итак, в ситуации, когда происходит развитие культурного поля, а социальные функции уже закреплены, нарушается «согласие между способностями индивидов и предназначенными им видами деятельности».

13. РОЛЬ МАРГИНАЛОВ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Расслоение человеческих сообществ присуще историческим, рудиментарным общинам (*Gemeinschaft, community*) и современным обществам (*Gesellschaft, society*). «Социально-структурные общности, если мы считаем их зрелыми социальными субъектами, деятельны: они способны к самоорганизации и саморегуляции своего бытия в общественной структуре», — считает В. А. Ядов¹.

Переменчивая российская современность ограничивает возможности субъектного подхода, поскольку устойчивые группы продолжают разрушаться, вторичные факторы идентификации выходят на первый план, возникают разного рода массовидные общественные образования, имеющие особенности социального сознания и социальных действий. Это делает различия между встроенными в общественную структуру и невстроенными общностями весьма относительными.

Так, в сфере обыденного сознания происходит разрушение объяснительных схем, при помощи которых люди ориентируются в своем социальном пространстве и воспринимают его как привычную среду обитания. Разрушение культуры, таким образом, выступает прямой, непосредственной социальной причиной (и одновременно проявлением) разрушения социальной структуры. Это касается прежде всего «культурных консервов», по выраже-

¹ Ядов В. А. Социально-структурные общности как субъекты жизнедеятельности // Социологические исследования. 1989. № 6. С. 63.

нию Я. Морено, т. е. социальных правил, норм, поведенческих образцов, традиционных ценностей.

«Нормальная», естественная *маргинализация*, которая является частью гомеостатической¹ системы общества и лежит в основе спонтанной социальной мобильности, позволяющей людям вписываться в структуры, где удовлетворяются их потребности (в принятии, признании, самосовершенствовании, реализации, творчестве и т. п.) принимает в наших условиях насильственный, внешний, предписанный характер властного побуждения чужих планов и объективных обстоятельств.

Обычно считается, что маргиналы оседают на дно, в основание стабильного каркаса общественной структуры, однако это происходит очень редко. Естественная, фоновая маргинализация носит иной характер, т. е. связана с горизонтальными либо повышательными перемещениями к лучшим позициям.

Предписанная маргинализация, как правило, принуждает субъектов к понижению положения и статуса, экстремальная (опосредованно предписанная) выбивает их из социальных ниш по неопределенной социальной траектории. Однако предписанная маргинализация и первого, и второго рода разрушает коммуникативные каналы связи маргиналов с прежней общностью, но не может лишить субъекта всех социальных характеристик, которые предопределяли его вписанность в устойчивые общественные структуры. Таким образом, частичная или полная социальная регенерация, питаемая внутренним стремлением и макрокультурными стимулами, всегда остается для него возможной.

Законы социальной витальности² обычно побуждают маргинальные элементы к повторному встраиванию, и иногда приводят к очень интенсивной массовой мобильности (восстаниям, войнам, переворотам и революциям). Таким обра-

¹ Гомеостатическая — самостоятельно поддерживающая системное качество общества.

² Витальность — жизненность, выживаемость.

зом, частичное или полное разрушение устойчивых (как и массовидных) общностей приводит к появлению маргинального субстрата общества, который самопроизвольно или же под влиянием целенаправленной мобилизации встраивается в прежние или объединяется в новые общественные группы, отвоевывающие собственное социальное пространство. Они стремятся к внедрению в элитные слои, завоевывают сторонников, лоббируют, ротируют, кооптируют, переворачивая привычную социальную структуру вверх дном: иногда по форме (замещение элит, переструктурирование), иногда по содержанию (замещение новыми субъектами традиционных для общества структурных позиций). Это как физическая теория «кипящей вселенной», в которой непрерывно возникают и умирают целые миры, рождаются и исчезают пространства, наступает и изменяется время.

14. ОСОБЕННОСТИ ГРУППОВОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Перемены социального «формата» общества проявляются в человеческом наполнении тех или иных социальных слоев, изменении их роли и функциональной значимости для сообщества в целом, переструктурировании позиций и статусов, возникновении новых страт. А социальные лестницы времени могут интерпретироваться как переходящие структуры социальных возможностей, которыми пользуются или которые игнорируют крупные социальные общности, группы людей и отдельные личности в актах социального конструирования, приводящего к закреплению определенной конфигурации общества.

В России наиболее устойчивым признаком формообразования, как отмечали все без исключения историки, является *корпоративность*: коллективность, свояченичество, землячество, родство. Социальные структуры собираются здесь не из индивидуальных корпускул, а из слаженных взаимным доверием блоков. Поэтому российский социальный конструктор (игра в перемещения) отличается от западных аналогов, которые тоже не лишены подобного

признака (концепт «команды»), но на иных принципиальных основаниях.

В рамках этого подхода нельзя не считать социальный статус в современном российском обществе групповым атрибутом. Следовательно, социальные достижения необходимо трактовать в категориях аскрипции, и этот методологический парадокс может быть вполне оправдан: с момента попадания в обойму (команду, группу, структуру, которая перемещается исключительно в связке, вне зависимости от направления мобильности) и закрепления в ней начинает действовать система поощрений — «социальная рента». Она, конечно же, обростает и «платами» разного рода, но ее природы это обстоятельство не меняет. Теоретически можно рассматривать этот феномен как своеобразное социальное наследство и оперировать им как инвариантом.

На фоне возрождения архаических солидарностей происходит социальное выдвижение их отдельных представителей, которые выступают не только потенциальными лоббистами или источником поддержки, но и символом достижений. Продвижение таких людей в элиты — корпоративная задача всей общности. Аналогичные цели и механизмы можно проследить в динамике бросков в элиту разных корпоративных объединений (содельческих, товарищеских, семейных). Социальная сеть конструируется особым образом и благодаря грузу (функциональному лидеру) может лететь далеко в цель, разворачивая за собой всю «ловушку» для сбора социальной прибыли.

Новые исследования социальной стратификации поколений подтверждают, что процессы воспроизводства семьи ориентированы на выдвижение потомков (что в радикальном, наиболее успешном варианте предполагает переход в более высокостатусные страты и разрыв с прежней семейной культурой) и одновременно на консервативную социализацию путем трансляции социокультурных и профессиональных образцов (которые повышают вероятность освоения вещественного и операционального наследства). Трансферабельность формы наследства особым образом влияет на социальную траекторию потомков,

а эффект различной «транслятивности» социального статуса¹ проявляется не только в индивидуальной, но и в групповой социальной мобильности, построении механизмов «защит» от социальной конкуренции, динамике социальных перемещений в целом.

15. ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОДВИЖЕНИЯ

Важнейший элемент жизненной стратегии, имеющий самостоятельное (и в целом самодостаточное) значение — это знание и учет *правил* социального продвижения в конкретном сообществе. Роль системообразующей конструкции здесь играет последовательность и скорость прохождения идентификационных этапов при смещении социальной позиции и изменении статуса. Помимо целого ряда факторов, влияющих на исход вертикального перемещения социальных позиций, выделяются фундаментальные аскриптивные (пол, поколение, поселенческая локализация, этнокультурная принадлежность: язык, религия) и символические статусные (репутация, номинация, престиж).

В России особенно актуальным стартовым основанием является поселенческая (региональная) локализация, поскольку модели мобильности в столицах, региональных центрах и в провинции достаточно сильно различаются. Статусные параметры, приобретающие в силу рентного характера полуаскриптивное качество, также изменяют общие правила социальной мобильности. Однако и чисто демонстративные, ложные (частично или полностью) символические формы могут использоваться в качестве дополнительных козырей игры со стороны как перемещающихся, так и обороняющихся.

Как важный элемент жизненной стратегии может рассматриваться выбор возможных источников энергетической подпитки, соответствующих социальных корпораций,

¹ Берто Д., Берто-Вьям И. Наследство и род: Трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопросы социологии. 1992. № 2.

включаясь в которые на разных этапах жизненной траектории, субъект (человек или группа) может подкрепить свой промежуточный статус и использовать ресурсы среды для дальнейшего социального «восхождения» или движения в более комфортные лакуны своего горизонта (уровня).

Жизненные стратегии группы (общности), характеризуются некоторыми существенными дополнительными возможностями. В стратегии продвижения большую роль играет соотнесение социальной претензии (выраженной в потребности и сформулированной в цели) с социальными требованиями относительно динамик элементов сообщества. При этом индивид, как правило, не может, а координированная деятельность группы может сформировать общественную потребность, т. е. вместо коррекции собственных социальных установок — изменить свое координатное пространство. Для российских элит актуален выбор стратегических приоритетов между повышением экономической или политической позиции с целью наращивания общего статусного и ресурсного потенциала. По логике вещей они не конвертируются, а лишь приносят прибыли другого рода: бизнесменам — политические, политикам — сервисные, денежные или имущественные, однако борьба за изменение диспозиции скорее приведет к солидарности, нежели к конфликту¹.

Мобильность — процесс перманентный и по своему характеру флуктуационный, циклический. Стратификационные модели социальных пульсаций и флуктуации мобильности касаются развития элит, основных функциональных классов, средних слоев, социально отвергнутых («дна»), вертикальных перемещений в целом, распределения социальной нагрузки по каналам мобильности.

16. ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В РОССИИ²

Современная социология должна давать множество многообразных объяснений одних и тех же социальных

¹ *Kumar K.* The rise of modern society. Oxford, 1988.

² См. также подразд. 8 гл. V.

процессов (монохромное теоретическое отображение общественных явлений, событий и фактов порождает однородные истины, ложные с точки зрения познания целостной социальной природы). При этом современное состояние науки востребует не только терпимость к взглядам и выводам других исследователей, но и навыки теоретической «лессировки»: соединения, наложения и гармоничного сочетания разных подходов, выводов, интерпретаций относительно отдельных явлений или событий.

Отказ от универсальной теории переориентировал внимание исследователей на качественные методы познания и изучение социального контекста событий и процессов. Поскольку углубилось разделение академической и прикладной социологии, а также произошло разведение теоретиков, грубо говоря, на два лагеря: «институционалистов» (внимание к системе, структурам, институтам) и «бихевиористов» (изучение группового поведения, взаимодействия, функционирования), выбор способов исследования социального строения общества стал гораздо более сложным, запутанным и неоднозначным.

Все это нельзя не учитывать при рассмотрении вопросов расслоения российского общества и формирования новой сети каналов социальных перемещений людей. Поиск исследовательский подход позволяет в этой связи сделать ряд новых выводов.

Теоретико-методологические обобщения результатов исследования протекающего социального расслоения российского общества позволяют характеризовать их как социальную революцию в социологическом смысле, меняющую положение сложившихся социальных слоев, порождающую интенсивные процессы стратобразования, формирующую социальную диспозицию на новых критерияльных основаниях. Формирующаяся система неравенства становится не только источником социальной динамики, но и механизмом социокультурной консервации отношений нового типа, что позволяет рассматривать ее в концепции «игры»: складывающихся общественных дого-

воров, правил, коммуникативных стереотипов, стандартных оценок и норм поведения.

Социокультурная специфика России не позволяет при этом использовать стандартный инструментарий западной социологии для изучения процессов общественного расчленения, поскольку известные факторные модели анализа и интерпретации социальной структуры несут качественно неприменимое к ней содержание. Нестабильное институциональное и структурное состояние российского общества, а также уникальный характер протекающих в нем социальных процессов значительно снижают возможности количественного и в определенной мере качественного анализа стратификации и мобильности. Изучение символических индикаторов при этом является одним из эффективнейших методов, отвечающих критериям адекватности, достоверности, верифицируемости¹ и сопоставимости.

В формировании социальной диспозиции важнейшую роль играют глубинные механизмы монополярного характера, которые не только закрепляют как за аскриптивными («врожденными»), так и за достигнутыми статусами единовременные социальные «выигрыши», но и порождают рентные социальные отношения, создающие социальные вертикали по каждому стратификационному основанию и регулирующие переливы социальных капиталов разного рода внутри групповых (статусных) и общественных (престижных) горизонтов, а также между ними.

Изучение процессов стратификации и мобильности в российском обществе показывает, что маргинализация, социальный распад общностей (в том числе функциональных) и формирование новых социальных образований имеет специфический характер, обусловленный особой прочностью корпоративных связей и приоритетными ценностями неформальных контактов, лежащих в основе структурирования общества в России.

¹ Верификация — проверка.

Литература

Андреев А. А. Классы как субъекты социального ритма // Социально-политический журнал. 1993. № 8.

Анурин В. Ф. Проблемы эмпирического измерения социальной стратификации и социальной мобильности // Социологические исследования. 1993. № 4.

Атоян А. М. Социальная маргиналистика // Политические исследования. 1993. № 6.

Ашин Г. Смена элит // Общественные науки и современность. 1995. № 1.

Бабаева Л. В., Чирикова А. Е. Бизнес-элита России: Образ мышления и типы поведения // Социологические исследования. 1995. № 1.

Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология. М., 1972.

Белых Е. Л., Веркеенко Г. П. Социальная структура и социальные процессы в современном обществе. М., 1993.

Беляева Л. А. Средний слой российского общества: Проблемы обретения социального статуса // Социологические исследования. 1993. № 10.

Блау П. М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1994.

Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. 1992. № 1.

Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5.

Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социология: Учебник 90-х годов: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Челябинск, 1991.

Голенкова З. Т., Витюк В. В., Гритчин Ю. В., Черных А. И., Романенко Л. М. Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социологические исследования. 1995. № 6.

Динамика социальной дифференциации: Реферативный сборник. М., 1992.

Дэвис К., Мур У. Е. Некоторые принципы стратификации // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. М., 1968.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Л.; М., 1991.

Зиммель Г. Социальная дифференциация. М., 1909.

Игитханян Е. Д. Самоидентификация в социально-словесной структуре и основные направления ее изменений // Социальная идентификация личности. М., 1994. Кн. 1.

Ильин В. И. Социальная стратификация. Сыктывкар, 1991.

Ионин Л. Г. Культура и социальная структура // Социологические исследования. 1996. № 3.

Комаров М. С. Социальная стратификация и социальная структура // Там же. 1992. № 7.

Крыштановская О. В. Нелегальные структуры в России // Социологические исследования. 1995. № 8.

Куколев И. В. Формирование бизнес-элиты // Общественные науки и современность. 1996. № 2.

Лэйн Д. Перемены в России: Рост политической элиты // Социологические исследования. 1996. № 4.

Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура // Там же. 1992. № 2.

Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Там же. 1992. № 3. № 4.

Мостовая И. В. Социальное расслоение: Символический мир метаигры. М., 1996.

Олейник А. Н. Механизм возникновения новых институциональных структур в переходный период // Социологические исследования. 1994. № 2.

Орлов А. С. О среднем классе // Социально-политический журнал. 1994. № 9—10.

Пастухов В. Б. «Новые русские»: Появление идеологии // Политологические исследования. 1993. № 3.

Радаев В. Основные направления стратификационной

теории // Российский экономический журнал. 1995. № 1.

Ранние формы стратификации. М., 1993.

Римашевская Н. Социальная стратификация и проблемы бедности // Человек и труд. 1994. № 10.

Смелзер Н. Неравенство, стратификация и класс // Социология. М., 1994.

Сорокин П. А. Учение о строении общества // Общедоступный учебник социологии: Статьи разных лет. М., 1994.

Социально-стратификационные процессы в российском обществе // Вестник МГУ. 1995. № 4.

Стариков Е. Н. Социальная структура переходного общества: «горизонтальный срез» // Политические исследования. 1995. № 5.

Тоффлер О. Смещение власти: Знание, богатство и принуждение на пороге XXI в. // Общественные науки. РЖ «Социология». 1992. Сер. 11. № 2.

Трансформация социальной структуры и стратификация Российского общества / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М., 1996.

Умов В. И. Российский средний класс: Социальная реальность и политический фантом // Политические исследования. 1993. № 4.

Шкаратан О. И., Фигатнер Ю. Ю. Старые и новые хозяева России (от властных отношений к собственническим) // Мир России. 1992. № 1.

Ядов В. А. Социально-структурные общности как субъекты жизнедеятельности // Социологические исследования. 1989. № 6.

VI. ЛИЧНОСТЬ В СОЦИОЛОГИИ

В течение тысячелетий люди объединялись в общности для удовлетворения своих потребностей и стремлений, достижения целей и утверждения ценностей. Сегодня они уже с момента своего рождения вступают в довольно плотно заселенный мир, который не всегда оказывается комфортным и «человекообразным»: в нем мало индивидуальной территории, отцы и дедушки установили свои правила господства, а мамы и бабушки невротизировали его нелепыми ожиданиями и отжившими предрассудками. Волею Судьбы люди, изучающие *социологию*, к тому же наверняка живут в *городском обществе*, где слишком много посторонних «наблюдателей» (стихийных социологов, изучающих ситуацию «по ходу жизни») и очень мало искренних, дружелюбных и бескорыстных отношений, чтобы чувствовать себя умиротворенно и счастливо.

Люди в этих условиях стали напоминать зашоренных лошадок, которым положено не отвлекаться и делать свою работу. В развитых сообществах воспитанный человек должен не замечать неприличное и неподобающее поведение (т. е. не соответствующее установленным правилам), игнорировать символические вызовы других людей и не переступать границ интимной, личной сферы тех, кто рядом. Ему следует соблюдать сложившиеся нормы и верить на слово разным институциональным фигурам (отцам семейства и отцам народов, представителям Бога и представителям государства), вести себя «хорошо» (т. е. предсказуемо) и, конечно, платить налоги.

Люди становятся персонально отчужденными и социально невротизированными, поскольку структура и культура современного общества заводят любые проявления их человеческой *близости* в границы *условностей*, а

представления человека о себе густо затушевывают гримом чужих *ожиданий* и предписанных ролевых *масок*. Кого это может удовлетворить? Только не человека «с характером» (и самомнением), к тому же социологически компетентного. Как превращаются разнообразные обломки прибрежной скалы в унылую обкатанную гальку (образ, навеянный геологическими ассоциациями на тему «стратификации» и «социализации»), нам и предстоит разобраться при изучении социологии личности.

1. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ В СОЦИОЛОГИИ, ИХ ОТЛИЧИЕ ОТ ФИЛОСОФСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Личность — одно из центральных понятий социологии. Оно играет важную роль в «строительстве» социального знания, помогая понять, почему человеческий мир так отличается от остального природного мира и почему он остается *человеческим* только на основе сохранения богатства индивидуальных различий между людьми.

На социологию личности заметно влияют философские концепции и психологические теории. *Философия* больше оперирует емким понятием «человек», которое включает и его биологическую, и ментальную, и культурную природу. Социологи берут в расчет прежде всего социальные качества, которые формируются у людей в процессе *общезития* (как непосредственный продукт сосуществования с другими), несколько абстрагируясь от всего остального. *Психология* обращает внимание на индивидуальные различия людей: их темперамент, характер, особенности поведения и оценки, изучая, чем и почему они отличаются друг от друга. Для социолога личность — это, напротив, то, что делает людей похожими друг на друга (т. е. они отмечают в людях социально *типическое*).

Таким образом, можно сказать, что, как правило, в цепочке «человек» — «личность» — «индивид» отражено своеобразное разделение труда философа, социолога и

психолога, хотя каждый из них (думая о своем) может использовать любой из этих терминов. Иными словами, личность в социологии — это нечто особенное.

В философии «личность» (читай: «человек») в соответствии со сложившимися традициями рассматривается:

- как *произведение* (Природы, Бога или Общества), продукт условий существования, который может лишь познать себя и не должен пытаться изменить (человек *адаптирующийся*, приспособляющийся);
- *творец*, беспредельно активный, либо медитирующий, изменяющий свои собственные условия, либо управляющий своим воображением об условиях своей жизни и о себе (человек, *создающий себя сам*, самопроизводящийся);
- *деятель*, преобразующий сам себя посредством инструментальной, предметной активности, связывающей его развитие с внешним объективным миром (человек *производящий* новые предметы, совершенствующийся посредством деятельности и передающий в предметах свой опыт).

В психологии «личность» (читай: «индивид») — это целостность психических свойств, процессов, отношений, отличающих данного субъекта от другого. Для психолога потенции субъектов различны, так как качества людей индивидуальны: как врожденные, так и приобретенные. Индивидуальность отражает неповторимость биологических и социальных свойств человека, делая его уникальной действующей единицей некой группы или общности.

И философия, и психология оказывают существенное влияние на развитие социологических представлений о личности, однако их особый взгляд на сей предмет и специфическая терминология используются только на уровне специальных теорий.

Итак, социологи, как правило, оперируют понятиями «социальный субъект» и «личность» для описания *социальной сути и социальных качеств* человека. В совре-

менной социологии личность, как и субъект (который, как мы помним, может быть индивидуальным — тождественным «личности» и групповым — тождественным «общности»), означает *активное* социальное начало, некий социально-исторический тип *способности к деятельности*.

Считается, что личность как социально типическая характеристика людей пережила определенную эволюцию в ходе исторического прогресса. Первобытный человек характеризовался деятельностью адаптивной, приспособительной, в то время как современный имеет значительно более богатый функциональный репертуар и в целом играет активную преобразующую роль в природе и в обществе. Т. е. личность все полнее проявлялась, формировалась и заполняла человека, вырывая его из мира естества (желаний и страстей) в мир творчества, осмысления и понимания знаков «другого». В этом смысле личность как *социальное качество* человека становилась все более концентрированной субстанцией его особой (общественной) природы.

2. СУЩНОСТЬ СОЦИАЛИЗАЦИИ. НОРМАТИВНАЯ И МОДАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТИ

С точки зрения макросоциологии, для которой важнее целое, а не части, и интереснее групповое взаимодействие, а не межчеловеческое, личность является продуктом общества (культуры, истории, космоса и т. п.). Этих взглядов в целом придерживались такие крупные исследователи, как Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс и другие, ставившие во главу угла проблему социализации. Образно ее сформулировал психолог Жан Пиаже, анализируя, как «дикие звереныши» (дети) постепенно становятся личностями.

Социализация — это освоение культуры (норм, ценностей, идей, правил поведения и стереотипов понимания) сообщества. Она связана не только с развитием *личности*, но и является своеобразным духовным кодированием человека, вырабатывая у него типовые (хорошо распознаваемые и прогнозируемые) социальные реакции и формы

активности. Функциональное значение такого отесывающего формирования способностей, навыков и знаний индивида состоит в том, чтобы подготовить людей к тесному сосуществованию, обеспечить их предстоящее взаимодействие и взаимопонимание.

Известный социальный антрополог Р. Линтон, который потом много работал в микросоциологии и является одним из основателей теории *ролей*, ввел понятия модальной и нормативной личности. В результате сходных процессов социализации (а практически каждое общество и государство много усилий тратят на образование, воспитание и поддержание культурных стандартов жизни своих молодых и зрелых граждан) люди отнюдь не ведут себя как инкубаторские, хотя могут попадать в сходные обстоятельства и выглядеть на первый взгляд похожими.

Нормативная личность — та, черты которой лучше всего выражают данную культуру, это как бы идеал личности данной культуры.

Модальная личность — статистически более распространенный тип отклоняющихся от идеала вариаций. И чем более нестабильным становится общество (например, в переходные, транзитивные периоды системных преобразований), тем относительно больше становится людей, социальный тип которых не совпадает с нормативной личностью. И наоборот, в стабильных обществах культурное давление на личность таково, что человек в своих взглядах, поведении и фантазиях меньше и меньше отрывается от навязанного «идеального» стереотипа. Он хорошо знает, каким он *должен* быть, а послушных и понятливых сообщество обычно поощряет: они — основа социальной стабильности, поэтому стабильно и их вознаграждение за «примерное поведение».

В кризисные моменты в любом сообществе возникают *аномии* (нарушения нормального принятого порядка) и количество *девиаций* (это понятие индивидуальных социальных отклонений ввел Э. Дюркгейм, изучая самоубийства) заметно увеличивается.

3. ТИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

Роберт Мертон, который тоже изучал социальную аномию, разработал свою систему классификации отклоняющегося поведения. Он выделил пять моделей социальной адаптации личности к выработанным в обществе культурным нормам — в зависимости от того, признают ли люди господствующие ценности и следуют ли они правилам достижения ценностных благ.

Если личность разделяет цели данной культуры и общества и стремится осуществить их легальными, рекомендуемыми средствами, она осуществляет *конформную* (приспособленческую) модель адаптации.

Инновационная модель адаптации характеризуется тем, что личность принимает цели сообщества, но стремится их осуществить необычными, непризнанными и, возможно даже, неодобряемыми средствами. Эта модель поведения распространена в новых предэлитных стратах современного российского общества, которые характеризуются «достигательной» мобильностью, связанной с обогащением (по русской поговорке: «Цель оправдывает средства»).

Ритуализм, напротив, проявляется в том, что человек не признает цели и ценности своего сообщества, но, тем не менее, соблюдает «правила игры» и ведет себя в соответствии со сложившимися представлениями о допустимых средствах социальных достижений. В нашем обществе обычно это «семейная карма» детей из слоя российской интеллигенции.

Эскейпизм (отстранение, уход от социальной реальности в свои экстравагантные миры) характерен для личностей, отрицающих и доминирующие цели, и предписанные обществом средства их достижения. Это как бы квази-адаптация, модель «параллельного существования», признание собственной чужеродности и невозможности противостоят сложившимся в обществе стереотипам.

Бунт, мятеж является такой формой отклоняющегося поведения, которая направлена на активное противостояние и опровержение норм общественной организации, когда общепризнанные цели и средства воспринимаются со стороны личности весьма амбивалентно (двойственно, неоднозначно, превратно).

Модель адаптации	Отношение к целям общества	Следование нормам достижения
Конформизм	+	+
Инновация	+	-
Ритуализм	-	+
Эскейпизм	-	-
Мятеж	±	±

Таким образом, в макросоциологии личность — это социальный тип, отвечающий данной культуре и адаптирующийся в ней.

4. «ОДНОМЕРНАЯ» ЛИЧНОСТЬ

Ральф Дарендорф, один из ярчайших представителей конфликтологического направления в современной социологии, используя термин Аристотеля *homo politicus*, человек, участвующий в общественной жизни, в управлении (в отличие от животного или раба), разработал свою современную типологию личностей. Подчеркивая, что личность есть продукт развития культуры, социальных условий, он пользуется термином *homo sociologicus*, выделяя его типические доминирующие черты и соответствующие виды:

- *homo faber* — в традиционном обществе «человек трудящийся»: крестьянин, воин, политик — личность, несущая бремя (наделенная важной общественной функцией);
- *homo consumer* — современный потребитель, личность, сформированная массовым обществом;

- homo universalis — человек, способный заниматься разными видами деятельности, в концепции К. Маркса — меняющий всевозможные занятия;
- homo soveticus — человек, зависящий от государства.

Дэвид Рисман, социолог из США, основываясь на специфике капитализма, непосредственно разработал в 1960-е гг. концепцию «одномерного человека». Он считал, что путем использования пропаганды, эксплуатации информационных социальных стереотипов человек получает упрощенные схемы черно-белого видения проблем (в сегодняшней России это, например: «простые люди» и «новые русские», «коммунисты» и «демократы»). Современное общество как бы делает людей «одномерными», воспринимающими происходящее в плоскости примитивных альтернатив и противостояний, т. е. личностями с упрощенным социальным восприятием и грубым аппаратом интерпретации. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что это свойственно многим обществам.

5. ПРИЧИНЫ СОЦИАЛЬНОЙ НЕВРОТИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Такие исследователи, как Теодор Адорно, Карен Хорни и другие неомарксисты и неофрейдисты в своих работах обосновали парадоксальный вывод: «нормальная» личность современного общества — это *невротик*. Давно распались системы общностей, где были общепринятые устойчивые ценности, и сейчас каждая социальная роль человека заставляет его «играть» в новой системе ценностей, предпочтений и стереотипов (т. е., выходя из дома, садясь в транспорт, на работу, забегая в клуб, в кафе, путешествуя по магазинам, все время менять ампула и социальные «маски»). При этом его Super Ego (сверх-Я, нормативная структура личности, совесть, мораль, значимая традиция, представления о должном) становится как бы размазанным, неопределенно-множественным, плюралистичным.

Многие исследователи (И. С. Кон, Мелвил Кон и др.) уверяют, что современный человек любую роль отверга-

ет. Он становится актером, способным к постоянным социальным перевоплощениям, который играет множество ролей, не принимая их всерьез. Тот несчастен, кто вживается в роль; он становится невротиком, ибо не может соответствовать меняющимся требованиям со стороны разнообразного окружения множества общностей, в которые он структурно и культурно вписан.

Будучи даже очень хорошим руководителем, нельзя оставаться директором и дома, поскольку близкие любят и ценят этого конкретного человека, возможно, совсем не за качество и эффективность управления; являясь в семье любимым избалованным ребенком, вряд ли стоит капризничать или ожидать восторженной привязанности к себе в кругу друзей и коллег. Иными словами, современная жизнь разнообразна, люди вращаются в разных кругах, где действуют специальные правила, поэтому-то и следует внимательно оглядываться по сторонам и успевать менять передник на декольте, смокинг на джемпер, почтительность на распорядительность.

Итак, смена общностей (как смена культурных декораций) должна заставлять личность менять ролевые маски, дабы сохранять соответствие ситуации и тем нормативным, символическим требованиям, которые предъявляются к человеку как к персоне социального театра (как тут не вспомнить гениального Шекспира и не задуматься о преимуществах искусства перед наукой в вопросах социального *постижения!*)

В целом же можно сделать вывод: макросоциология определяет *личность* через *культуру (общество)*.

6. СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ И СТАТУСЫ ЛИЧНОСТИ

В противоположность макросоциологическому взгляду «сверху вниз», микросоциология рассматривает проблематику личности непосредственно в поле межличностного взаимодействия. Поэтому и процесс очеловечивания (социализации), и процедуры встраивания личности в раз-

нообразные общности и структуры здесь рассматриваются преимущественно сквозь призму *ролевых* концепций. Сам этот теоретический подход почти одновременно родился в исследованиях психолога Г. Мида («Роль, я и общество», 1934) и социолога Р. Линтона («Исследование человека», 1936), о чем с интересом размышляет И. Кон в своей книге «Социология личности». Почему эти независимые исследователи пришли к сходным выводам?

Когда люди жили в более простых обществах, им не казалось, что они исполняют какую-то роль. Репертуар их «социального театра» (обусловленный функциональной структурой общества) был ограничен, и по традиции роли (занятия) и амплуа (позиции) наследовались из поколения в поколение. Поэтому личина (ролевая маска) срасталась с личностью (социальным «Я»), что не приносило какого-то дискомфорта: в рамках отведенной роли человек мог оставаться самим собой.

В современном обществе с его высокой социальной мобильностью существенно возросли возможности сменить амплуа и просто необходимым стало менять роли. Актеры по несколько раз за день вынуждены перебегать с большой сцены на малую и к тому же «подрабатывать» сразу в нескольких «театрах». Тут немудрено запутаться (и получить социальный невроз), но и соблазнов становится больше: человек сравнивает разные возможности, оценивает правила игры и различные школы, сложившиеся в конкретных субкультурах (общностях и организациях), прикидывает свои шансы стать примадонной или героем-любовником. Одновременно он чувствует, что выполняет в основном роли, навязанные ему извне — социальной структурой, системой ожиданий, институциональными нормами.

Возможно, он талантлив. Но он — в *этом* Театре, который сохраняется благодаря традиции и динамическому балансу межличностных отношений в завуалированной кратической (властной) структуре.

Джордж Герберт Мид рассматривает роли как систему предписаний в зависимости от статуса, поскольку социальные функции личности различаются или по горизонтали, или по иерархии (сын — отец — сосед).

Статус — это положение человека в контексте социальных отношений, связей. Он может быть временным или устойчивым, постоянным.

У Р. Линтона рассматривается *ролевой конфликт*, связанный с маргинальным статусом личности. В микросоциологии считается, что человек не может совместить роли, а играет то за того, то за другого (мастер с рабочими — администратор, а с администрацией — рабочий). Р. Линтона не интересует, как человек осваивает роль и как к ней относится. Мида, напротив, интересует именно механизм освоения роли. Он вводит понятие *ожидаемого поведения*, разделяя «я»: как «Я» и как «меня» (хотят видеть другие). Таким образом он выявляет конфликт, ибо я веду себя как «Я» или как «меня», оба состояния наличествуют. Чем более взрослым становится человек, тем меньше в нем «я» как «меня» и больше «я» как «Я». Инфантильность (неразвитость) личности проявляется в комплементарности поведения, которое постоянно подстраивается под систему наличных ожиданий.

Современный популярный психолог Э. Эриксон хорошо описал это состояние «Я—меня». Он отмечает новую деталь: значимый, авторитетный «другой» очень важен для развития личностного ролевого поведения. Вот почему молодежные кумиры — факт не только культурной жизни, но и социальный символ, иногда оказывающий влияние на целое поколение.

Идентификацию с ролью или отстранение от нее изучали великие режиссеры, создавшие свои школы игры: Станиславский, Брехт и др.

Эрик Берн в знаменитом социально-психологическом бестселлере «Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры» подробно рассмотрел, как люди воспринимают роли, идентифицируются с ними и как они строят свою

судьбу в зависимости от избранной роли. Один приспособливается, строит свою судьбу сам (я — герой, я — пророк), другой — приспособливается (амебовидная личность).

7. ТЕОРИИ ЭТАПОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Поскольку микросоциология захвачена изучением механизмов социализации как процессов освоения социальных функций и ролей, она постоянно впитывает информацию в этой области, в том числе из социальной антропологии и психологии.

Такие известные исследователи, как Маргарет Мид и Чарльз Хортон Кули, исследовавшие малые традиционные культуры и первичные социальные группы, выделяют три стадии *социализации* как процесса освоения ролей:

- имитация — механическое повторение наблюдаемых действий;
- игра — переход из роли в роль, отстранение от сыгранной роли;
- групповое членство — освоение своей роли, но глазами группы, осознание ролевого соответствия игрока как бы извне.

Иногда взрослый человек застревает на какой-либо стадии, не умеет отрешиться от роли или посмотреть на свою игру со стороны. Зигмунд Фрейд рассматривает личностный конфликт как борьбу внутренних потребностей человека и возможностей осуществить их в социально приемлемой форме. Он изучал процесс реализации инстинктов, отмечая, что какова модель согласования инстинкта и воли, такова и личность.

Швейцарский психолог Жан Пиаже сформулировал концепцию *когнитивного* (умственного) развития как последовательных стадий *социализации* личности:

- до 2 лет (*сенсомоторная стадия*) — вещь есть, пока ребенок ее видит или чувствует;
- 2—7 лет (*преоперациональная стадия*) — ребенок научается различать вещь и символ вещи;

- 7—11 лет (*конкретно-операциональная стадия*) — мысленное оперирование понятиями, развитие воображения;
- после 12 лет (*формально-операциональная стадия*) — происходит формирование абстрактных понятий (добра и зла и т. п.).

В реальном микросоциологическом исследовании часто заимствуются именно психологические концепции. Социолог не удовлетворяется тем, что человек выполняет роль, он изучает, как человек *приспосабливается* к роли, как *осваивает* ее. Макросоциология личности не дает ответа на подобный вопрос. Чтобы этот изъян преодолеть, микросоциологи обращаются к психологическим теориям, используют тесты и социально-психологические интерпретации. Например, дифференциально-психологические теории и психостатистика (родоначальник направления Гордон Олпорт) позволяют, изучая множество индивидуальных параметров, находить общее и даже социально типическое. Так, установки (жизненные принципы), архетипы (врожденные типические черты), темпераменты (неизгладимые характеристики реактивности), интро-экстрверсию (замкнутость и общительность человека). Постепенно работа с тысячами параметров и объединение их в более общие гнезда позволила создать наборы тестов для выявления психо- и социотипов личности. В этом русле возникла новая система знаний «соционика» и появились более строгие способы формализации в изучении установок и поведения людей.

8. ЖИЗНЕННАЯ МОТИВАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Каузально-генетический подход в психологии помог социологам найти объяснительную модель жизненной мотивации личности. Абрахам Маслоу сформулировал иерархически-ступенчатое представление о потребностях:

- 1) *потребности витальные* (жизнеподдерживающие: в дыхании, питье, пище, тепле и т. п.);

- 2) *потребность в принятии* (стремление получить признание и оценку в группе);
- 3) *потребность в понимании и любви* (необходимость найти свое alter-ego, быть любимым, понимать другого, как себя);
- 4) *потребность в саморазвитии, самосовершенствовании и влиянии на других.*

Изучая поведение и судьбы преуспевающих людей (А. Эйнштейна, Д. Рузвельта, Д. Карнеги и др.), исследователь сделал вывод о том, что преуспевающие достигают четвертого уровня. Когда потребности определенного уровня удовлетворены, они отпадают (перестают быть актуальными и направлять активность человека), и мотивируется переход на следующий уровень потребностей. Эта схема поступательного перехода к потребностям более высокого уровня правдоподобно объясняет поведение, хотя ее можно и критиковать. Однако в ней отражен приоритет социальных мотивов над природными, что подтверждается многими другими исследованиями.

Потребностно-мотивационные теории личности (основоположник Курт Левин) объясняют избирательность притяжения элементов среды в зависимости от потребностей личности и ее мотиваций, средств удовлетворения потребностей через социальные установки, *аттитюды*. Эта теория наиболее близка к социологическому пониманию личности, поскольку рассматривают ее как заряженную частицу, вступающую в сложное избирательное взаимодействие с другими. Она отвечает на вопрос, почему люди придумывают роли и как получается, что социальные игры разных людей оказываются довольно типичны.

Литература

Акчурина И. А. Типология и идентификация личности // Вопросы философии. 1994. № 5.

Бабаева Л. В., Чирикова А. Е. Бизнес-элита России: Образ мировоззрения и типы поведения // Социологические исследования. 1995. № 4.

Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1993.

Владимиров Н. П. Личность в двух измерениях // Социально-политический журнал. 1994. № 11—12.

Волков Ю. Т. Личность и гуманизм (социологический аспект). Челябинск, 1995.

Вулгар С. Репрезентация, познание и Я: Какова надежда на интеграцию психологии и социологии? // Общественные науки. РЖ «Социология». 1992. Сер. 11. № 1.

Гидденс Э. Современность и самоидентичность // Социальные и гуманитарные науки. РЖ «Социология». 1994. Сер. 11. № 2.

Гофман А. Б. Мода и люди: Новая теория моды и модного поведения. М., 1994.

Гурджиев Г. «Человек есть множественность». Об эволюции человека // Человек. 1992. № 2.

Гуревич П. Личность как микрокосм // Общественные науки и современность. 1993. № 6.

Данилова Е. Н. Идентификационные стратегии: Российский выбор // Социологические исследования. 1995. № 6.

Дилигенский Г. Г. В защиту человеческой индивидуальности // Вопросы философии. 1990. № 3.

Дубов И. Г., Ослон А. А., Смирнов Л. М. Экспериментальное исследование ценностей в российском обществе (на материалах городской субкультуры). М., 1994.

Дудченко О. Н., Мытиль А. В. Социологическая идентификация и адаптация личности // Социологические исследования. 1995. № 6.

Зеньковский В. Единство личности и проблема перевоплощения // Человек. 1993. № 4.

Игитханян Е. Д. Самоидентификация в социально-слоевой структуре и основные направления ее изменений // Социальная идентификация личности. М., 1994. Кн. 1—2.

Ильин В. В. Человек в тоталитарном обществе // Социально-политический журнал. 1992. № 6—7.

Камиллери К. Идентичность и управление культурными несоответствиями: Попытка типологии // Вопросы социологии. 1993. № 1—2.

Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.

Качанов Ю. Л. Проблема ситуационной и трансверсальной идентичности личности как агента социальных отношений // Социальная идентификация личности / Отв. ред. В. А. Ядов. М., 1993.

Климова С. Г. Изменения ценностных оснований идентификации (80-90-е годы) // Социологические исследования. 1995. № 1.

Козлова Т. З. Самоидентификация некоторых социальных групп по тесту «кто Я» // Там же. № 5.

Комарова Э. И. Личность как субъект и объект социального развития // Социально-политический журнал. 1992. № 4—5.

Кули Ч. Социальная самость // Американская социология: Тексты. М., 1994.

Лабезникова А. Ю. Деятельность в жизни человека и общества // Социально-политический журнал. 1994. № 7—8, № 9—10.

Манхейм К. Человек и общество в век преобразования. М., 1991.

Маркузе Г. Одномерный человек // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социология: Тексты. М., 1994.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц. М., 1996.

Резник Ю. М. Жизненные стратегии личности: Поиск альтернатив. М., 1995.

Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество // Социологические исследования. 1993. № 5, 7.

Сорокин П. Человек и общество в условиях бедствия (фрагменты книги) // Вопросы социологии. 1993. № 3.

Тард Г. Личность и толпа. Очерки по социальной психологии. СПб, 1903.

Тейлор Ч. Истоки личности: Формирование современной идентичности // РЖ «Философия». 1993. № 3—4.

Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии. 1993. № 1—2.

Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М., 1925.

Человек и социокультурная среда. Специализированная информация по академической программе «Человек, наука, общество». Комплексные исследования. М., 1991. Вып. 1.

Ядов В. А. Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен // Социальная идентификация личности. М., 1994. Кн. 1—2.

VII. СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Общество, социальная структура (институты и взаимодействующие группы), характер регулирования отношений между людьми определяются *культурой*. Термин этот чрезвычайно многозначен: он описывает абсолютно все, созданное человеком, и выделяет высочайшего уровня уникальные образцы, включает материальное и духовное, существующее задолго до рождения конкретного человека и непосредственно создаваемое им. Культура так многообразна, что для уточнения люди используют массу предикатов (специальных определений), выделяя, например, технологическую, цивилизационную, философскую, управленческую, музыкальную, физическую культуру, городскую и сельскую, этническую и молодежную, которые описывают ценностный мир людей значительно лучше самых вдумчивых социологов. Мы осмысленно пользуемся терминами: «экономическая культура», «политическая культура», «религиозная культура», поскольку за ними стоит особый стиль мышления, поведения и оценки происходящего в обществе и в мире.

Для социологов понятие «культура» несет особый смысл: в традициях, заложенных Э. Дюркгеймом, она рассматривается как система *идеалов, ценностей, норм, образцов поведения*, регулирующих отношения между людьми.

Таким образом, *социальная культура* — это только *значения*, которые люди приписывают разнообразным *знакам*: предметам, действиям или явлениям. Палка-копалка или картина С. Дали, корабль или храм, икона или лозунг всегда являются *произведениями* (артефактами, элементами культуры), но они обретают социокультурный смысл только тогда, когда значат нечто для людей т. е. направляют их действия, поведение, восприятие в определенное русло.

Социальная культура — это регулятивный механизм, обеспечивающий взаимодействия между людьми.

1. ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ В СОЦИОЛОГИИ

Социологи рассматривают культуру как систему духовных кодов, некую информационную программу, которая заставляет людей воспринимать происходящее в определенном свете, поступать так, а не иначе, оценивать события и действия предвзято. Ценности, символы, слова, значения, оценки и социальное поведение в рамках одной культуры тесно связаны друг с другом.

То, что в одной культуре считается нанесением бесчестья и требует сатисфакции, в другой может оказаться признаком благорасположения, и то, что сложилось как традиционная социальная норма, иностранцем может быть воспринято как чистейший нонсенс (несуразица). Но «изнутри» все это кажется мудрым, существующим от века, рациональным, обоснованным, правильным и логичным. Все смыслы связаны между собой, подкрепляют и подтверждают друг друга, а на вопрос «почему?» (нечто делается именно так), звучащий со стороны, часто можно услышать искренний контрвопрос: «А как же иначе?!»

Однако мы живем в России, где как раз по ходу нашей жизни очень многое становится «иначе», меняются социальные институты и культурные стандарты, разрушаются массовые стереотипы и формируются новые, происходит крушение и рождение идеологий, поэтому нам легче осознать, как хрупка и как сильна по своему воздействию эта эфемерная ткань общества — культура.

Несмотря на то, что социологи не занимаются специальным рассмотрением таких проблем, как *материальная культура* и *духовная культура*, функционалисты в своих исследованиях выявили, что между ними существует определенный культурный лаг, и их положение может с течением времени существенно меняться. Так, информационный век уже наступил, но люди продолжают пользоваться

представлениями индустриального общества: оценивают новые услуги мерками массового товарного производства, закрепляют границы информационного обмена, отстаивают прежние социальные стандарты. Технология как бы отрывается от сложившейся культуры отношений. В то же время можно отметить и прямо противоположный процесс. К примеру, христианские заповеди были сформулированы как новый духовный принцип общежития почти 2 000 лет назад, но до сих пор не возникало общества, построенного так и следующего этим принципам, хотя материальные предпосылки и духовные интенции могли быть налицо.

Такой исследователь, как Толкотт Парсонс, провел очень четкие различия между *социальным* и *культурным*. Под социальным он понимал *реальную* социальную жизнь: процессы, события, факты, а культурное, по его мнению, это то, как люди воображают социальную жизнь, или *представления* о реальности. Он же, анализируя культурные процессы, вывел понятие *генерализованной ценности* — господствующих идейных представлений. В современном обществе западного типа это *свобода, демократия, личность*.

Производство и социальные отношения выполняют в обществе мужскую функцию: они дестабилизируют, разрушают стереотипы, движут общество вперед.

Культура выполняет, по мнению Т. Парсонса, женскую функцию, обеспечивая трансляцию, наследование, стабильность, консервацию общественных отношений.

Социологи также выявили, что только на определенных этапах цивилизационного развития материальное доминирует, определяя культуру и способ жизни общества в целом. Однако в более высокоразвитых обществах доминирует культура.

2. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОГРЕСС И ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ КУЛЬТУРЫ В ОБЩЕСТВЕ

Культура зарождается и развивается одновременно с человеческим сообществом, она является связующей суб-

станцией, полем притяжения любого социума. Если проследить этапы развития человеческой *цивилизации*, оказывается, что культура постепенно вытесняет чисто витальные мотивы и потребности развития сообществ и обретает в современном обществе самодостаточное значение и демиургическую роль. Действительно, примитивные, первобытные общества, частично сохранившиеся и сейчас (например, гвинейские папуасы) постепенно эволюционировали от малочисленных племен охотников и собирателей к земледельческим общинам с зачатками власти и продуктообмена и к многотысячным скотоводческим ордам с их социальным расслоением и вожизмом.

Зарождение цивилизации и возникновение традиционных государств связано, в основном с культурным сдвигом в социальном развитии. Сама характеристика «традиционный», по М. Веберу, это уже оценка культуры, а в это время как раз и появляется письменность, возникает институт образования, науки, появляются ремесленные и (позже) мануфактурные технологии, зарождаются и растут города, развиваются рынки, усиливается неравенство, формируются сословия и классы, устанавливаются монархические системы правления. Социальная коммуникация и культурная трансляция приобретают самостоятельный институциональный вес.

Развитие индустриальных обществ выводит промышленное производство и технологии на первый план общественных ценностей, превращая их в основной ресурс. Высокая урбанизация и в целом возросшая мобильность смягчают социальное расслоение и сближают жизненные стандарты разных общественных групп. Формируются многонациональные государства, империи, которые вновь сменяются однопациональными и в конце XX в. иммиграция смешивает их населения опять.

Развивается рыночная экономика, возникают три социальных мира: капиталистические лидеры, социалистические общества (те и другие индустриального типа) и развивающиеся страны (аграрного типа с преимущественно тра-

диционными способами производства, но активно включающиеся в мировой рынок). «Третьи» страны и сегодня испытывают особые трудности не только экономического, но и культурного плана. Социологи отмечают, что эти общества начинают терять свою идентичность, чувствуют себя отсталыми и неконкурентоспособными, потерявшими достойную перспективу.

Похожую фрустрацию пережили и общества советского типа, вступившие на путь капитализации и проведения рыночных реформ. Однако индустриально и геополитически они гораздо более состоятельны, и их идеологическая капитуляция, возможно, и не приведет к такой глубокой и разрушительной социокультурной аномии. (И, раз уж об этом зашла речь, можно сделать еще один глубокомысленный социологический вывод: в историческом споре капитализм победил, но *путем социализации*, поэтому культурное многообразие и толерантность современного общества — безусловно, реальный путь к выживанию, когда крайности единообразия заменяются вариациями «на все случаи»).

Современное постиндустриальное (информационное, технотронное) общество только начало развиваться. Это высокоурбанизированное общество, в котором основная часть национального дохода тратится на производство средств информации и человека, а не на средства физического существования. Джон Нэсбит, известный (своими оправдавшимися прогнозами) социальный футуролог, считает, что развитие многообразия культур самовыражения человека — творчества, религий, искусств — является «визитной карточкой» наступающего тысячелетия.

Таким образом, вывод о том, что культура в процессе развития цивилизации начинает доминировать, не может быть отвергнут как необоснованный или легковесный.

3. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТУРЫ

Изучая малые и большие, традиционные и современные общества, социологи, культурантропологи и психоло-

ги постепенно выявляли некие элементы, которые обязательно присутствуют в каждой социальной культуре.

К таким универсальным компонентам М. Мид и К. Клакхон относят следующие элементы общества:

- **язык** как символику и смыслы действий (знаки и значения);
- **ценностную** систему как совокупность жизненных целей и средств, идеалов, мировоззрений, мифов, идеологий;
- **символы**, понятия и смыслы, которые придаются действиям;
- **типичные связи** и взаимодействия (родственные, ценностные, функциональные, ритуальные и т. п.);
- **образцы** и эталоны поведения.

С позиций фрейдизма, в свою очередь, удалось обнаружить, что *в каждой культуре* есть два неизменных элемента:

правила брачных отношений, отражающих сложившуюся социальную культуру воспроизводства;

правила спортивных состязаний, в которых закреплена культурная, санкционированная обществом форма выплеска агрессии.

А главное, что было обнаружено — это то, что культура — самопроизводящаяся и самовоспроизводящаяся система, она сохраняет себя и развивается, проникает в подготовленные, а иногда и «случайные» души, захватывает, организует ценностный мир человека, делает его своим хранителем и творцом. Наши физические жизни, наполненные культурным смыслом, становятся значительными, а некоторых творческих людей, «вошедших в культуру» и постигших гармонии устройства мира, она делает бессмертными.

4. СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Поскольку социологи напрямую связывают существование культуры и общества, в анализе культурных систем

есть те же стратификационные различия, что и в социуме. В этом плане выделяются культуры:

- цивилизационные (относящиеся к метаобществам, породившим в определенные периоды своего развития своеобразные культурные русла, или парадигмы развития многих этнических и национальных культур);
- региональные (относящиеся к метасоциумам, разным обществам, объединенным природной и территориальной близостью условий проживания);
- национальные (относящиеся к полиэтничным странам на индустриальном и более позднем этапах развития);
- групповые (относящиеся к определенным социальным стратам и субстратам, т. е. общностям и подобщностям в структуре общества);
- семейные (относящиеся к разным типам семьи).

Все эти культуры носят не только классификационный оттенок, но и характер реального существования, сложного иерархического и горизонтального взаимодействия. Они приводят к взаимопроникновению, сосуществованию или к разнообразным драмам отторжения на всех уровнях: от межсемейного (Монтеки и Капулетти у Шекспира) до межнационального и цивилизационного (пресловутая американизация).

Как выявил Х. Ортега-и-Гассет, взаимодействия культур в принципе могут быть:

- *нейтральными*, когда они сосуществуют, не мешают друг другу и не смешиваются;
- *альтернативными*, или контркультурными, когда культуры активно теснят друг друга, поскольку каждая экспансивно стремится занять доминирующее положение и насадить в общности свои ценности и стандарты;
- *конкурентными*, состязательными, когда в процессе саморазвития и борьбы за прозелитов культуры могут смещаться в область альтернативности и конфликтных отношений.

Известная исследовательница Маргарет Мид, которая была и социологом, и этнографом, и социальным психологом, и историком, занималась изучением *культурного отбора* при столкновении (преимущественно примитивных и современных) культур. Анализируя процессы ассимиляции (культурного поглощения), аккомодации (вынужденного приспособительного освоения языка другой культуры) и культурного отбора (избирательного добровольного освоения ценностей другой культуры), она выяснила, что восприятие новой культуры происходит только в том случае, если у обеих существовал общий прототип. Иначе никакой ассимиляции или культурного отбора не получится.

Интересный вывод, который позволяет ставить соответствующие вопросы по поводу социокультурной трансформации современного российского общества. А была ли у нас частная собственность (как социальный институт и культура общественных отношений)? А знали ли мы свободу, или только воля-волюшка гоняла коней по степи? А продуктивна ли будет демократия в стране с глубокими авторитарными традициями? Есть только две возможности ответить:

- пожить подольше и посмотреть, появится ли «конгруэнтность смысловой перспективы» у азиатского и европейского Запада, сложится ли новая культура из заимствований или самобытного социального строительства;
- поучить историю и социологию и поразмыслить поглубже. Тем более, что российское общество — мобилизационного типа. Ему для возрождения нужны общенациональные ценности и общественная идеология. А «Пролетарии всех стран...» или «Самодержавие, православие и народность» уже не очень подходят (к историческим реалиям, как теперь просто речью выражаются вожди).

Социальная культура — это ценности. Идеология — это собирающие, консолидирующие и мобилизующие на

действия ценности. Они, конечно, туманят мозги, но позволяют выбираться из состояния разброда и шатания, обрести общую реальную перспективу. Российское общество переживает смутные времена социального дробления и самовывживания. Разработка новой государственной идеологии станет отправным пунктом начала стабильного, осмысленного, целенаправленного и *ответственного* социального развития общества, когда управляющая элита сможет сказать народу (как в исторически отдаленные, но еще памятные времена): «Цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!»

Литература

Айзенштадт С. Н. Конспект великих революций: Культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // РЖ «Социология». 1993. № 3—4.

Амелина Е. Понятие «цивилизация» вчера и сегодня // Общественные науки и современность. 1992. № 2.

Ахиезер А. Россия: Критика исторического опыта: В 3 т. М., 1991.

Бабахо В. А., Левикова С. И. Современные тенденции молодежной культуры: Конфликт или преемственность поколений? // Общественные науки и современность. 1996. № 3.

Берто Д., Берто-Вьям И. Наследство и род: Трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопросы социологии. 1992. № 2.

Бореев В. Ю., Коваленко А. В. Культура и массовая коммуникация. М., 1986.

Бурдые П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1—2.

Бутенко А. П., Колесниченко Ю. В. Менталитет россиян и евразийство // Социологические исследования. 1996. № 5.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990.

Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре // Там же.

Витаньи И. Общество, культура, социология. М., 1984.

Гофман А. Мода и обычай // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1992. № 3.

Дайксель А. Стиль — это категория, в которой заключена душа масс // Проблемы теоретической социологии. СПб, 1994.

Демидов А. И. Ценностные измерения власти // Политические исследования. 1996. № 3.

Дилигенский Г. Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // Цивилизации. М., 1993. Вып. 2.

Емельянов Ю. Н., Скворцов Н. Г., Тавровский А. В. Символично-интерпретативный подход в современной культурантропологии // Очерки социальной антропологии. СПб, 1995.

Ерасов Б. С. Социальная культурология. Пособие для студентов высших учебных заведений: В 2 ч. М., 1994.

Зимин А. И. Европоцентризм и русское национальное самосознание // Социологические исследования. 1996. № 2.

Ионин Л. Г. Социология культуры: Учеб. пособие. М., 1996.

Ионин Л. Г. Культура и социальная структура // Социологические исследования. 1996. № 3.

Камиллери К. Идентичность и управление культурными несоответствиями: Попытка типологии // Вопросы социологии. 1993. № 1—2.

Кантор К. М. О глобальном кризисе истории в социокультурном измерении // Политические исследования. 1996. № 3.

Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.

Козлова О. Н. О методах анализа социокультурных явлений // Социологические исследования. 1993. № 10.

Кризис современной цивилизации: Выбор пути. М., 1992.

Лапин Н. И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5.

Липкин А. И. «Духовное ядро» как системообразующий фактор цивилизации: Европа и Россия // *Общественные науки и современность.* 1995. № 2.

Лурье С. Культурно-психологические факторы распада крестьянской общины // *Человек.* 1992. № 4.

Мальковская И. А. Детство: Социально-культурная традиция // *Социологические исследования.* 1995. № 4.

Мид Дж. От жеста к символу // *Американская социология: Тексты.* М., 1994.

Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994.

Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.

Немировский В. Г. Современная социология и российские культурные традиции // *Социологические исследования.* 1994. № 3.

Пригожин А. И. Деловая культура: Сравнительный анализ // *Там же.* 1995. № 9.

Проблемы русской ментальности. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 1994. № 1.

Смирнова Н. Социально-культурное многообразие в зеркале методологии // *Общественные науки и современность.* 1993. № 1.

Сорокин П. А. Социальная и культурная мобильность // *Сорокин П. А. Человек. Цивилизации. Общество.* М., 1992.

Сорокин П. А. Социокультурная динамика // *Там же.*

Султанов К. В. Проблемы культуры в свете социологии. Л., 1989.

Человек и социокультурная среда. Специализированная информация по академической программе «Человек, наука, общество». Комплексные исследования. М., 1991. Вып. 1; 1992. Вып. 2.

Чучин-Русов А. Е. Культурный плюрализм // *Общественные науки и современность.* 1996. № 2.

Шаповалов В. Ф. Неустранимость наследия // *Социологические исследования.* 1995. № 2.

VIII. СОЦИАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Изменение практики менеджмента в конце XX в. можно содержательно охарактеризовать как процесс *социализации* управления¹. Многоплановость инновационного менеджмента позволила теоретикам управления рассматривать в качестве самостоятельных проблем такие аспекты этого явления, как социальное управление, маркетинговое управление, производственное самоуправление, и изучать в целом организацию процесса демократизации общественной жизни. Все это элементы и проявления одного целостного состояния, суть которого еще предстоит глубоко изучить. Недаром специалисты по управленческим технологиям, пытаясь осмыслить негативные уроки современного менеджмента, вынуждены делать почти социологические обобщения по поводу содержания управленческих инноваций: «Люди у власти должны быть архитекторами социальных процессов, изучая и формируя то, что называется “культурой производства”, анализируя ценности и нормы организации и те пути, с помощью которых эти ценности могут быть привиты и переданы людям, или в случае необходимости противостоять отжившим нормам организационной культуры»².

Т. е. современный *инновационный менеджмент* содержательно связывается с развитием новых форм системной организации, привитием особой культуры соци-

¹ Дзыбов К. М., Мостовая И. В. Социотехнический характер инновационного управления. Ростов н/Д., 1997.

² Почему лидеры не могут управлять. Реферат книги: Warren B. Why Leaders Can't Lead. The Unconscious Conspiracy Continues. San Francisco, 1989 // Как добиться успеха. М., 1992. С. 37.

ального взаимодействия людей в сфере производства и гражданской жизни.

Процесс развития управленческих инноваций нельзя в строгом смысле считать имманентным, поскольку он обусловлен вызовами со стороны управляемой системы и еще в большей мере — со стороны конкурентной среды. Более того, изменение системы организации и управления обществом происходит на практике под влиянием преимущественно кризисных состояний, когда традиционные методы регулирования оказываются неэффективными. Именно локальный или общесистемный кризис вызывает осознанную реакцию социального менеджмента, поскольку требует изменения самой стратегии развития социальных систем в целях выживания.

Усложнение современного общества порождает многочисленные нестабильные состояния, неопределенности, создает информационный голод. Микрокризисные ситуации, связанные с этим, требуют социальной консолидации граждан и правительств, менеджеров и работников, перераспределения управленческой воли и ответственности «среди всех».

1. КРИЗИС СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ

Анализ конкретных процессов возникновения современной организационно-управленческой стратегии экономически преуспевающих стран позволяет сделать вывод, что развитие инновационного менеджмента обусловлено ситуациями *социального кризиса*. Значительные изменения, произошедшие в системе распределения сил мирового и национального производства в последней трети второго тысячелетия, связаны именно с «точками роста» антикризисных стратегий социального управления. Это подтверждают примеры послевоенной Японии и Германии, а также последовавших по пути использования технологических инноваций Южной Кореи, Тайваня, Гонконга и Сингапура. Чем бы ни объясняли в последующем чудеса экономического роста этих

стран: корпоративным духом, мобилизацией нации, дешевой рабочей силы или богатством природных ресурсов (например, в ОАЭ или Кувейте), важнейшей необходимой предпосылкой, первоотлчком перемен оказалось осознанное принятие новой *управленческой стратегии*, ставка на технические и социальные новации.

Идеология рывка во всех этих странах потребовала перераспределения ресурсов в пользу развития наукоемкого производства, требующего высокопрофессионального, квалифицированного, творческого и заинтересованного (т. е. социально ответственного) труда. «Новые индустриальные страны используют самую современную, передовую технологию, их структура затрат похожа на американскую, их рабочая сила — молодая, жадная до работы и не испорчена высоким уровнем жизни, строгим регулированием условий труда или управленческими теориями.

Общим для всех... является ориентация на экономический рост, готовность много трудиться, предпринимательство, дисциплинированная и достаточно квалифицированная рабочая сила, высокий уровень образования»¹.

Целеустремленность развития и мотивация производительности достигались в этих столь разных странах проведением в жизнь осознанной организационной *стратегии антикризисного управления*, предобусловленной военными, демографическими, политическими и иными социальными потрясениями. «*Инновационный менеджмент является стабилизатором переломных моментов, гасителем возмущений*. Кризис для инновационного менеджмента — предмет изучения, а безопасность жизнедеятельности, в частности в предкризисных, кризисных и посткризисных ситуациях, — цель деятельности»².

¹ Грейсон Дж., О'Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века. М., 1991. С. 303—304.

² Вишняков Я., Гебхардт П., Кирсанов К. Инновационный менеджмент // Российский экономический журнал. 1993. № 10. С. 76.

2. АНТИКРИЗИСНЫЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Антикризисный характер инновационного управления имеет глубинную социальную подоплеку, а его реализация связана с проблемой выживания общественной системы — идет ли речь о нации или же о корпорации. В противном случае американские политики и ученые (а не только производители) не испытывали бы беспокойства из-за конкуренции с более динамичными экономическими системами: ведь технологический или чисто экономический проигрыш не ставит под угрозу существование американской нации, не может коренным образом повлиять на уровень жизни ее граждан. А вот изменить культурные стандарты, снизить пафос национальной идеи, изменить общие ценности поражение в мировой конкурентной борьбе вполне способно, т. е. потеря темпов экономического роста может привести не просто к кризису производства, а к глубокому социальному кризису, как это произошло в России.

«Россия переживает сейчас период острейшего социального кризиса, идет интенсивный процесс реформирования, появление новых элементов и структур сопровождается разрушением старых. Меняются социальные институты ... то есть все то, что в стабильных условиях “цементирует” жизнь общества... В России сейчас почти нет слоев населения, положение которых было бы стабильным, а общие идеалы и ценности отсутствуют. В этой ситуации социальный контроль выступает в форме принуждения и реализуется в особом, кризисном управлении... Идея кризисного управления покоится на трех “китах”: стабильности государственного аппарата, приоритете экономики и целенаправленном усилении деятельности... институтов социального контроля...»¹ Т. е. кризис общественной системы требует изменения системы управления социальными процессами, развитием экономики и производства.

¹ Гурьева Л. От кризиса власти к кризисному управлению // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 7. С. 40.

В то время как российское производство продолжительное время стагнирует после обвального, более чем на 40%, падения в первой половине 1990-х гг., отечественный «менеджмент» не изменяет своего качества ни на макроэкономическом, ни на внутрипроизводственном уровне. Это в значительной степени связано с тем, что непосредственная практика, организация и идеология управления существуют в неразрывной тесной связи. Конечно, может возникать определенный лаг между приоритетами государственной экономической политики и политикой менеджмента на конкретных предприятиях: иногда управленческие новации пропагандируются и внедряются «сверху», иногда пробиваются на уровень общенационального осознания «снизу». Но и в том, и в другом случае они вначале формулируются как определенная социальная идея, для принятия которой должна быть подготовлена культурная почва.

Например, в социальных системах, основанных на развитой демократии, и в управлении производством возникают тенденции к *социализации* организационной системы, формированию отношений сотрудничества, позитивного самопричисления, участия, солидарности. Демократизация производства и развитие автономии труда становятся естественным следствием развития гражданской и хозяйственной автономии людей в современном обществе. «В свое время в 50 европейских и латиноамериканских странах проводилось исследование с целью выяснения вопроса, связан ли уровень развития экономики с политическим режимом общества. Оценивался уровень благосостояния общества, его индустриализации, урбанизации и образования. Полученные результаты однозначны — экономически развитые общества имеют стабильную демократию, общества со слабо развитой экономикой склонны к нестабильным демократиям или диктатурам»¹. Таким образом, антикризисное управление тесно связано с решением задачи политической

¹ Гурьева Л. От кризиса власти к кризисному управлению // Ми-ровая экономика и международные отношения. С. 41.

устойчивости общественной системы. А вот обратное влияние политической стабильности на качество менеджмента может и не быть таким благотворным. Подобный парадокс обусловлен тоже социокультурными причинами.

Стабильные социальные системы с успешно развивающейся экономикой индустриального типа несколько заостеневают в своем духовном развитии, вырабатывая те самые «культурные консервы» стереотипов должного, стандартных управленческих решений, обычно эффективных приемов организации совместной деятельности, о которых говорил Я. Морено. Поэтому и в современной российской системе управления сохраняются дурные традиции непонимания и недоверия к инноватике, особенно опасные в период коренных преобразований, происходящих в экономике, социальной и политической структуре.

3. СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА В РОССИИ

Рассматривая проблемы формирования антикризисного инновационного управления на макроуровне, можно прийти к обоснованному выводу о наличии тесной зависимости между философией общественного управления в целом и конкретными социальными технологиями менеджмента. Поэтому частные проблемы и актуальные вопросы организации эффективного менеджмента не могут быть поставлены в отрыве от проблемы *социального управления* в целом.

В то же время само понятие социального управления, как и целый ряд других определений, позволяющих теоретически полноценно говорить о современной управленческой инноватике, до конца не определено. Отдельные исследователи отождествляют его с самоуправлением, некоторые делают акцент на социальном объекте или общественно значимых целях управления, многие говорят о специфическом характере применяемых принципов, методов и технологий. Однако социальное управление включает в себя все эти качества и характеристики, в то время как центральным его элементом является *актуальный соци-*

альный стимул, позволяющий максимально мобилизовать свободный потенциал конкретного человека.

Если принять подобную дефиницию за основу, то в свете происходящих изменений в системе общественной регуляции следует признать, что управление становится все более и более *социальным*, поскольку процессы демократизации приводят ко все более сложному (почти диффузному) распределению управленческой воли, полномочий и ответственности среди всех действующих субъектов.

Как показывают фундаментальные исследования процессов социальной организации, управление является ключевым фактором развития цивилизации, что абсолютно бесспорно подтверждает практика мировой эволюции в последние несколько веков. «Важно помнить, что на протяжении последних 200 лет ни одна страна в мире не вышла на ведущие позиции в экономике, следуя только по стопам былых лидеров. Это удалось лишь тем государствам, которые начинали с развития отраслей и производств, передовых в техническом отношении и основанных на повышении образовательного и квалификационного уровня работников. А главное — которые прежде всего становились лидерами в области управления. И сегодня, когда автоматизированная обработка информации и новейшие технологии предъявляют все большие требования к обучению работников различным управленческим и техническим специальностям, становится все более очевидным: развивающиеся страны соответствующей базой не располагают и не смогут ее получить в будущем»¹. Такой необнадеживающий, но подкрепленный научными фактами вывод делает один из виднейших теоретиков управления П. Друкер.

Современное развитие российской экономики в силу многочисленных факторов, в том числе социально-политического и государственно-управленческого характера, обус-

¹ Стадниченко В. Н. Теория организации как феномен управленческой культуры // Власть и управление: Сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 1997. Вып. 2. С. 71.

ловлено вытеснением ее производителей с мировых технологических рынков на рынки природного сырья и (в лучшем случае) готовой продукции. Этот процесс заведомо сокращает шансы России начать новый этап постреформенного развития с укрепления позиций высокотехнологичных отраслей и широкого внедрения технических инноваций¹. Т. е. из трех важнейших условий, обоснованных П. Друкером — политика технологического прогресса в национальной экономике, повышение образовательно-квалификационной подготовки работников, инновационный тип управления — как минимум одно категорически не выполняется.

Если продолжать анализировать состояние профессионального образования и качество производственного управления, которые вместе с инновационной технологической политикой составляют комплекс факторов «прорыва» в экономическую современность и могут рассматриваться как важнейшие рычаги модернизации, то негативная оценка перспектив развития российского общества окажется еще более обоснованной.

Все концепции и программы экономических реформ в нашей стране, думается, грешат одним, но очень существенным (если не сказать роковым) изъяном: в них нет места реорганизации управления на современных принципах, содействия возвышению умственного труда вообще и усилению его значимости в экономическом развитии нации. Фактом остается опора на факторы и концепции экономического развития, которые могли так или иначе работать в прошлом, но стали совершенно непригодными в современных условиях»².

Личности и групповые силы, осуществляющие функции социального управления в современном российском обществе, все еще опираются преимущественно на тех-

¹ Дзыбов К. М., Мостовая И. В. Инновационное управление: Эволюция социальных идей. Ростов н/Д., 1996.

² Хруцкий В. Послесловие к реферату статьи Питера Друкера «Труд и управление в современном мире» // Российский экономический журнал. 1993. № 5. С. 75.

нократические подходы к управлению, которые господствовали в экономике и политике советского периода, принижали общественную идеологию. «Абсолютный характер экономической власти выражался здесь в монополии государства на собственность на средства производства и на саму рабочую силу»¹. Конечно, в таких социальных условиях управляющая корпорация мало заботилась о том, как отвечает на регулирование управляемая система.

И вот теперь, когда социально-экономическая система российского общества чрезвычайно усложнилась, когда целые социальные слои оказались разбужены и сформировали свои взгляды и оценки относительно руководящих импульсов «сверху», когда в массовых масштабах стало развиваться предпринимательство, наряду с проблемой учета реакции подчиненных и «управляемых» возникла проблема: как вызвать эту реакцию у многочисленных «апатичных» групп государственных рабочих и служащих, отученных стремиться к достижениям. Исследователи проблемы подчеркивают, что «авторитарные методы управления рабочей силой и производством, базировавшиеся на господстве государственной собственности и уравниловке в оплате труда, разрушили естественную мотивацию и стимулы к труду. Возник определенный тип рабочего, которого по существу ничего не интересует».

Одна из приоритетных задач в России — не только восстановление мотиваций к труду, а затем и их развитие, но и преодоление глубокого отчуждения работника, создание на производстве условий, повышающих его заинтересованность в эффективном функционировании всего предприятия. Решение данной задачи требует прежде всего внимания к вопросам управления предприятием и радикальной перестройки управленческой системы»². Причем при уп-

¹ *Иванов Н. П.* Теория управления при переходе к рынку // Политические исследования. 1992. № 1—2. С. 124.

² *Тарасова Н. Н.* От приказа к мотивации: Новые принципы управления в США // Политические исследования. 1993. № 2. С. 179.

равленческих преобразованиях надо учесть опыт и идеи социального менеджмента, принесшие свои плоды в странах с динамично развивающейся современной экономикой.

Рынок — это не только экономическая, но прежде всего социальная конкуренция. В конкуренции побеждает нестандартный, творческий подход, стремление выиграть, заинтересованность. Такая личная, творческая вовлеченность должна быть распространена на всех этажах управления и среди непосредственных исполнителей производственных проектов. Т. е. многие участники производства, а желательно каждый, должны быть заинтересованы в реализации своих творческих ресурсов в условиях, когда основными формами конкуренции становятся новизна и качество производимых товаров и услуг.

Политика социально-экономической интеграции работника в систему производственных отношений, преодоление социального отчуждения реализуется через изменение отношений собственности путем их участия в прибылях, распределения акций, создания пенсионных фондов, корпораций, организации внутренних венчуров, финансируемых фирмой для коммерческой реализации изобретений собственных служащих. Все эти практические шаги — результат зачастую болезненного переосмысления управленческих ошибок и социальных провалов, которые переживали ныне столь благополучные человеческие сообщества. Им помогла «новая философия управления, исходящая из посылки о наивысшей ценности в производстве “человеческого фактора”, что позволит преодолеть отчуждение, развязать инициативу и высвободить творческий потенциал людей»².

Новая философия управления очень нужна современной России, где даже управленцы высшего ранга до сих пор ищут ответы на трудные вопросы затянувшегося экономического кризиса в зарубежных кредитах, инвестициях, на-

¹ Тарасова Н. Н. От приказа к мотивации: Новые принципы управления в США // Там же. С. 181.

логовых сборах, а не в качестве социального управления, собственном неумении создать организационно-правовые механизмы, чтобы действительно заинтересовать массы талантливых и предприимчивых людей, миллионы которых трудолюбивы, патриотичны, и готовы строить новое будущее в собственной стране — вместе с ответственными политиками и менеджерами.

Литература

Анософф И. Стратегическое управление. М., 1989.

Аршинов В., Свирский Я. Философия самоорганизации. Новые горизонты // *Общественные науки и современность.* 1993. № 3.

Афанасьев В. Т. Социальная информация и управление обществом. М., 1975.

Ахиезер А. Дезорганизация как категория общественной жизни // *Общественные науки и современность.* 1995. № 6.

Балабанов И. Т. Риск-менеджмент. М., 1996.

Барабашев Г. В. Местное самоуправление. М., 1996.

Бурак П. Региональные программы социального развития в условиях формирования рынка // *Российский экономический журнал.* 1996. № 3.

Винер Н. Индивидуальный и общественный гомеостазис // *Общественные науки и современность.* 1994. № 6.

Волков Ю. Г., Дудкин Ф. Ю., Шершунов А. И. Проблемы современного управления. М., 1996.

Высший административный персонал на пути к общеевропейскому дому: Стратегия, организация, методы обучения и развития. М., 1993.

Гвишиани Д. М. Организация и управление. М., 1972.

Грачев М. К новой философии менеджмента // *Вопросы экономики.* 1990. № 12.

Грейсон Дж., О'Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века. М., 1991.

Гулднер А. Социология организаций // *Американская социология.* М., 1972.

Друкер П. Эффективный управляющий. М., 1994.

Жукова М. Важные требования к управленческому корпусу глобальных корпораций // Российский экономический журнал. 1996. № 11—12.

Зинченко Г. П. От администрирования к менеджменту (опыт реформирования государственной службы в Великобритании) // Политические исследования. 1996. № 1.

Зинченко Г. П. Социология государственной и муниципальной службы: Программа-концепция // Социологические исследования. 1996. № 6.

Иванов Н. П. Теория управления при переходе к рынку // Там же. 1992. № 1—2.

Кирсанов К. Креативный и эвристический менеджмент // Российский экономический журнал. 1995. № 11.

Киселева М. К социально-психологическому портрету менеджеров-мужчин и менеджеров-женщин // Там же. 1996. № 10.

Клепач А., Кузнецов П., Крючкова П. Корпоративное управление в России в 1995—1996 гг. (от предприятия советского типа — к фирме, контролируемой менеджерами) // Вопросы экономики. 1996. № 12.

Козина И. Изменения социальной организации промышленного предприятия // Социологические исследования. 1995. № 5.

Колесников А. А. Синергетическая теория управления. М., 1994.

Кравченко А. И. Прикладная социология и менеджмент. М., 1995.

Кузнецова О. Маркетинговый подход к управлению (попытка схематизации) // Российский экономический журнал. 1992. № 10.

Кунц Г., Доннел С. Управление: Системный и ситуационный анализ управленческих функций. М., 1981.

Марков М. Технология и эффективность социального управления. М., 1982.

Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 1992.

Мильнер Б. Кризис управления // Вопросы экономики. 1993. № 1.

Новые концепции общей теории управления. М., 1995.

Попов А. В. Теория и организация американского менеджмента. М., 1991.

Порфирьев Б. И. Организация управления в чрезвычайных ситуациях. М., 1989.

Пригожин А. И. Социология организаций. М., 1980.

Пригожин А. И. Нововведения: Стимулы и препятствия. М., 1989.

Пригожин А. Феномен катастрофы (дилеммы кризисного управления) // *Общественные науки и современность*. 1994. № 2.

Радугин А. А., Радугин К. А. Введение в менеджмент: Социология организаций и управления. Воронеж, 1995.

Саймон Г. А., Смитбург Д. У., Томпсон В. А. Менеджмент в организациях. М., 1995.

Сейтов А. Проблемы управления в XXI веке (по материалам Римского клуба) // *Общественные науки и современность*. 1992. № 4.

Слепенков И. М., Аверин Ю. П. Основы теории социального управления. М., 1990.

Современный менеджмент // *Российский экономический журнал*. 1995. №9-10.

Управление персоналом в условиях социальной рыночной экономики / Под ред. Р. Марра, Г. Шмидта. М., 1997.

Управление социальными процессами / Под ред. В. А. Пономелкова. Ростов н/Д., 1996.

Хруцкий В. Реферат статьи Питера Друкера «Труд и управление в современном мире» и послесловие к нему // *Российский экономический журнал*. 1993. № 5.

Чумиков А. Н. Управление конфликтом и конфликтное управление как новые парадигмы мышления и действия // *Социологические исследования*. 1995. № 3.

Шаборкина Л. Управление проектами как элемент инновационного менеджмента // *Российский экономический журнал*. 1996. № 1.

IX. ОТРАСЛЕВЫЕ СОЦИОЛОГИИ

Социология — не изолированная наука. Она имеет общий объект едва ли не со всеми социальными и гуманитарными науками, и их предметы в значительной степени пересекаются. Так возникали политическая социология, экономическая социология, социология семьи, религии, образования, труда, молодежи, права, социология конфликта и т. д. Эти пограничные области принято называть частными (специальными) социологическими теориями, или *отраслевыми социологиями*. Зачастую возникают споры о том, к какой дисциплине относится то или иное исследование (например, социология права относится к социологии или правоведению). Признавая всю важность размежевания, мы тем не менее считаем более существенным изложить суть социологических подходов частных теорий. В отличие от общей социологии отраслевые социологии находятся пока в значительной степени в стадии становления.

1. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Социальная психология — наука о поведении индивидов в социальном и культурном контексте. Возникнув как относительно спекулятивная область знания, социальная психология позже приобрела черты эмпирической науки. Как самостоятельная наука, она сформировалась в XIX в. и связана с именами немецких М. Лазаруса и В. Вундта, пытавшихся соединить в своих работах изучение психологических феноменов с анализом исторически конкретных культур. Подлинные основы социальной психологии были заложены в трудах таких всемирно известных ученых, как Г. Лебон, Л. Леви-Брюль, Э. Дюркгейм во Франции и Г. Зиммель в Германии. Их исследования в той или иной мере затрагивали процессы психологического взаимодей-

ствия, социальные основания личности, человеческих отношений и поведения.

Примерно с 1925 г. начинается стремительный рост числа научных публикаций по социальной психологии. Исследовательская инициатива принадлежала ученым США, и большинство специалистов других стран придерживалось американской традиции. Социально-психологическая проблематика активно разрабатывается учеными Великобритании, Канады, Австралии, Германии, Франции, Бельгии, Нидерландов, Скандинавии, Японии и России.

В настоящее время исследования в области социальной психологии главным образом представляют собой лабораторные эксперименты, касающиеся социального поведения. Концептуальные основания социальная психология большей частью заимствует у других сфер психологии. В этом плане наибольшим влиянием пользуются идеи *психоаналитической школы*, однако возрастает популярность *когнитивных и лингвистических подходов*; значимую роль играют также достижения современной социологии.

В сферу практической деятельности социальных психологов входит консультативная помощь в организации работы фирм, групповая психотерапия, разрешение педагогических проблем, а также социальных (например, расовых) конфликтов.

Основу социальной психологии составляют лабораторные эксперименты, в которых воспроизводятся определенные ситуации повседневной социальной жизни. В экспериментах участвуют добровольцы, обычно студенты. Экспериментальный метод часто подвергается критике, поскольку едва ли возможно добиться чистоты эксперимента: его организаторы сами оказывают влияние на результат. Более реальные результаты дают полевые исследования, проводимые по аналогии с традиционными социологическими, однако и они также могут носить экспериментальный характер.

Социальное поведение рассматривается как продукт совокупного действия природных, биологических, исто-

рических и культурных факторов. Ранние авторы, например У.Мак-Дугал, большое внимание уделяли изучению инстинктивных корней социального поведения. Более поздние исследователи стремились определить степень влияния внешней среды на поведенческие реакции. В ходе проводившихся в 60—70-е гг. полевых исследований образа жизни высших приматов у последних было выявлено значительное число черт, напоминающих социальное поведение человека. Одновременно исследования, проводившиеся в области культурной антропологии показали, что и в рамках различных культур многие характеристики человеческого социального поведения совпадают. В связи с этим широко распространенным становится мнение, что социальное поведение человека имеет биологические основания в том, что касается образцов (паттернов) выражения эмоций и в целом невербальной коммуникации, структуры языка и некоторых аспектов группового поведения.

В ходе исследований, посвященных *социализации* — процессу научения в контексте культуры — выяснилось, что научение взаимодействует с наследственными факторами, например, врожденная способность к языкам делает возможным научение родному языку. Культура развиваясь в ходе исторического процесса, предоставляет человеку образцы поведения и способы организации опыта. Многие аспекты социального поведения объясняются исторически.

Исследование процессов *социального взаимодействия* в аспекте социальной психологии связано с анализом разнообразных вербальных и невербальных знаков, используемых в общении, а также функций, например, взгляда, жеста, тона голоса. В ходе лабораторных и полевых исследований рассматривалось поведение в ситуациях, требующих взаимопомощи, подражание, образование дружеских групп, социальное взаимодействие в психотерапии. Установлено, что социальное взаимодействие состоит из тесно связанных друг с другом последовательностей не-

вербальных сигналов и вербальных высказываний. Например, взгляд выполняет несколько важных функций.

Наиболее эвристически плодотворной моделью, описывающей социальное поведение, признана модель *стимул — реакция*. Согласно этой модели, всякое социальное действие должно рассматриваться как ответ на предшествующее ему действие другого индивида. Пользуются известной популярностью и лингвистические модели, в основе которых лежит принцип аналогичности социального поведения игре по определенным правилам или языку, также строящемуся по тем или иным правилам.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Политическая социология отличается от политической науки. Их отличие заключается в предмете изучения. Политология изучает лишь одну сферу жизни общества — политическую, т. е. отношения в политической системе, связанные с государственной властью, ее завоеванием, удержанием и использованием. *Политическая социология* ищет ответ на вопрос о том, как общество в целом влияет на государство, партии, социально-политические организации и индивидов, каково их политическое поведение. Она рассматривает политику в «перспективе анализа социальной структуры и неформальных социальных институтов, общественного мнения и поведения, всего комплекса социально-политических процессов, норм и отношений, через исследование личности и малых групп во всем многообразии их психологических и социокультурных характеристик» (Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 267). Предметом политической социологии являются механизмы взаимодействия социальных структур и процессов с миром политического.

Политическая социология включает в себя общую теорию политики (политическая власть, ее отличие от других социальных явлений и связь с ними) и социальные аспекты политики (потребности, интересы, деятельность лично-

стей, социальных групп, этносов, массовых движений, институтов и т. д.) и изучает три уровня социально-политических отношений: общие законы функционирования социально-политических систем; специфические особенности социально-политических процессов в отдельных странах; отдельные виды политической деятельности.

Власть является основным предметом изучения политической социологии. Почему один человек подчиняется другому? Потому что другой или сильнее (как, например, грабитель, угрожающий пистолетом), или умнее и опытнее (человек следует его совету и рекомендации, чтобы избежать осложнений и возможных ошибок), или является начальником и имеет соответствующее его должности право отдавать распоряжения. Таким образом, в основе подчинения одного человека другому лежит неравенство естественное (физиологическое, интеллектуальное и т. п.) и социальное (статусное, экономическое, образовательное и т. п.).

Власть, возникающая на основе *естественного неравенства*, всегда носит характер межличностного взаимодействия, всегда персонифицирована. Мы подчиняемся в данный момент конкретному человеку. Однако, если в новой ситуации он окажется неспособным продемонстрировать свое преимущество, мы вряд ли будем выполнять его распоряжения.

Власть, основанная на *социальном неравенстве*, утрачивает свою персонифицированную форму. На службе мы вынуждены выполнять распоряжения начальника независимо от того, нравится он нам или нет, сильнее он физически или нет. Такая власть носит более определенный и устойчивый характер. Она воспроизводится в обществе независимо от конкретных индивидов, в достаточно устойчивых местах социального пространства и в постоянных формах. Например, глава семьи, духовный наставник религиозной общины, руководитель предприятия, лидер партии — все они, занимая различные места в социальном пространстве, обладают исключительным правом на при-

нятие решений, обязательных для подчиненных. Причина устойчивости такой власти — в ее институализации. Власть, основанная на социальном неравенстве, является социальным институтом.

Напомним, что *социальный институт* — это устойчивое социальное образование, закрепляющее определенные виды социального взаимодействия в обществе благодаря наличию норм, регулирующих и упорядочивающих это взаимодействие, и санкций, обеспечивающих соблюдение этих норм, и, следовательно, воспроизводство самого взаимодействия.

Власть — один из важнейших видов социального взаимодействия, суть которого заключается в участии в нем по крайней мере двух индивидов, один из которых подчиняется распоряжениям другого, что проявляется в реальных действиях, поступках, демонстрации намерений. Поддержание и возобновление этого взаимодействия в обществе всегда обеспечивается соответствующими нормами и санкциями, что дает основание рассматривать власть как социальный институт.

3. ДЕМОГРАФИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА

Демография — это статистическое изучение человеческого населения, его численности и плотности, территориального распределения и жизненной динамики (рождения, браки, смертные случаи и т. д.).

Основы статистической демографии были заложены в работе Джона Граунта; его работа «Естественные и политические наблюдения, сделанные над бюллетенями смертности» (1662) посвящена рассмотрению еженедельных сводок смертей и крещений (бюллетеней смертности), относящихся к концу XVI в.

Большинство демографических исследований XIX в. были также посвящены феномену смертности. Во второй половине XIX в. демографы установили, что в промышленных странах имело место значительное снижение рожда-

емости. Они стали изучать рождаемость и воспроизводство с таким же большим интересом, как прежде изучали смертность. В период между двумя мировыми войнами демография приобрела междисциплинарный характер. В 1928 г. был основан Международный союз научных исследований населения.

Несмотря на возрастание сложности *социальной статистики*, а также стремительное увеличение числа демографических научно-исследовательских институтов, периодических изданий и международных организаций, основой демографических исследований продолжают служить данные переписей населения и регистрации жизненной статистики. Даже самая тщательная перепись не обладает совершенной точностью, однако в странах с долгой традицией регистрации демографическая статистика рождений, смертей и браков является достаточно точной.

Для изучения демографических изменений необходимо знать уровень рождаемости, смертности и миграции. Эти факторы оказывают влияние не только на численность населения и скорость ее прироста, но и на состав населения по таким параметрам, как пол, возраст, этнический или расовый состав, географическое распределение.

Демографы различают *фертильность* — биологический потенциал воспроизводства, и *рождаемость* — реальный уровень достигнутого воспроизводства. Различие между биологическим потенциалом и реальным уровнем рождаемости определяется действием некоторых привходящих факторов, а именно:

- 1) большинство женщин не вступают в процесс воспроизводства сразу по наступлении половой зрелости, которое само по себе невозможно связать с точно определенным возрастом;
- 2) некоторые женщины, обладающие потенциалом воспроизводства, никогда не рожают;
- 3) некоторые женщины после смерти мужа не вступают в повторный брак;

- 4) некоторые элементы социального поведения ограничивают рождаемость;
- 5) многие пары сознательно стремятся ограничить рождаемость при помощи полового воздержания, контрацепции, абортот или стерилизации.

В целом в мире рождаемость значительно ниже биологического потенциала. Ее сдерживают требования культурной среды, прежде всего те из них, которые касаются брака и половой жизни, и постоянное стремление части супружеских пар к ограничению числа своих детей.

Воспроизводство есть по своей сути биологический процесс, поэтому анализ рождаемости должен учитывать следующие биологические факторы: возраст, допускающий возможность воспроизводства; уровень фертильности, т. е. ежемесячной возможности забеременеть при отсутствии контрацепции; количество самопроизвольных абортов и доношенных беременностей; длительность временного бесплодия после рождения ребенка; возраст наступления постоянного бесплодия.

Одним из оснований демографии как науки является понимание того факта, что человеческая смертность характеризуется статистической регулярностью, которую можно проследить на больших группах населения.

Продолжительность жизни первобытных людей составляла всего 25—30 лет. Пик смертности приходился на младенчество и детство: почти 20% новорожденных умирали на первом году жизни, а еще 30% — до достижения пятилетнего возраста.

В развивающихся странах к 1980 г. средняя продолжительность жизни составляла 55—60 лет (максимум в Латинской Америке, а минимальные показатели — в Африке). В развитых странах Западной Европы и Северной Америки в этот же период средняя продолжительность жизни достигала примерно 75 лет и менее 1% новорожденных умирали на первом году жизни.

По неустановленным наукой причинам продолжительность жизни женщин обычно больше, чем у мужчин, и это

преимущество женщин возрастает по мере общего повышения продолжительности жизни. В конце XX в. разрыв между женской и мужской продолжительностью жизни женщин и мужчин составляет 7 лет (78 лет у женщин и 71 год у мужчин) в странах с развитой рыночной экономикой и 8 лет (74 года и 66 лет) в странах Восточной Европы.

Одним из главных факторов, воздействующих на детородность вообще и детородность в различных обществах, являются формы брака и развода. Во многих обществах в Азии и Африке, например, брак заключается сразу после полового созревания женщины, в возрасте примерно 17 лет. Напротив, в Европе давно господствует отсроченный брак. Так, в некоторых европейских странах средний возраст заключения первого брака приближается к 25 годам. Другой аспект исторических форм брака в Европе — высокая распространенность постоянного безбрачия: до 10% всех женщин никогда не вступают в брак. Напротив, в традиционных странах Азии и Африки в брак вступают почти все женщины. *Развод и вдовство* — неустрашимые компоненты брака могут «съедать» от 20 до 50 % потенциально репродуктивного возраста.

Поскольку население страны может быть увеличено или уменьшено посредством миграции, при анализе изменения численности населения следует тщательно рассматривать формы миграции. Общее определение миграции населения сводит это понятие к изменению постоянного места жительства, что отличает миграцию от поездок и других более частых, но временных передвижений.

В настоящее время самыми крупными миграциями населения являются внутренние, т. е. осуществляющиеся внутри одного государства. Во многих странах мира с 40-х гг. наблюдается очень быстрый рост городов. В развивающихся странах, характеризующихся высокими темпами прироста населения, численность населения некоторых городов удваивалась каждые 10 лет. Миграции населения в города способствовали росту смертности. Города были местом концентрации инфекции; действительно, многие че-

ловеческие вирусные болезни не распространяются, если плотность населения невысока.

Естественное увеличение населения — это разница между числом рождений и смертей; норма естественного увеличения — различие между показателями рождаемости и смертности. Диапазон возможных норм естественного увеличения достаточно узок — он редко превышает 4% в год.

Прирост населения. Норма прироста населения — это норма естественного увеличения, объединенная с влияниями миграции. Таким образом, высокая норма естественного увеличения может быть погашена большой миграцией из страны, а низкой норме естественного увеличения может противостоять высокий уровень иммиграции. Однако влияния миграции на темпы прироста населения менее значительны, чем влияния изменений детородности и смертности.

4. СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ

Структура населения определяется такими компонентами, как возраст, пол, этническая или расовая категория и статус проживания (городской или сельский).

Возрастная структура. Чтобы описать возрастную и половую структуру населения демографы обычно используют пирамиды населения, т.е. диаграмму, на которой длина каждого горизонтального отрезка означает число (или процент) людей определенной возрастной группы; например, основание такой диаграммы состоит из отрезка, представляющего самую молодую долю населения в возрасте менее пяти лет. Каждый отрезок разделен на части, соответствующие числу мужчин и женщин. В большинстве населений доля более пожилых людей намного меньше, чем людей молодого возраста, так что диаграмма сужается к вершине. Группы молодого населения представлены пирамидами с широким основанием (дети младшего возраста) и узкой вершиной (более старшие дети).

Вопреки распространенному мнению, основным фактором, оказывающим влияние на возрастную структуру населения и, следовательно, общую форму соответствующей пирамиды, является не смерть, или нормы смертности, а *норма фертильности* (детородности). Повышение или снижение смертности воздействует в некоторой мере на все возрастные группы. Однако изменение детородности влияет на численность людей только единственной возрастной группы — группы нулевого возраста, недавно рожденной. Следовательно, снижение или увеличение детородности сказывается в основном на «основании» возрастной структуры и, следовательно, является главным влияющим фактором для всей возрастной структуры. Это означает, что младшие возрастные группы соответствуют высоко фертильным населением, типичным для развивающихся стран. Более старшие возрастные группы преобладают в населении с низкой фертильностью — в развитых странах.

Половая структура. Вторым важным структурным аспектом населения является относительная численность мужчин и женщин, составляющих его. Установлено, что рождается несколько больше мальчиков, чем девочек (типичное отношение — 105 или 106 мальчиков на каждые 100 девочек), но общей закономерностью является более высокая смертность представителей мужского пола фактически в любом возрасте после рождения. Это различие имеет, вероятно, биологическую природу. Исключения наблюдаются в странах, где смертность женщин может быть выше, чем мужчин в детстве и в возрасте деторождения из-за неравного распределения ресурсов в пределах семьи и низкого уровня здравоохранения (например, в Индии).

Хотя мальчиков и рождается больше, в дальнейшем численность мужчин и женщин становится одинаковой, а в еще более старшем возрасте число женщин становится непропорционально большим. Например, в 1985 г. в Европе и Северной Америке среди людей 70-летнего возраста и старше число мужчин на каждые 100 женщин было приблизительно 61—63. (Согласно данным Отделения на-

селения Организации Объединенных Наций, число мужчин в Советском Союзе было только 40 на каждые 100 женщин, что объясняется высоким уровнем мужской смертности в период второй мировой войны и увеличением мужской смертности в 80-х гг.)

Половая структура оказывает существенное влияние на показатели брака. Дефицит мужчин данного возраста понижает нормы брака женщин в той же самой возрастной группе или обычно в несколько более молодой, а это в свою очередь уменьшает фертильность. Во многих странах социальные традиции диктуют норму, согласно которой мужчины должны быть более старшими по возрасту, чем их супруги. Вследствие этого, если имеется повышение детородности типа «младенческого бума» в период после второй мировой войны, то число мужчин социально соответствующего брачного возраста недостаточно для числа несколько более молодых женщин. Это может стать причиной отсрочки брака последних. Снижение детородности в таком обществе, вероятно, в конечном счете приведет к недостатку женщин подходящего возраста для брака, а следовательно, к более раннему браку этих женщин и расширению возрастной разницы в браке. Все эти изменения происходят медленно; требуется по крайней мере 20-25 лет, чтобы значительное падение или повышение детородности затронуло брак.

Этнический или расовый состав. Народо­на­се­ле­ние всех наций мира отличается большим или меньшим этническим или расовым разнообразием. (Этническая принадлежность включает национальные, культурные, религиозные, лингвистические или другие признаки, которые воспринимаются как характеристики отличных друг от друга групп.) Такие различия в населении часто расцениваются как социально важные, поэтому статистика расовых и этнических групп обычно легко доступна. Однако категории, используемые для анализа таких групп, различны у разных народов. Так, человек пакистанского происхождения рассматривается как «черный» или «цветной» в Великобрита-

нии, но, вероятно, считается «белым» или «азиатом» в США. По этой причине международные сравнения этнических и расовых групп неточны, и данный компонент структуры населения гораздо менее объективен, чем категории возраста и пола.

Статус проживания (географическое распределение и урбанизация. В структуре народонаселения важно также учитывать его географическое распределение — дифференциацию по области проживания: сельское и городское. В течение многих десятилетий наблюдался всеобщий поток населения из сельских областей в городские. Среди наиболее высоко урбанизованных обществ в мире можно отметить страны Западной и Северной Европы, Австралию, Новую Зеландию, страны умеренного пояса Южной и Северной Америки. Во всех этих странах доля населения, живущего в городских областях, превышает 75% достигая 85 % в Западной Германии. Средний уровень урбанизации отмечается в некоторых странах Латинской Америки, где от 50 до 65 % населения живет в городах. Наконец, во многих развивающихся странах Азии и Африки процесс урбанизации начался только недавно, и в них менее 1/3 населения живет в городах.

В некоторых странах скорость урбанизации удивительна. Население Мехико в 1960 г. составляло примерно 5 млн человек; оно выросло до 17 млн в 1985 г. и предполагается, что может достигнуть 26 млн — 31 млн к 2000 г. Общая закономерность, присущая многим развивающимся странам, состоит в том, что скорость роста городов вдвое превосходит рост населения в целом. Таким образом, для населения, увеличивающегося на 3 % ежегодно (удваивающегося за 23,1 года), скорость роста городов составляет по крайней мере 6 % ежегодно (удваивается за 11,6 лет).

5. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Экономическая теория изучает отношения, овеществленные в потоках вещественных, финансовых, информа-

ционных ресурсов, готовой продукции и услуг. Экономическая социология ориентирована на человеческое поведение и социальные связи как таковые. Но пересечение объектов исследования все же довольно велико.

Не следует искать основной водораздел и в методах исследования. Экономисты реже прибегают к опросным методам, но этот путь им отнюдь не заказан, особенно современной России с ее очень слабой официальной статистикой. В свою очередь многие социологи используют статистическую информацию и математические модели.

Говоря об экономической социологии, следует иметь в виду нечто принципиально отличное от чисто экономической теории даже в случае совпадения исследовательского объекта и методов сбора данных. Речь должна идти о «социологии экономического действия» (М. Вебер) или «социологии экономической жизни» (Н. Смелзер), т. е. об использовании основных понятий социологической теории, развернутых в плоскость экономических отношений.

Экономическая социология изучает экономическое действие как форму социального действия. *Экономическое действие* представляет собой осуществление контроля над ограниченными ресурсами ненасильственными методами в целях удовлетворения потребностей, а *социальное действие*, по М. Веберу, форма деятельности, которая, во-первых, характеризуется внутренним смысловым единством; во-вторых, по этому смыслу соотносится с действиями других людей и ориентируется на них.

В основу построения социологической модели экономического действия, как полагают исследователи, должны быть положены две задачи:

- построение вместо единой модели типологий (таксономий) по целому ряду шкал, связывающих (противопоставляющих) экономически и социально ориентированные действия (*homo economicus* и *homo sociologicus*) как крайние точки на шкале;

- определение и раскрытие социальных и экономических условий, при которых осуществляется взаимный переход экономически и социально ориентированного действия.

6. СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Социология семьи как часть общей социологии, как теория «среднего уровня» рассматривает особую сферу жизнедеятельности и культуры согласованно действующей группы людей (семьи), связанных семейно-родственными отношениями, фокусируя внимание на совместной жизнедеятельности членов семьи, т. е. на семейном образе жизни. Она имеет дело с групповым, а не индивидуальным субъектом жизнедеятельности.

Подчеркивая групповое качество семейной жизнедеятельности, социология семьи рассматривает индивида как члена семьи, как составную часть целого, не редуцируемого к отдельной личности, исследуя личность прежде всего сквозь призму социокультурных внутрисемейных ролей, семейной принадлежности личности. В социологии семьи личность предстает конкретно как муж или жена, отец или мать, сын или дочь.

Индивидуальное своеобразие накладывает отпечаток на стиль исполнения внутрисемейных ролей, проявляющийся через конфигурации межличностных взаимосвязей и взаимоотношений. Социология семьи изучает семейно-родственные формы совместной жизни малой группы людей, семейный образ жизни в сравнении с одиночно-холостяцким, изучает в единстве и целостности взаимосвязь родительства—супружества—родства, т. е. собственно семью.

Семья сочетает свойства социальной организации, социальной структуры, социального института и малой группы, входит в предмет изучения социологии воспитания и социализации, социологии образования, политики, права, культуры, труда, позволяет лучше понять процессы социального контроля и социальной дезорганизации, социаль-

ной мобильности, миграции и демографических изменений. Без обращения к семье затруднены прикладные социологические исследования, она легко описывается в терминах социального поведения, принятия решений, конструирования социальных реалий и т. д.

Определения семьи должны соединять разнокачественные проявления семейной универсальности. В первую очередь, в определении должны сочетаться, а не противопоставляться признаки семьи как социального института и социальной группы.

А. Харчевым дано определение семьи как «исторически конкретной системы взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми как малой группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения», т. е. семью создает отношение родители—дети, а брак представляет собой легитимное признание тех отношений между мужчиной и женщиной, которые сопровождаются рождением детей. Для более полного понимания сути семьи следует иметь в виду ее пространственную локализацию — жилище, дом, собственность и экономическую основу — общесемейную деятельность родителей и детей.

А. И. Антонов и В. М. Медков дают следующее определение: «Семья — это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества—родительства—родства, осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи». Таким образом, лишь наличие триединого отношения супружества—родительства—родства позволяет говорить о конструировании семьи как таковой в ее строгой форме. Факт одного или двух из названных отношений характеризует фрагментарность семейных групп, бывших семьями прежде (по причине взрос-

ления и отделения детей, распада семьи из-за болезни, смерти ее членов, развода и т. п.) либо не ставших еще семьями (семьи молодоженов).

Американский этнограф Л. Морган считал, что семья в своем развитии прошла следующие фазы: промискуитет, кровнородственная семья, пуналуальная семья, синдиасмическая семья и моногамная семья. Общей тенденцией, характеризующей развитие семьи, является сужение круга половых партнеров и укрепление связей, объединяющих членов семьи.

Промискуитет — такая форма совместной жизни, характерная для низшей ступени дикости, при которой отсутствовали отдельные, обособленные семейные группы и семейная жизнь была идентична общественной, т. е. существовали не регулировавшиеся никакими нормами половые отношения между всеми членами общества.

Многие социологи оспаривали возможность промискуитета как предварительного этапа в развитии семейной жизни. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что первобытный человек мог существовать лишь в некоторой обширной общности и был с ней теснейшим образом связан. Согласно Моргану, весьма скоро происходит ограничение полового общения и начинают выделяться отдельные группы, между которыми такое общение разрешено. Этот процесс, несомненно, длился весьма долго и привел к возникновению особой формы семьи — кровнородственной.

Кровнородственная семья — такая форма группового брака, при которой половое общение разрешено лишь между членами рода или племени, принадлежащими к одному поколению. Все, кто принадлежит к одному поколению, т. е. братья и сестры, независимо от степени их родства образуют одну семью. Такая семья является эндогамной общностью, ибо включает людей одного поколения, принадлежащих лишь к одному роду или племени. Сужение круга половых партнеров привело к возникновению более развитой формы семьи — пуналуальной.

В пуналуальной семье из полрвого общения исключаются сперва ближайшие кровные родственники по женской линии, а позже такой запрет распространяется и на остальных, более дальних родственников того же поколения. Данному типу семьи все еще присущ групповой брак, однако принцип эндогамии сменяется экзогамией, т. е. можно сказать, что это брак между людьми, принадлежащими к одному поколению, но к разным родам. Таким образом, пуналуальная семья представляет собой форму брачных отношений, при которой брачными партнерами являются группа сестер из одного рода и группа братьев из другого рода. В рамках такого типа семейной жизни все более частыми оказываются устойчивые и продолжительные связи между одним мужчиной и одной женщиной; это первый шаг к появлению парного брака.

Синдиасмическая семья — переходный исторический тип семьи, которая появляется на рубеже дикости и варварства и в которой один мужчина живет с одной женщиной, а полигамия остается исключительным правом мужчины. Брачные узы легко расторгаются, и тогда дети остаются с матерью. Регулируя половые отношения определенного мужчины и определенной женщины, синдиасмическая семья делала известным действительного биологического отца и создавала условия для создания моногамной семьи, возникающей во времена разложения родового строя, появления частной собственности и классов.

Моногамная семья отличается тесной связью между одним мужчиной и одной женщиной. Непосредственной причиной возникновения моногамной семьи было стремление обеспечить беспорность отцовства и право потомства на владение семейным имуществом. Укрепление моногамной семьи происходило в период разложения старого родового строя и возникновения новых форм человеческих общностей. Таким образом, исторически семья развивалась от нерегулируемых половых отношений к их ограничению в рамках моногамной семьи.

Исторические типы моногамной семьи

Можно сконструировать три идеальных исторических типа моногамной семьи: патриархальный (традиционный), детоцентристский (современный) и супружеский (постсовременный).

Патриархальный тип семьи — наиболее архаичный, характеризуемый зависимостью жены от мужа и детей от родителей. Главенство мужа проявляется в том, что в его руках сосредоточены экономические ресурсы и власть (принятие основных решений), в соответствии с чем происходит жесткое закрепление семейных ролей. В традиционной семье господствуют абсолютная родительская власть и авторитарная система воспитания. Смысл патриархальной моногамии упрощенно можно свести к двум принципам: жесткая поло-возрастная субординация и отсутствие индивидуальной избирательности на всех стадиях семейного цикла.

Детоцентристский тип семьи формируется в Европе со второй половины XIX в. Для него характерно возвышение роли частной жизни, чувственной стороны брака и интимности. Более или менее равноправные отношения между мужем и женой привели к появлению устойчивой зависимости экспрессивной удовлетворенности от супружеской, а также к осознанию того, что сексуальность в границах брака не сводима к деторождению. Детоцентристская семья по природе малодетна.

Зарождение избирательности в предбрачный период предопределило новую семейную стратегию. Так как выбор — основа личности, то совместное проживание мужа и жены в условиях отсутствия ритуализированных ожиданий и однозначно закрепленных ролей требует взаимной адаптации их индивидуальных планов и поведенческих стереотипов. Иначе говоря, должен возникнуть ряд тесно связанных между собой приспособительных отношений, каждое из которых оказывает влияние на стабильность индивидуальной семьи.

Супружеский тип моногамной семьи зарождается в последние десятилетия. В такого рода семье стратегическое отношение определяется не родством (как в патриархальной) и не родительством (как в детоцентристской), а свойством. Норма семейной жизни меняется: родители в такой семье отказываются полностью подчинять собственные интересы интересам детей. Акцент на супружество означает возможность более полной реализации личностного взаимодействия мужа и жены, регулируемого моральными принципами и имманентными ценностями. В постсовременной семье вырабатывается антирутинный механизм — автономия супругов. Интересы каждого из супругов шире семейных, и круг значимого общения для каждого из них выходит за рамки супружества. При этом следует отметить взаимосвязь и взаимодополняемость механизмов устойчивости (адаптация, интимность) и развития (автономия).

В целом можно говорить об эволюции моногамной семьи от патриархального типа к супружескому.

Согласно А. И. Антонову, типы семейных структур определяются характером супружества, родства и родительства.

Моногамное супружество — это брак одного мужчины с одной женщиной. В истории человечества моногамия встречается в 5 раз реже, чем *полигамия* — брак одного супруга с несколькими, причем полигамия бывает двух видов: *полигиния* — брак одного мужчины с несколькими женщинами, *полиандрия* — брак одной женщины с несколькими мужчинами (редко встречающийся брак — в 20 раз реже моногамии и в 100 раз реже полигинии).

Эзогамные браки относятся к таким, где супружество возможно лишь вне данной родственно-семейной группы, фратрии. Напротив, *эндогамные* браки заключаются исключительно внутри данной фратрии.

Типы семейных структур, определяемые по критериям *родительства—супружества—родства*, многообразны и подчеркивают какие-либо свойства в связи с линиями отца или матери. В связи с этим в этносоциологии и социоло-

гии семьи и родства принято различать социальное отцовство и физиологическое отцовство и соответственно материнство. Отсюда на основе принципов патри- или матриликализации семейных групп прибегают к выделению *патрилинеальных* и *матрилинеальных семей*, где наследование фамилии, имущества, социального положения ведется по отцу либо по матери.

По *критерию власти* различают *патриархальные семьи*, где отец является главой семейного «государства», и *матриархальные семьи*, где наивысшим авторитетом и влиянием пользуется мать. Если ни отец, ни мать не выполняют четко выраженных функций главы семьи, а преобладает ситуативное распределение власти между ними имеет смысл говорить об эгалитарных семьях (эгалитарность понимается как равное влияние супругов с взаимозаменяемыми ролями). Выделяют еще так называемую *партнерскую семью*, где происходит совместное обсуждение семейных решений, причем если муж имеет большее влияние, то такую семью называют партнерской семьей с доминированием мужа, если жена — то с доминированием жены. Кроме того, выделяют семьи, в которых принятие решений принадлежит одному из супругов, — *автономные семьи*.

По *критерию социального положения супругов* (или родителей супругов) семьи могут быть *гомогенными*, если супруги примерно из одной социальной страты, и *гетерогенными*, если они происходят из разных социальных групп, каст, классов. Для более широкой характеристики семей и браков по социальным и демографическим признакам применяется также различение *гомогамных* семей, однородных по национальности, возрасту, профессии, образованию и т. д., и *гетерогамных* семей, в которых наблюдаются различия по социальным индикаторам.

По *критерию пространственно-территориальной локализации* различают семьи *патрилокальные* семьи, в которых молодожены переходят жить в дом отца мужа, и *матрилокальные*, где молодежь остается жить у родите-

лей жены. Сегодняшние молодожены-горожане вынуждены селиться у тех родителей, у которых есть для этого соответствующие условия, поэтому следует говорить об *унилокальных* семьях, т.е. в этих случаях молодожены поселяются или у родителей мужа, или у родителей жены не по причине следования традиции. Выделяют также *нео-локальные* семьи, имеющие возможность жить отдельно от родителей в своем доме.

В современных урбанизированных агломерациях наиболее распространены *нуклеарные* семьи, состоящие из родителей и их детей, т.е. из двух поколений. *Расширенная* семья представляет собой две нуклеарных семьи и более с единым домохозяйством и состоит из трех и более поколений-прародителей, родителей и детей (внуков). Когда надо подчеркнуть наличие в нуклеарной семье, основанной на полигамном браке, двух и более жен-матерей (полигиния) или мужей-отцов (полиандрия), тогда говорят о *составной нуклеарной* семье.

В *повторных* семьях (основанных на повторном, не первом браке) вместе с супругами могут проживать дети от данного брака и дети от предшествующего брака кого-либо из супругов, имеющие родного отца или мать. Рост разводов увеличил долю повторных семей, которые в прошлом возникали по причине предшествующей смерти супруга и в них дети гораздо реже могли иметь при одной матери двух отцов (при одном отце двух матерей).

Возможны два типа нуклеарной семьи, состоящей из трех или только трех внутрисемейных позиций (муж—отец, жена—мать, дети—сыновья и братья, дочери и сестры).

Репродуктивная семья состоит из родителей и несовершеннолетних детей, и *ориентационная* семья — это родительская семья, из которой вышли взрослые дети, имеющие свои репродуктивные семьи.

Расширенная семья, состоящая более чем из трех названных выше позиций (если, например, добавляются тещь—теща, свекор—свекровь, братья и сестры с их супругами и детьми, братья и сестры самих супругов и т. д.),

имеет несколько разновидностей. *Полная расширенная семья* формируется, если братья с женами остаются в доме отца и их сыновья после женитьбы также остаются с ними (это характерно для Китая). Расширенная семья всей своей структурой обнаруживает, что цементирующей связью является кровное родство родителей и детей, братьев и сестер. Поэтому иногда нуклеарные семьи именуют *супружескими*, а расширенные — *кровнородственными*.

Послеразводные семьи, с одним родителем и детьми называются *неполными* в отличие от семей с двумя родителями (в традиционных обществах эти семьи в основном были семьями вдов, сейчас они появляются вследствие развода).

В социологии и демографии принято деление семей *по детности* на три типа: *малодетные семьи* — это те, где мало детей с точки зрения социально-психологической. Так, двухдетная семья состоит из двух пар — супругов и детей, но здесь парные отношения нельзя считать строго групповыми, так как первичногрупповые отношения возможны начиная с трех членов группы. Кроме того, мало детей в семье может быть с точки зрения воспроизводства населения (демографической): чтобы предшествующие поколения замещались последующими, необходимо примерно 2,5 детей на семью, или четверть двухдетных семей, а треть — трехдетных, 20% — четырехдетных и 7% пятидетных и более, 14% бездетных и однодетных.

Реальная структура семей по детности в России, где уровень рождаемости ниже границы простого воспроизводства населения (16 рождений на 1 000 жителей) и составлял 11,5 на 1 000 жителей в 1992 г., что соответствует в среднем 1,59 детей на семью. Это означает чрезмерное преобладание малодетных семей с 1—2 детьми до 16 лет (примерно 90%). Многодетных семей с пятью и более детьми, где детей намного больше для замещения поколений, меньше 1%. Среднедетных семей с 3—4 детьми, где детей достаточно для несколько расширенного вос-

производства, — около 9%. Таким образом, структура семей по детности искажена: многодетных семей в 15 с лишним раз меньше, чем следует, среднедетных — в 5 раз, тогда как однодетных в 5 раз больше, поэтому рождаемость не компенсирует смертность.

Функции семьи

Функции семьи неразрывно связаны с ее структурой. Поэтому предметом исследования социологии семьи являются функции супружеского взаимодействия, родительские — в отношении детей, сотрудничества между родителями, взаимодействия детей, взаимодействия супругов и их родителей, взаимодействие прародителей и внуков.

Достаточно полная классификация функций семьи разработана М. С. Мацковским¹, который разделил общественные и индивидуальные функции семьи.

Сфера семейной деятельности	Общественные функции	Индивидуальные функции
Репродуктивная	Биологическое воспроизводство общества	Удовлетворение потребности в детях
Воспитательная	Социализация молодого поколения. Поддержание культурной непрерывности общества	Удовлетворение потребности в родительстве, контактах с детьми, их воспитании, самореализации в детях
Хозяйственно-бытовая	Поддержание физического здоровья членов общества, уход за детьми	Получение хозяйственно-бытовых услуг одними от других
Экономическая	Экономическая поддержка несовершеннолетних и нетрудоспособных членов общества	Получение материальных средств одними членами семьи от других

¹ *Мацковский М. С. Социология семьи: Проблемы теории, методологии, методики. М., 1989.*

Окончание таблицы

Сфера семейной деятельности	Общественные функции	Индивидуальные функции
Первичного социального контроля	Моральная регламентация поведения членов семьи в различных сферах жизнедеятельности, а также ответственности и обязательств в отношениях между супругами, родителями и детьми, представителями старшего и среднего поколения	Формирование и поддержание правовых и моральных санкций за недолжное поведение и нарушение моральных норм взаимоотношений между членами семьи
Духовного общения	Развитие личности членов семьи	Духовное взаимообогащение членов семьи. Укрепление дружеских основ брачного союза
Социально-статусная	Предоставление определенного социального статуса членам семьи. Воспроизводство социальной структуры	Удовлетворение потребностей в социальном продвижении
Досуговая	Организация рационального досуга. Социальный контроль в сфере досуга	Удовлетворение потребностей в совместном проведении досуга, взаимообогащение досуговых интересов
Эмоциональная	Эмоциональная стабилизация индивидов и их психологическая терапия	Получение индивидами психологической защиты, эмоциональной поддержки в семье. Удовлетворение потребностей в личном счастье и любви
Сексуальная	Сексуальный контроль	Удовлетворение сексуальных потребностей

7. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Предметом исследования *социологии права* являются общественные отношения, складывающиеся при формировании правовых актов, т.е. при подготовке перевода социальных отношений на язык юридических норм, а также и при реализации правовых предписаний в социальном поведении отдельной личности и социальных образований.

Предмет социологии и предмет правоведения не только соприкасаются, но и частично совпадают; вместе с тем каждый имеет свою специфику. Правовую науку в первую очередь интересует правовая форма соответствующего общественного отношения, содержание прав и обязанностей его субъектов. Социология же на любом уровне всегда выясняет социальный генезис, место и функции того или иного общественного явления. Юридическая наука изучает нормы права и правовые отношения, а социология — фактические общественные отношения.

Социологические исследования в праве имеют своим предметом общественные отношения в сфере создания и функционирования правовой системы, ее институтов и норм; они направлены на изучение социальной обусловленности и социальной эффективности права и анализируют взаимосвязь между правовыми нормами, правовыми отношениями и фактическими общественными отношениями.

Ведущей, основной функцией права является *интегративная* — функция сплочения социальных образований (групп, классов, наций и народностей, общества в целом). Правовая система во взаимодействии со смежными социальными системами направлена на достижение основной цели — социального и национального согласия и защиты интересов человека, а тем самым и всего общества.

К дополнительным социальным функциям права можно отнести:

- *регулятивную*, выражающуюся в наделении субъектов правоотношений определенной суммой прав и обя-

занностей по отношению как друг к другу, так и по отношению к государству и его органам;

- *коммуникативную*, призванную при помощи юридических норм довести до сведения участников общественных отношений позицию государства о требуемом, дозволенном или запрещенном поведении;
- *охранительную*, определяемую необходимостью защиты общественных отношений, охраны интересов гражданина, социальной группы, общества в целом, предотвращения правонарушений.

Правовая социализация

Правовая социализация составляет необходимую часть общей социализации и представляет собой специфическое проявление ее законов в сфере формирования и развития индивидуального политического и правового сознания.

В своем развернутом виде правовая социализация означает осознание человеком, гражданином своей социальной роли, места в социальной структуре общества, выработку самосознания представителя класса, члена партийной группы, широкое включение в социально-правовые отношения, наполнение их личностным содержанием. Этот процесс происходит в течение всей жизни человека.

Основной содержательный смысл и особенность социализации индивида в условиях демократического режима — в приобщении его к политическим и правовым нормам, ценностям, к политической и правовой культуре и практике в целом, к сознательной социально активной деятельности, которая является универсальным способом совершенствования социальной среды и одновременно формирования личности.

Следует отметить строгую конкретность правовой социализации, ее зависимость от типа общества. В любом обществе существуют исторические традиции, экономические, правовые, культурные институты, определенный набор представлений, норм и ценностей, разделяемых боль-

шинством его членов. Правовая социализация предполагает преемственность и трансляцию всего этого наследия, в ходе которых происходит интернализация индивидом норм и ценностей.

Неотъемлемой составной частью процесса социализации выступают политическое и правовое воспитание. Они основаны на сознательном усвоении и «переработке» определенных принципов политики, права, социальных и моральных норм для того, чтобы устоять перед любым негативным внешним влиянием.

8. СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Девиантное, или отклоняющееся (от лат. *deviatio* — отклонение), поведение всегда связано с несоответствием человеческих поступков и действий распространенным в обществе или социальных группах нормам, правилам поведения, стереотипам, ожиданиям, установкам, ценностям.

Исходным для понимания сути девиантного поведения служит понятие «норма». Социальная норма — это исторически сложившаяся в конкретном обществе мера допустимого поведения отдельной личности, социальной группы или организации. Социальные нормы возникают как результат отражения (адекватного или искаженного) в сознании людей объективных закономерностей функционирования общества и воплощаются в этикете, морали, юридических нормах.

Социальные нормы, подобно другим ценностям, выполняют функции оценки и ориентации личности, общности, а также осуществляют регулирование поведения и социальный контроль за поведением. Они носят ярко выраженный волевой характер, но в отличие от индивидуального волеизъявления выражают типичные социальные связи, дают типовой масштаб поведения. Норма не только оценивает и ориентирует подобно идеям, идеалам, но и предписывает. Таким образом, *социальные нормы* — это правила, выражающие требования общества, социальной группы к поведе-

нию личности, группы в их взаимоотношениях друг с другом, социальными институтами, обществом в целом.

Регулирующее воздействие норм состоит в том, что они устанавливают границы, условия, формы поведения, характер отношений, цели и способы их достижения. Вследствие того, что нормы предусматривают и общие принципы поведения, и его конкретные параметры, они могут давать более полные модели, эталоны должного, нежели другие ценности. Нарушение норм вызывает конкретную и четкую негативную реакцию со стороны социальной группы, общества, его институциональных форм, направленную на преодоление отклоняющегося от нормы поведения. Поэтому нормы являются действенным средством борьбы с девиацией, обеспечения порядка, устойчивости общества.

Нормы возникают вследствие потребности в определенном поведении. Так, одной из самых древних норм была норма честного отношения к своей доле в общественном труде, которая появилась в результате закрепления повторяющихся совместных действий. Эта норма не потеряла своего значения и в настоящее время, хотя ее сегодня актуализируют другие культурно-исторические факторы.

Многообразие социальной реальности, социальных потребностей порождает и многообразие норм. Классифицируют их по разным основаниям. Для социолога имеет значение выделение норм по субъектам, носителям норм. По этому основанию выделяют *общечеловеческие нормы, нормы общества, групповые, коллективные*. В современном обществе наблюдается сложная коллизия этих норм.

Выделяются нормы:

- *по объекту*, или сфере деятельности, действующие в области определенных видов отношений: политические, экономические, эстетические, религиозные и т. д.;
- *содержанию*, регулирующие имущественные отношения, общение, обеспечивающие права и свободы личности, регламентирующие деятельность учреждений, взаимоотношения между государствами и т. д.;

- *месту в нормативно-ценностной иерархии* — основополагающие и второстепенные, общие и конкретные;
- *форме образования и фиксации* — жестко фиксированные и гибкие;
- *масштабам применения* — общие и локальные;
- *способу обеспечения* — опирающиеся на внутреннее убеждение, общественное мнение или на принуждение, на силу государственного аппарата;
- *функциям* — нормы оценки, ориентирующие, контролирующие, регламентирующие, карающие, поощряющие;
- *степени устойчивости* — опирающиеся на социальную привычку, обычай, традиции и не имеющие такого основания
- и др.

В большинстве случаев отклоняющееся от социальных норм поведение корректируется с помощью социальных санкций. Слабые и эпизодические формы девиаций, связанные с нарушением порядка взаимодействия между людьми, фиксируются общественным мнением и корректируются непосредственно и ситуативно участниками взаимодействия. Методы и средства борьбы с устойчивыми девиациями определяются общественным сознанием или интересами правящей элиты в зависимости от степени опасности отклонений.

Нередко социальные отклонения выступают как средство развития системы, преодоления консервативных и реакционных стандартов поведения, т. е. играют позитивную роль. Негативные формы девиаций (преступность, алкоголизм, наркомания, проституция) являются социальной патологией. Они дисфункциональны, приносят значительный ущерб конкретной личности и обществу в целом.

В социологии девиантного поведения выделяются несколько направлений, объясняющих причины его возникновения. В конце XIX — начале XX в. были распространены *биологические* и *психологические* трактовки причин

девиации. Итальянский врач Цезаре Ломброзо считал, что существует прямая связь между преступным поведением и биологическими особенностями человека. Он утверждал, что «криминальный тип» есть результат деградации к более ранним стадиям человеческой эволюции и его можно определить по таким характерным чертам, как выступающая нижняя челюсть, реденькая борода и пониженная чувствительность к боли. У Ломброзо было много последователей, которые тоже устанавливали связь между девиантным поведением и определенными физическими чертами людей.

Известный американский психолог и врач Уильям Х. Шелдон подчеркивал важность строения тела, считая, что определенное строение тела указывает на присутствие характерных личностных черт. Так, эндоморфу (человеку умеренной полноты с мягким и несколько округлым телом) свойственны общительность, умение ладить с людьми и потворство своим желаниям; мезоморф (чье тело отличается силой и стройностью) проявляет склонность к беспокойству, активен и не слишком чувствителен; эктоморф (характеризующийся тонкостью и хрупкостью тела) склонен к самоанализу, наделен повышенной чувствительностью и нервозностью. Опираясь на исследование (1940) поведения 200 юношей в центре реабилитации, Шелдон сделал вывод, что наиболее склонны к девиации мезоморфы, хотя они отнюдь не всегда становятся преступниками.

Подобные биологические концепции были популярны в начале XX в., но их вытеснили другие теории. Сторонники *психологической* трактовки связывали девиацию с психологическими чертами (неустойчивостью психики, нарушением психологического равновесия и т. п.). Были получены данные о том, что некоторые умственные расстройства, особенно шизофрения, могут быть обусловлены генетической предрасположенностью. Кроме того, некоторые биологические особенности могут оказывать влияние на психику личности. Например, если мальчика дразнят за маленький рост, его ответная реакция может быть на-

правлена против общества и выразится в девиантном поведении. Но в таких случаях биологические факторы лишь косвенно способствуют девиации, сочетаясь с социальными или психологическими. Поэтому при любом биологическом анализе девиации необходимо учитывать сложную совокупность многих факторов.

Развернутое социологическое объяснение девиации впервые дал Эмиль Дюркгейм, предложивший *теорию аномии*, которая раскрывает значение социальных и культурных факторов. По Дюркгейму, основной причиной девиации является аномия (от фр. *anomie* — отсутствие закона). По сути, аномия — это отсутствие регуляции, безнормность, состояние дезорганизации общества, когда ценности, нормы, социальные связи либо отсутствуют, либо становятся неустойчивыми и противоречивыми. Все, что нарушает стабильность, приводит к неоднородности, неустойчивости социальных связей, разрушению коллективного сознания (кризис, смешение социальных групп, миграция и т. д.), порождает нарушения общественного порядка, дезорганизует людей, в результате чего появляются различные виды девиаций. Дюркгейм полагал, что девиация столь же естественна, как и конформизм, а отклонение от норм несет не только отрицательное, но и положительное начало. Например, девиация подтверждает роль норм, ценностей, дает более полное представление о многообразии норм; способствует социальному изменению, раскрывает альтернативу существующему, ведет к совершенствованию социальных норм; реакция общества, социальных групп на девиантное поведение уточняет границы социальных норм, укрепляет и обеспечивает социальное единство. Р. Мертон, используя выдвинутое Э. Дюркгеймом понятие «аномия», считает причиной отклоняющегося поведения несогласованность между целями, выдвигаемыми обществом, и средствами их достижения.

Согласно *культурологическим объяснениям*, девиация возникает в результате конфликтов между нормами культуры. В обществе существуют отдельные группы, нормы

которых отличаются от норм остального общества, поскольку интересы группы не соответствуют нормам большинства. Например, в таких субкультурах, как уличные банды или группы заключенных, полиция ассоциируется скорее с карательной или продажной организацией, чем со службой по охране порядка и защите частной собственности. Член такой группы усваивает ее нормы и, таким образом, становится нонконформистом с точки зрения широких слоев общества.

Миллер утверждал (1958), что существует ярко выраженная субкультура низшего слоя общества, одним из проявлений которой является групповая преступность. Эта субкультура придает огромное значение таким качествам, как готовность к риску, выносливость, стремление к острым ощущениям и «везение». Члены банды руководствуются этими ценностями в своей жизни, поэтому другие люди, в первую очередь представители средних слоев, начинают относиться к ним, как к девиантам.

Но здесь возникает вопрос: «Почему лишь некоторые люди усваивают ценности «девиантной» субкультуры, в то время как другие отвергают ее?» Одни исследователи утверждают, что преступности обучаются, т. е. девиантное поведение усваивается в процессе общения с преступниками. Так, если большинство друзей и родственников того или иного человека занимаются преступной деятельностью, существует вероятность, что он станет преступником. Таким образом, криминальная девиация является результатом преимущественного общения с носителями преступных норм, при этом важную роль играют не контакты с безличными организациями или институтами, а повседневное общение.

Говард Беккер в своей книге «Аутсайдеры» (1963) отвергал многие психологические и социологические объяснения девиации, основанные на «медицинской модели», согласно которой человек, проявляющий девиантное поведение, считается в некотором смысле больным. Такие подходы не учитывают политического аспекта девиации. Беккер считал, что девиация обусловлена способностью влиятель-

ных групп общества (законодатели, судьи, врачи и пр.) навязывать другим определенные стандарты поведения.

Концепция Беккера и подобные ей названы *теорией стигматизации* (наклеивания ярлыков), так как они объясняют девиантное поведение способностью влиятельных групп ставить клеймо девиантов членам менее влиятельных групп (именно так поступали с чернокожими в США).

Лемерт в своей теории (1951) выделяет *первичную девиацию*, когда люди нарушают некоторые принятые в обществе нормы и правила поведения, но окружающие еще не оценивают их поведение как девиантное (подросток покуривает сигареты с марихуаной, администратор делает приписки к счету и т. п.) и *вторичную девиацию*, когда окружающие человека начинают обращаться с ним, как с девиантом; постепенно и он сам привыкает считать себя таковым и вести себя в соответствии с этой ролью.

Конфликтологический подход к девиации представлен группой социологов, которые называют себя «радикальными криминологами». Они считают, что культурные образцы поведения являются отклоняющимися, если они основаны на нормах другой культуры (субкультуры) и отвергают все теории преступности, трактующие ее как нарушение общепринятых законов. При этом создание законов и подчинение им — часть конфликта, происходящего в обществе между различными группами. Так, в случае конфликта между властями и некоторыми категориями граждан власти обычно избирают вариант принудительных мер. Например, полицейские с большей готовностью применяют законы, направленные против тех, кто не может оказать сопротивления.

Конфликтологи, разделяющие марксистскую точку зрения, утверждают, что законы и деятельность правоохранительных органов — это орудие, которые правящие классы (владеющие средствами производства) используют против тех, кто лишен власти.

Таким образом, «радикальная криминология» не интересуется, почему люди нарушают законы, а занимается

анализом сущности самой законодательной системы. Сторонники этой теории рассматривают девиантов не как нарушителей общепринятых правил, а скорее как бунтарей, выступающих против капиталистического общества, которое стремится, как отмечает Тейлор, «изолировать и поместить в психиатрические больницы, тюрьмы и колонии для несовершеннолетних множество своих членов, якобы нуждающихся в контроле».

Отечественной социолог Я. Гишинский считает источником девиации наличие в обществе социального неравенства, значительных различий в возможностях удовлетворения потребностей для разных социальных групп. Общей закономерностью отклоняющегося поведения служит факт относительно устойчивой взаимосвязи между различными формами девиаций. Эти связи могут быть как прямыми (алкоголизм и хулиганство), так и обратными (убийство и самоубийство). Существует и зависимость всех форм проявления девиации от экономических, социальных, демографических, культурных и других факторов. Особую остроту эта проблема приобретает в переходном обществе, где все сферы общественной жизни претерпевают серьезные изменения и происходит девальвация прежних норм поведения.

Формы девиантного поведения

К основным формам девиантного поведения в современных условиях можно отнести преступность, алкоголизм, наркоманию, суицид. Каждая форма девиации имеет свою специфику.

Преступность. Социологические исследования преступности и ее причин берут начало в работах русского статистика К. Ф. Германа (1824). Мощный толчок развитию социологии преступности дала работа «Социальная физика» (1835) франко-бельгийского ученого — математика-статистика Л. А. Кетле, который, опираясь на статистический анализ, пришел к выводу о том, что всякий социальный строй предполагает определенное количество и определенный порядок преступлений, обусловленные его организацией.

Изучение проблем преступности выявляет большое количество факторов, воздействующих на ее динамику: социальное положение, род занятий, образование, нищета как самостоятельный фактор, деклассирование, т. е. разрушение или ослабление связей между индивидом и социальной группой. В 30-е гг. исследования, проведенные представителями Чикагской школы социологии, обнаружили влияние внутригородских различий на уровень преступности: самыми преступными оказались районы, характеризующиеся высокой степенью социальной дезорганизации. До сих пор остается дискуссионной проблема соотношения биологического и социального в формировании преступного поведения.

Как отмечают исследователи, основные качественные показатели роста преступности в России приближается к общемировым. Причем на состояние преступности большое влияние оказывает переход к рыночным отношениям, характеризующимся появлением таких феноменов, как конкуренция, безработица, инфляция. Специалисты отмечают, что уже заметны процессы, говорящие об «индустриализации» девиантности. Хотя сейчас регистрируемый уровень преступности у нас ниже, чем в индустриальных странах, очень высок темп прироста преступлений. В этой связи нужно учитывать, что преступность имеет порог количественного и качественного насыщения, за которым она из криминологической, правоохранительной проблемы превращается в проблему политическую.

Преступность — отражение пороков человечества, и до сих пор искоренить ее не удалось ни одному обществу. Поэтому необходимо сосредоточиться на реальной задаче — снижении темпов прироста и удержании преступности под контролем на социально терпимом уровне.

Алкоголизм. Опьяняющие напитки известны человечеству с давних пор. Они изготавливались из растений, и их потребление было частью религиозного ритуала, которым сопровождалось празднество. Сравнительно дешевый способ получения крепких напитков был освоен в XVI в. Коренные перемены произошли после открытия промышлен-

ного способа получения этилового спирта. Именно это сделало возможным массовое потребление алкоголя, и в XVIII в. пьянство приобрело широкий размах в таких европейских странах, как Англия, Германия, Швеция и др. Примерно в это же время в России стала быстро входить в употребление водка. Можно сказать, что XIX в. породил, а XX в. усугубил весьма сложную проблему для человеческой цивилизации — проблему алкоголизма.

Фактически алкоголь вошел в нашу жизнь, став элементом социальных ритуалов, обязательным условием официальных церемоний, праздников, способов времяпрепровождения и решения личных проблем. Однако эта социокультурная традиция дорого обходится обществу. Как свидетельствует статистика, 90% случаев хулиганства, 90% изнасилований при отягчающих обстоятельствах, почти 40% других преступлений связаны с опьянением. Убийства, грабежи, разбойные нападения, нанесение тяжких телесных повреждений в 70% случаев совершаются лицами в нетрезвом состоянии; около 50% всех разводов также связано с пьянством.

Изучение различных аспектов потребления алкоголя и его последствий представляет большую сложность. При анализе алкогольной ситуации и ее динамики, как правило, используют три группы социологических показателей остроты алкогольной проблемы и масштабов распространения пьянства в стране:

- уровень потребления алкоголя на душу населения и структура потребления;
- характеристики массового поведения, являющегося следствием потребления спиртного;
- ущерб, причиняемый пьянством экономике и обществу.

В модели алкогольного потребления учитываются следующие характеристики:

- показатель уровня потребления алкоголя в сочетании с данными о структуре потребления;
- регулярность потребления, длительность, связь с приемом пищи;

- численность и состав пьющих, непьющих, пьющих умеренно;
- распределение потребления алкоголя между мужчинами и женщинами, по возрастам и другим социально-демографическим признакам;
- поведение при одинаковой степени опьянения и оценки этого поведения в социокультурных и этнических группах.

В истории борьбы общества с алкоголизмом можно обнаружить *два направления*:

- 1) ограничение доступности спиртных напитков, сокращение их продажи и производства, повышение цен, ужесточение карательных мер за нарушение запретов и ограничений;
- 2) усилия, направленные на уменьшение потребности в алкоголе, улучшение социальных и экономических условий жизни, рост общей культуры и духовности, спокойная, взвешенная информация о вреде алкоголя, формирование у населения безалкогольных стереотипов поведения.

Крайний вариант первого направления — попытки введения «сухого закона» на территории некоторых стран (Англия, США, Финляндия, Россия), но они не достигли своей цели, потому что наличие алкоголя — не единственная и не главная причина существования алкоголизма. Успешное решение проблемы преодоления пьянства и алкоголизма требует учета экономического, социального, культурного, психологического, демографического, юридического и медицинского аспектов.

Наркомания (от греч. *narke* — оцепенение и *mania* — бешенство, безумие). Это заболевание, которое выражается в физической и (или) психической зависимости от наркотических средств, постепенно приводящей к глубокому истощению физических и психических функций организма. Всего насчитывается около 240 видов наркотических веществ растительного и химического происхождения. Наркомания (наркотизм) как социальное явление ха-

характеризуется степенью распространенности потребления наркотиков или приравненных к ним веществ без медицинских показаний; злоупотреблением наркотиков и болезненным (привычным) их потреблением. Международная Конвенция о психотропных веществах 1977 г. в качестве *наркотиков* рассматривает вещества, вызывающие зависимость (привыкание) на основе возбуждения или угнетения центральной нервной системы, нарушение моторных функций, мышления, поведения, восприятия, галлюцинации или изменение настроения.

Точное количество россиян, злоупотребляющих наркотиками в нашей стране, определить вряд ли возможно из-за несовершенства системы социального контроля; но по некоторым оценкам, в 1994 г. их число могло составить от 1,5 до 6 млн человек, т. е. от 1 до 3% всего населения. Подавляющее большинство наркоманов (до 70%) — молодые люди в возрасте до 30 лет. Соотношение мужчин и женщин составляет примерно 10:1 (на Западе 2:1). Более 60% наркоманов впервые пробуют наркотики в возрасте до 19 лет. Таким образом, наркомания — это прежде всего молодежная проблема, тем более что значительная часть наркоманов, особенно тех, кто употребляет так называемые «радикальные» наркотики (производные опийного мака), не доживает до зрелого возраста

Суицид — намерение лишить себя жизни, повышенный риск совершения самоубийства. Эта форма отклоняющегося поведения пассивного типа является способом ухода от неразрешимых жизненных проблем, от самой жизни.

В разные эпохи и в разных культурах существовали свои оценки этого явления: часто самоубийство осуждали (с точки зрения христианской морали, самоубийство — тяжкий грех), иногда же допускали и считали в определенных ситуациях обязательным (например, самосожжение вдов в Индии (обычай сати) или харакири самураев). При оценке конкретных суицидальных актов многое зависит от мотивов и обстоятельств, особенностей личности. Исследования свидетельствуют, что суицидное поведение провоцирует специфич-

ческая комбинация таких характеристик, как пол, возраст, образование, социальное и семейное положение.

Суициды в большей степени характерны для высоко-развитых стран, и сегодня существует тенденция увеличения их числа. Суицидная активность имеет определенные временные циклы: весенне-летний пик и осенне-зимний спад (отмечены еще Э. Дюркгеймом); рост количества самоубийств во вторник и снижение в среду — четверг; конец недели больше опасен для мужчин. Соотношение между самоубийцами мужчинами и женщинами примерно 4:1 при удавшихся самоубийствах и 4:2 при попытках, т. е. суицидное поведение мужчин чаще приводит к трагическому исходу. Отмечено, что вероятность проявления этой формы отклонений зависит и от возрастной группы; так, самоубийства совершаются чаще в возрасте после 55 и до 20 лет, сегодня самоубийцами становятся даже 10—12-летние дети. Мировая статистика свидетельствует, что суицидное поведение чаще проявляется в городах, среди одиноких и на крайних полюсах общественной иерархии.

В России начала XX в. суицидное поведение не было так распространено, как в ряде европейских стран. К 80-м гг. ситуация существенно изменилась: СССР по частоте самоубийств превзошел некоторые европейские страны (30 на 100 тыс. населения), затем наблюдалось снижение числа самоубийств до 19 на 100 тыс. населения в 1989 г. Однако, как считают социологи, глубокий социально-экономический кризис, испытываемый сегодня странами бывшего СССР, вызовет новую волну самоубийств. При этом все бывшие республики Советского Союза можно условно разделить на две группы:

- республики Европейской части бывшего СССР, Россия, Грузия, где уровень самоубийств среди городского населения ниже, чем среди сельского, и составляет около 70%;
- республики Средней Азии, Закавказья (кроме Грузии), Казахстан, где уровень самоубийств среди горожан выше, чем в сельской местности, в среднем в 2 раза.

Первое соотношение можно назвать европейским типом распространения самоубийств, а второе — азиатским. *Европейский* тип объясняется неблагоприятной социально-экономической обстановкой на селе, стагнацией деревенской жизни, оттоком работоспособных селян в города, старением сельских жителей. По этим же причинам среди городов по числу самоубийств лидируют малые и средние. *Азиатский* тип определяется национально-религиозными традициями, особенностями межличностных отношений, большим количеством многодетных семей, урбанизацией.

Наконец, несомненна связь суицидного поведения с другими формами социальных отклонений, например с пьянством. Судебными экспертизами установлено, что 68% мужчин и 31% женщин покончили с жизнью, находясь в состоянии алкогольного опьянения. На учете как хронические алкоголики состояли 12% совершивших самоубийство мужчин и 20,2% всех, покушавшихся на свою жизнь.

9. СОЦИОЛОГИЯ КОНФЛИКТА

Социология конфликта исследует природу социальных конфликтов, социальные механизмы и условия их возникновения, их роль в функционировании социальной системы, их следствия, возможности их преодоления и прогнозирования. Социология конфликта занимается структурой конфликта, его субъектами, а также вопросами типологии и классификации конфликтов.

Успешный анализ конфликтов возможен при следующих условиях:

- рассмотрении их в контексте общественных отношений, позволяющем видеть реальную роль конфликтов в функционировании всего общественного организма;
- преодолении одностороннего, узкого толкования конфликта как формы социальной патологии.

Социология конфликта рассматривает конфликт как *естественный элемент* общественной жизни. Взгляд на конфликт как на закономерный момент развития общества по-

звolyет прогнозировать последствия его воздействия на общественную жизнь, а значит, создает необходимые предпосылки для принятия адекватных управленческих решений в сложных ситуациях. Так как общей чертой всех конфликтов является *несовпадение и столкновение интересов* взаимодействующих групп (субъектов общественных отношений), основополагающим в процессе конфликтологических исследований должно быть изучение интересов различных по социальному статусу групп, учет их реального доступа к материальным и духовным благам, возможности их участия в осуществлении власти и управления. Причем объективная информация должна дополняться субъективной.

Своевременно полученные и достаточно полные научные знания об интересах, потребностях, ценностных ориентациях взаимодействующих субъектов, а также о глубине их осознания и готовности их отстаивать (а в случае необходимости и защищать) позволяют не только фиксировать сам факт разнонаправленности интересов этих субъектов, но и прогнозировать возникновение конфликтной ситуации, накапливание конфликтного потенциала.

Причины и структура социального конфликта

Социальный конфликт — это попытка достижения некоторого вознаграждения путем подчинения, навязывания своей воли, удаления или уничтожения противника, стремящегося достичь того же вознаграждения.

Конфликт — это реальная борьба между людьми или группами независимо от того, каковы истоки, способы и средства, мобилизуемые каждой из сторон. Он представляет собой столкновение интересов различных групп, сообществ людей, отдельных индивидуумов. Это столкновение интересов должно быть осознано обеими сторонами конфликта. Для понимания природы конфликта особое значение имеет «теорема Томаса»: «Если люди воспринимают некоторую ситуацию в качестве реальной, то она будет реальной и по своим последствиям». В отношении социального конфликта это означает, что если люди не ощу-

щают несовпадения своих интересов, то конфликта не возникает, и наоборот: если интересы являются общими, но их носители настроены друг к другу враждебно, то возникает конфликт.

По определению социолога А. К. Зайцева, социальный конфликт — это силовое динамическое воздействие, осуществляемое двумя или большим числом индивидов или социальных групп на основе действительного или мнимого несовпадения интересов, ценностей или нехватки ресурсов. Зайцев выделяет *простые формы конфликтности* (бойкот, саботаж, травля, словесная и физическая агрессия), и *сложные формы конфликтности* (общественный протест, бунт, революция, война), представляющие собой переплетение простых.

В социологии выявляются следующие структурные элементы конфликта:

- участники конфликта (индивиды, группы, их социальный статус и личностные социально-психологические характеристики);
- причины и источники конфликта (индивидуальные, групповые, общественные интересы и цели);
- взаимодействие участников конфликта, включающее в себя все возможные формы конфликтного поведения;
- физическая и социальная среда, или условия, в которых протекает конфликтный процесс (различные социально-экономические, национально-психологические, религиозные, политические факторы);
- последствия конфликта, зависящие от условий протекания конфликта, его напряженности, остроты, масштабов и длительности.

Наиболее *общей причиной социального конфликта* является неравное положение, занимаемое людьми в «императивно координированных ассоциациях», в которых одни управляют и командуют, а другие вынуждены подчиняться и исполнять указания. Иными словами, причина конфликта — в вопросах власти. Например, немецкий социолог Дарендорф указывает, что отношения управления и

организации, регулирующие деятельность ассоциаций, являются коренной причиной социального неравенства людей, разделяющей их на «социальные классы», на тех, кто командует, управляет, и тех, кто повинуется, исполняет. В связи с этим он называет социологической бессмыслицей и утопией марксистский идеал коммунизма как бесклассового общества, не знающего антагонизма между людьми.

Надо признать, что извечное разделение человеческого рода, общественных групп и коллективов на «верхи» и «низы», неустранимость вражды между ними как источник всевозможных конфликтов не находятся в противоречии с историей развития общества. Ведь люди ожидают власти, способной решить все их проблемы, что практически невозможно. Очевидно, трагедия революционеров различных эпох именно в том, что они хотели создать идеальное правительство, способное удовлетворить всех.

Большинство западных социологов и политологов исходят из того, что в конечном счете конфликты определяются сознанием людей. В качестве причин, вызывающих конфликты, называются:

- несовпадение индивидуальных и общественных ценностей;
- разлад между ожиданиями, практическими намерениями и поступками;
- непонимание людьми своих действий по отношению друг к другу;
- недоразумения, логические ошибки и семантические трудности в процессе коммуникации;
- недостаток и некачественность информации.

В этом плане социально-политические столкновения трактуются как столкновения «конфликтующих сознаний», а их главными причинами объявляются несовершенство человеческой психики, несоответствие между реальной действительностью и представлениями о ней. Источник конфликтов в «чувствах и эмоциях», искажающих взаимоотношения сторон, а не в природе этих взаимоотношений

(Л. Козер). Причинами конфликтов также могут быть ненависть, расовая и религиозная рознь, зависть.

Универсальным источником конфликта является несовместимость претензий сторон при ограниченности возможностей их удовлетворения. Конфликт вечен, потому что невозможно создание такой общественной системы, при которой потребности всех были бы полностью удовлетворены.

Типы социальных конфликтов

Известны разные типы социальных конфликтов. Можно говорить о конфликтах политического, экономического, этнического, идеологического характера, а применительно к уровню организации общественной жизни — о конфликтах между индивидами, социальными группами, слоями, классами, а также крупными социальными системами на региональном или глобальном уровне. А. Г. Здравомыслов, опираясь на исследования Н. Смелзера, предлагает выделять следующие типы конфликтов:

- межиндивидуальные;
- межгрупповые (при этом в числе групп можно выделить группы интересов, группы этно-национального характера, группы, объединенные общностью положения);
- между ассоциациями (партиями);
- внутри- и межинституциональные;
- между секторами общественного разделения труда;
- между государственными образованиями;
- между культурами или типами культур.

События последних лет в России свидетельствуют о необходимости выделения и постоянного внимания к проблемам *межнациональных* (межэтнических) конфликтов. Эти конфликты многофакторны и, как правило, вызваны несколькими причинами (внутренними или внешними по отношению к конфликтующим сторонам), причем собственно национальный (этнический) фактор не играет главенствующей роли. Последняя может принадлежать такому

фактору, как актуализация исторической памяти или территориальные претензии (проблема границ). Определить весомость той или иной причины важно для оценки ее влияния на ход конфликта, его разрешение и для предотвращения экстремальных форм протекания конфликта. Это предполагает всестороннее изучение экономических, политических и других интересов взаимодействующих этнических групп, выявление роли национальных элит в выражении и отстаивании этих интересов.

По мнению американского социального психолога М. Дойча, можно выделить следующие типы конфликтов:

- подлинный конфликт — столкновение интересов существует объективно, осознается участниками и не зависит от какого-либо легко изменяемого фактора;
- случайный или условный конфликт — зависит от случайных, легко поддающихся изменению обстоятельств, что не осознается его участниками, он прекращается в случае осознания реально имеющихся альтернатив;
- смещенный конфликт — воспринимаемые причины конфликта лишь косвенно связаны с объективными причинами, лежащими в его основе; он может быть выражением истинного конфликта, но в какой-либо символической форме;
- неверно приписанный конфликт — приписывается не тем сторонам, между которыми разыгрывается действительный конфликт; это делается либо непреднамеренно, либо сознательно с целью спровоцировать столкновение в группе противника, тем самым ослабляя ее и затушевывая конфликт между его истинными сторонами;
- скрытый конфликт — в силу объективных причин должен иметь место, но не актуализируется; он может быть смещенным, неверно приписанным либо никак не представленным в сознании людей;
- ложный конфликт — не имеющий объективных оснований, возникающий в результате ложных представлений или недоразумений; конфликт может

начаться как ложный, но, сформировав у участников новые мотивы и установки, превратиться в истинный.

Конфликтологи также выделяют различные типы религиозных конфликтов:

- сепаратистские конфликты, в основе которых лежит стремление к политической автономии или полному отделению этнорелигиозных общин (например, отделение Пакистана от Индии, борьба сикхов за создание независимого от Индии государства Халистан);
- национально-интегративные конфликты, вызванные стремлением народа к объединению, оказавшего в результате миграционных процессов, изменения государственных границ разбросанным по территории нескольких граничащих друг с другом государств (например, борьба за воссоединение белуджей Ирана, Афганистана и Пакистана);
- религиозно-общинные конфессиональные конфликты, наблюдаемые в рамках одного государства, между различными религиозными группами, придерживающимися разных вероисповеданий (например, между суннитами и шиитами в Ираке, Саудовской Аравии и других странах);
- религиозно-абсолютистские конфликты, возникающие на почве абсолютизации одной религии и религиозной нетерпимости к другим религиозным конфессиям (например, войны между христианскими и исламскими государствами, конфликты, порождаемые фундаментализмом).

Существуют и иные варианты типизации социальных конфликтов по различным основаниям.

Функции социального конфликта

Конфликт может выполнять в обществе позитивные функции.

К основным *позитивным функциям* конфликта относятся:

- функции разрядки напряженности между антагонистами. Социально контролируемый конфликт способствует освобождению общественной жизни от напряженности в отношениях противостоящих сторон и позволяет возобновить их уравновешенные взаимоотношения. Конфликт играет роль «отводного канала», для накопившихся страстей;
- коммуникативно-информационная и связующая функции: в ходе столкновений, противостояния люди могут лучше узнавать друг друга и вследствие этого сближаться в рамках какой-либо общности, на какой-либо общей платформе;
- функция стимулятора и движущей силы социальных изменений. «Группы или системы, которым не брошен вызов, — отмечает Л. Козер, — более не способны к творческой реакции»;
- функция создания социально необходимого равновесия, переоценки и изменения прежних ценностей и норм общества (благодаря разрешению конфликта), усиления лояльности членов данной структурной единицы. Конфликт способствует развитию общества, вскрывая противоположные интересы, создавая возможности для их анализа и прежде всего определения необходимых изменений. В принципе острые социальные противоречия, конфликты в обществе могут быть факторами его устойчивого равновесия и прочности. По мнению американских политологов, *общество постоянно «сшивается воедино» своими внутренними конфликтами.*

Как и любое общественное явление, конфликт имеет и *негативные последствия:*

- может угрожать интеграции общества;
- неблагоприятно влиять на необходимое изменение отношений власти;
- вызвать раскол в малоустойчивых группах;
- и т. д.

Задача управления конфликтом состоит именно в том, чтобы не допустить его разрастания или ослабить его негативные последствия.

Социологические концепции конфликта

Наибольшую известность получили следующие концепции конфликта: позитивно-функционального конфликта Л. Козера (США), конфликтной модели общества Р. Дарендорфа (Германия) и общей теории конфликта К. Боулдинга (США).

Согласно концепции *позитивно-функционального конфликта* Льюиса Козера, обществу присуще фатально неизбежное социальное неравенство, вечная психологическая неудовлетворенность его членов и проистекающая отсюда напряженность между индивидами и группами, обусловленная их чувственно-эмоциональным, психическим расстройством, которое периодически находит выход в их взаимных коллизиях. Поэтому социальный конфликт Козер сводит к напряженности между тем, что есть, и тем, что должно быть в соответствии с чувствами известных групп и индивидов. Под социальным конфликтом он понимает борьбу за ценности и претензии на определенный статус, власть и ресурсы, борьбу, в которой целями противников являются нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение соперника. Это наиболее распространенное определение конфликта в западной политологии.

Козер тесно увязывает форму и интенсивность конфликта с особенностями конфликтующих групп. Так как конфликт между группами способствует укреплению внутригрупповой солидарности и, следовательно, сохранению группы, то лидеры группы сознательно прибегают к поискам внешнего врага и разжигают мнимый конфликт. Известна также тактика, направленная на поиски внутреннего врага («предателя»), особенно в ситуациях, когда лидеры терпят неудачи и поражения. Козер обосновывает двоякую роль конфликта во внутреннем сплочении группы; внутренняя сплоченность возрастает:

- если группа уже достаточно интегрирована;
- если внешняя опасность угрожает всей группе и воспринимается всеми членами группы как общая угроза.

При этом, отмечал Козер, большие группы при высокой степени соучастия своих членов могут проявить значительную гибкость, а малые группы или недостаточно интегрированные могут проявлять жестокость и нетерпимость по отношению к «уклоняющимся» членам.

Л. Козер полагал, что его концепция социального конфликта в сочетании с «равновесно-интегральной» теорией и консенсусным принципом структурного функционализма станет чем-то вроде общесоциологической теории общества. Однако концепция позитивно-функционального конфликта господствовала недолго.

Ральф Дарендорф в середине 60-х гг. выступил с обоснованием новой теории социального конфликта, изложенной в работе «Классы и классовый конфликт в индустриальном обществе».

Суть его концепции *конфликтной модели общества* в следующем: любое общество постоянно подвержено изменению, социальные изменения вездесущи... в каждый момент общество переживает социальный конфликт, социальный конфликт вездесущ... каждый элемент общества способствует его изменению; любое общество опирается на принуждение одних его членов другими. Поэтому, отмечает Дарендорф, для общества характерно неравенство социальных позиций, занимаемых людьми по отношению к распределению власти, что обуславливает различия их интересов и устремлений, следовательно, вызывает взаимные трения, антагонизмы и как результат этого — структурные изменения самого общества. Подавленный конфликт Дарендорф сравнивает с опаснейшей злокачественной опухолью общественного организма.

Общества отличаются друг от друга не наличием или отсутствием конфликта, а только различным отношением к нему со стороны власти. Поэтому конфликты имеют место в демократическом обществе, но рациональные методы регу-

лирования делают их невзрывопасными. «Тот, кто умеет справиться с конфликтами путем их признания в регулировании, тот берет под свой контроль ритм истории, — пишет Дарендорф. — Тот, кто упускает такую возможность, получает этот ритм себе в противники».

Общая теория конфликта американского социолога *Кеннета Боулдинга* изложена в его книге «Конфликт и защита: Общая теория». Все конфликты, по его мнению, имеют общие элементы и общие образцы развития, и изучение тех и других может представить феномен конфликта в любом его специфическом проявлении. Поэтому, делает вывод Боулдинг, знание общей теории конфликта позволит общественным силам контролировать конфликты, управлять ими, прогнозировать их последствия.

Конфликт, согласно его концепции, неотделим от общественной жизни. В самой природе человека заложено стремление к постоянной вражде и борьбе с себе подобными, к эскалации насилия. Боулдинг определяет конфликт как ситуацию, в которой стороны сознают несовместимость своих позиций и каждая из сторон стремится занять позицию, противоположную интересам другой. В то же время конфликты являются таким видом социального взаимодействия, когда стороны осознают как свое противостояние, так и свое отношение к нему. Они сознательно организуются, разрабатывая стратегию и тактику борьбы. Но это не исключает того, что конфликты можно и нужно преодолевать или по крайней мере существенно ограничивать.

Ученый рассматривает два аспекта социального конфликта — статический и динамический. Изучая конфликт в *статическом* аспекте, он анализирует его стороны и отношения между ними. Поскольку в качестве противоборствующих сторон могут выступать отдельные личности, организации, группы (этнические, религиозные, профессиональные, возрастные и т. д.), конфликты подразделяются на личностные, организационные и групповые. Рассматривая конфликт в *динамическом* аспекте, Боулдинг отмечает, что интересы сторон выступают как побуди-

тельные силы в конфликтном поведении людей. На основе теории бихевиоризма он определяет динамику конфликта как процесс, складывающийся из совокупности реакций противоборствующих сторон на внешние стимулы, считая все общественные столкновения «реактивными процессами». Например, пишет Боулдинг, «явление зарождения и нарастания любви совершенно аналогично гонке вооружений, которая, как и война, является реактивным процессом». Иными словами, он усматривает сущность социального конфликта в неких стереотипных реакциях человека. В связи с этим он полагает, что всякий конфликт можно попытаться преодолеть и разрешить, соответствующим образом манипулируя раздражителями путем изменения реакций, ценностей и влечений индивидов, не прибегая к радикальному изменению самого общественного строя.

10. СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Социология молодежи — отрасль социологической науки, изучающая молодежь как социальную общность, особенности социализации и воспитания вступающих в жизнь поколений, процесс социальной преемственности и унаследования молодежью знаний и опыта от старших поколений, особенности образа жизни молодежи, формирование ее жизненных планов и ценностных ориентаций, социальную мобильность, выполнение социальных ролей различными ее группами.

К основным проблемам социологии молодежи можно отнести:

- изучение роли и места молодежи в социальном развитии общества, анализ *социального портрета* различных групп молодежи, а также запросов, интересов, потребностей, ценностных ориентаций, социальных ожиданий молодежи во всех сферах жизнедеятельности;
- рассмотрение особенностей адаптации в различных социальных сферах;
- изучение жизненных планов молодежи и определение оптимальных условий их реализации;

- исследование резервов социальной активности и причин пассивности, включенности молодежи в социальное управление и самоуправление на различных уровнях;
- определение морально-психологической готовности к труду и к безработице и т. д.

Социология молодежи как наука строится на следующих взаимосвязанных уровнях:

- 1) *общеметодологическом*, основанном на подходе к познанию молодежи как общественного феномена;
- 2) *специально-теоретическом*, раскрывающем специфику, структуру молодежи как социально-демографической группы, особенности ее сознания и поведения, возрастную и социально-психологическую специфику образа жизни, динамику ценностных ориентаций;
- 3) *эмпирическом*, анализирующем на основе прикладных социологических исследований конкретные факты в различных сферах жизни.

11. СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Социология образования — это область социологии, изучающая образование как социальный институт (его функции в обществе и взаимосвязь с другими институтами), его учреждения (школы, вузы и т. п.) как социальные организации, а также социальную политику в области образования.

Основы социологии образования заложены Э. Дюркгеймом и М. Вебером, исследовавшими социальные функции образования, его связь с экономическими и политическими процессами, а также учебные заведения и педагогические процессы с социологической точки зрения. Позднее Т. Парсонс предложил изучать образование как институт социализации в современном обществе и исследовать учебные учреждения как социальные системы. В рамках этого подхода рассматриваются школы, классы, неформальные группы учащихся, социометрические струк-

туры, социально-психологический климат, источники конфликтов. Анализируется также влияние социального положения учащегося на его успехи в системе образования, связь образования и социальной стратификации.

Образование связано со всеми сферами общественной жизни. Экономика определяет материальную базу сферы образования, обуславливает его содержание в плане структуры дисциплин, спектра специальностей и профессий.

Политическая сфера также оказывает самое непосредственное воздействие на систему образования. В зависимости от того, демократический режим в обществе или тоталитарный, открытое общество или закрытое, формируются и соответствующие структура и содержание системы образования.

Социокультурная среда как на макро-, так и на микроуровне также влияет на всю систему образования. Здесь речь идет о религиозных и нравственных ценностях общества и семьи, традициях, принадлежности к тому или иному социальному слою и группе и т. д.

В то же время образование — автономная система, имеющая относительную самостоятельность, способная оказывать активное воздействие на функционирование и развитие общества. От уровня образования напрямую зависит качество трудовых ресурсов, а следовательно, и состояние экономики общества. Именно модернизируя систему образования, Япония смогла добиться качественного прорыва в экономической сфере.

Система образования, формируя гражданина, тем самым оказывает воздействие на политическую сферу общественной жизни. Разумеется, образование через культурно-воспитательную функцию оказывает влияние на духовную жизнь общества и т. д. Система дошкольного воспитания и общеобразовательная школа формируют общую культуру личности, что является условием любой профессиональной подготовки в будущем.

«Выход» на социальную структуру общества система образования реализует посредством социально-дифферен-

пирующей функции. Образование выступает фактором воспроизводства социально-профессиональной структуры общества. Кроме того, оно является каналом социальных перемещений и социальной мобильности. Чем более демократичным и открытым является общество, тем в большей степени образование «работает» как эффективный социальный «лифт». Оно позволяет человеку из низших страт в иерархической структуре общества достигнуть высокого социального статуса.

Социальная структура образования

Образование представляет собой социальную подсистему, имеющую свою структуру. В качестве ее основных элементов можно выделить *учебно-воспитательные учреждения как социальные организации, социальные общности (педагоги и учащиеся), учебный процесс как вид социокультурной деятельности.*

Система образования может быть структурирована и по иным принципам, она включает ряд звеньев: систему дошкольного воспитания, общеобразовательную школу, профессионально-техническое образование, среднее специальное образование, высшее образование, послевузовское образование, систему повышения квалификации и переподготовки кадров, образование по интересам.

Система образования в России переживает сейчас радикальные изменения, затрагивающие все ее элементы и звенья. Наряду с государственными учебными заведениями возникают альтернативные, в том числе частные. Расширяются возможности выбора вариативных форм образования. Наряду с традиционной школой появились лицеи, гимназии, колледжи, школы и классы с углубленным изучением предметов, профильные классы (например, педагогические) и т. д. Параллельно с системой бесплатного образования существует платное образование во всех звеньях — от детских садов и до университетов. Меняется система отношений между институтом образования и церковью, которая развивает свои семинарии, открывает бо-

гословские факультеты, воскресные школы, участвует в реализации дополнительных программ общеобразовательных школ.

12. СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Социология общественного мнения — область социологии, предметом изучения которой выступают закономерности и механизмы формирования и функционирования общественного мнения. Термин «общественное мнение» возник в Англии и с конца XVIII в. стал общепринятым.

Начало теоретических исследований общественного мнения связывают с именем французского социального психолога Г. Тарда. Возникновение общественного мнения он обосновывал действием психического механизма подражания, на основе которого, как он считал, строятся человеческие взаимоотношения, происходит передача убеждений, намерений, верований.

Дальнейшее развитие теория общественного мнения получила в работах американских социологов А. Л. Лоуэлла и У. Липмана, которые сформулировали основные проблемы социологии общественного мнения, связанные с формами его выражения, соотношением мнений большинства и меньшинства, с границами компетентности общественного мнения, сферой его влияния и др. Лоуэлл и Липман пришли к выводу об ограниченных возможностях общественного мнения, которое не может адекватно отражать социальную реальность, а в кризисных ситуациях порой оказывается ошибочным, и поэтому общественность не должна влиять на принимаемые правительством решения, ибо такое влияние опасно. Это объясняется тем, что в повседневной жизни люди часто оценивают ситуацию и поступают шаблонно в соответствии со сложившимися стереотипами (*стереотип* — схематизированный образ социального объекта или события, обладающий значительной устойчивостью), не подвергая их сомнению,

что помогает им ориентироваться в обстоятельствах. Но в ситуации, когда нужны анализ и выработка собственной позиции, стереотипы не могут служить основой правильных решений.

Позже американские социологи пришли к следующей дилемме: с одной стороны, в демократическом обществе народные массы должны принимать активное участие в политике, а с другой — возможно несоответствие между тем, чего требует от представителей власти конкретная ситуация, и тем, что им диктует мнение общественности, не способной рационально и адекватно осмыслить возникшую ситуацию, т. е. демократические принципы оказываются как бы излишними и неуместными.

Новый этап в изучении общественного мнения связан с установлением в 1940 г. «двухступенчатого порога коммуникации» Л. Ф. Лазарсфельдом, Б. Берельсоном и Г. Годэ, которые показали, что распространение информации и ее влияние на общественное мнение происходят как бы в два этапа:

- от средств массовой информации к «лидерам мнений», преимущественно неформальным;
- от лидеров к их последователям.

Т. е. определенные инновационные группы продуцируют или первыми усваивают новые ориентиры, новую информацию.

Таким образом, к 50—60-м гг. на Западе сложилась социология общественного мнения со своими проблематикой, понятийным аппаратом, методикой и техникой исследования. Проблематика исследований общественного мнения сводится в основном к традиционному изучению политических установок и предпочтений, удовлетворенности уровнем и качеством жизни, зависимости общественного мнения от различных социальных характеристик населения. Она включает в сферу своего анализа и отношение к экономическим проблемам, вопросам социальной справедливости, позициям общественности по различным аспектам внешней политики.

Исследования общественного мнения на Западе и в России

Прикладные исследования общественного мнения впервые начали проводиться в США в связи с необходимостью получения объективной информации по проблемам рынка и политическим вопросам, особенно связанным с выборами. В США и Западной Европе существует устойчивая традиция проведения опросов общественного мнения, настоящая индустрия, *опросный бизнес*. С 1935 г. в США функционирует Институт Гэллапа, еженедельно проводящий общенациональные опросы общественного мнения. С 1947 г. работает Американская ассоциация исследователей общественного мнения. В 1957 г. основаны Роуперовский научно-исследовательский центр общественного мнения и Национальный совет по публикуемым опросам, которые занимаются обобщением данных исследований общественного мнения. С 1963 г. изучением общественного мнения занята служба Харриса, результаты ее исследования два раза в неделю публикуют более 250 газет. В последние годы большую известность приобрела некоммерческая служба по изучению общественного мнения, созданная в 1975 г. Д. Янкеловичем.

В Западной Европе изучение общественного мнения проводится национальными службами (например, Французское общество социальных исследований и опросов), а также общеевропейскими учреждениями.

В России исследования общественного мнения вплоть до 90-х гг. носили фрагментарный и эпизодический характер, была крайне слаба техническая, организационная и теоретико-методологическая база. В 1960 г. возник Институт общественного мнения «Комсомольской правды» который начал проведение всесоюзных опросов. Тогда же появились первые теоретико-методологические работы по проблемам общественного мнения.

В настоящее время исследования общественного мнения приобретают широкий размах, а потребности полити-

ческой борьбы приводят к созданию множества коммерческих фирм, осуществляющих собственные исследования. Результаты исследований часто используются как *средство манипулирования общественным мнением*, политического давления и политических спекуляций. Поэтому ученые вынуждены защищать получаемые данные от политических деформаций, от их неадекватной политической интерпретации. Это требует серьезных мер, обеспечивающих репрезентативность сведений о состоянии и динамике общественного мнения, надежность результатов и их объективность, а также дальнейшее развитие теории общественного мнения.

13. СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Социология религии — это отрасль социального знания, предметом которой является религия как элемент социальной системы и один из важнейших факторов жизни общества. Религию можно охарактеризовать как сложное многоуровневое социальное образование, специфика и смысл существования которого определяются потребностью общества в священном. Р. Л. Джонстоун определяет религию как систему верований и ритуалов, на основе которых группа людей объясняет то, что считает сверхъестественным и священным.

Таким образом, понятие священного, или сакрального (от лат. *sacer* — удаленное, запретное, существующее отдельно) является *смысловым центром* всякого исследования религии. Противоположностью сакральному выступает профанное — рутинное, обыденное, мирское, лишённое тайны. Основу религиозности как социального феномена составляет способность и потребность человеческого общества чувствовать различие сакрального и профанного и поддерживать дистанцию между ними.

Специфика социологического изучения религии заключается в том, что его предметом является не религия сама по себе в ее содержательном многообразии, а то, какие

функции она выполняет в обществе, почему она возникает и существует, что заставляет людей объединяться в религиозные группы. Социологов религии интересует, почему одни религиозные группы быстро распадаются и исчезают, а другие существуют тысячелетиями, превращаясь со временем в мощные, наделенные огромным авторитетом социальные институты; почему в кризисные моменты жизни общества наблюдается либо усиление интереса к религии и возникновение многочисленных новых религиозных течений и групп, либо резко негативное отношение к религиозным институтам и вере как таковой. Наконец, социология религии изучает сложные отношения, существующие между религиозной традицией и непосредственным религиозным опытом верующих, а также специфику представлений о сакральном в различных обществах и культурах.

Можно выделить следующие элементы религии: *доктрина, миф, нравственные ценности, ритуальная и культовая практика, религиозные организации и институты.*

Социологу, изучающему религию, следует на время забыть о своих личных религиозных верованиях и отнестись к религии как социальному явлению. Он должен понять, как организованы религиозные группы, каковы их нормы и ценности, выявить роль религии в жизни отдельных верующих и общества в целом. Важно также выяснить, каким образом принадлежность к религиозным группам влияет на другие аспекты жизни людей: их позиции и ценности, семейную и общественную деятельность и т. д.

Социальные функции религии

Родоначальник функционализма в социологии Э. Дюркгейм считал, что *основная социальная функция религии* определяется тем, что она способствует консолидации общества, укреплению и развитию солидарности всех его членов благодаря совместному выполнению ритуалов членами сообщества. В ходе ритуальной практики индивиды снова и

снова переживают ощущение близости и единства, основанное на едином понимании сакрального и профанного.

Видный антрополог и социолог Б. Малиновский интерпретировал магические ритуалы архаических обществ как специфический социальный инструмент контроля над жизненно важными обстоятельствами, которые остаются вне досягаемости обычных средств социального контроля. Исследуя жизнь архаических племен Тробрианских островов, Малиновский обратил внимание на то, что магическими ритуалами сопровождались наиболее опасные и непредсказуемые в отношении исхода предприятия, например, рыбная ловля в открытом океане и т. д. В то же время при более обыденных и прогнозируемых действиях члены племени не прибегали к выполнению ритуалов. Отсюда он сделал вывод, что функции ритуальной практики — в психологической мобилизации членов общины и снятии тревоги и страха перед непредсказуемыми и опасными природными силами.

Представители конфликтологии среди основных функций религии в обществе выделяют прежде всего функцию поддержания господства одних социальных групп над другими. Например, К. Маркс видел в религии орудие подчинения и отвлечения угнетенных классов. С этим тесно связана компенсаторная функция религии: религия служит утешением для индивидов и социальных групп, находящихся на нижних ступенях общественной иерархии, а также для тех, кто по каким-либо причинам ощущает на себе тяжесть социальной депривации (состояния, возникающего в том случае, если индивид или группа обделены в социальном, экономическом или политическом плане). Религия помогает компенсировать депривацию, а состояние депривации в свою очередь порождает новые религиозные группы и стимулирует их развитие.

Выделяют также регулятивную функцию религии: религия формирует определенную ценностную и этическую ориентацию, которая определяет поведение людей и их взаимоотношения.

Согласно представлениям психоаналитической школы (З. Фрейд), религия является проекцией бессознательных комплексов и влечений человека, его взаимоотношений с самыми близкими людьми. Она возникает из страха беспомощности, испытанного в детстве, и удовлетворяет эмоциональную потребность в покровительстве и помощи. Образ Бога, по Фрейду, есть проекция запечатленного в бессознательном образа отца, который и защищает, и наказывает. По мнению другого представителя психоаналитической школы, К. Г. Юнга, религия интерпретирует и объясняет на уровне понятий и доктрин содержание коллективного бессознательного, общее для всех людей и организованное в особые структуры — архетипы.

Секуляризации современного общества

Под *секуляризацией* понимается происходящий в современном обществе процесс утраты религиозных смыслов и значений во всех сферах социальной, политической и культурной жизни. *Объективная сторона* секуляризации неразрывно связана с процессом индустриализации и является результатом сопутствующей ей рационализации. Современные средства массовой информации и коммуникации, международный туризм оказывают мощное секуляризующее влияние. Секуляризация вызывает изменения в системе социальной стратификации и институциональной структуры.

Процесс секуляризации имеет и *субъективную сторону*, связанную с секуляризацией сознания. Процесс секуляризации на уровне сознания ведет к релятивизации некогда абсолютных и безусловных ценностей и к плюрализму, вследствие чего возникает *кризис доверия к религии*. Все меньшее количество людей посещает религиозные организации и участвует в отправлении культов, но в то же время растет количество различных религиозных организаций, конкурирующих друг с другом. Индивид поставлен перед ситуацией выбора. Тенденция к секуляризации в свою очередь порождает *экуменизм* — движение

за объединение различных церквей и религии в противовес секуляризму и атеизму.

Литература

- Авксентьев В. А.* Этнические конфликты: История и типология // Социологические исследования. 1996. № 12.
- Алексеев А. Н.* Массовая коммуникация как объект социологического исследования: Пути развития теории // Массовая коммуникация в социальном обществе. М., 1987.
- Андреева Г. М.* Социальная психология. М., 1998.
- Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. И.* Современная социальная психология на Западе. М., 1979.
- Андрющенко Е. Г., Дмитриев А. В., Тоценко Ж. Т.* Опросы и выборы 1995 года // Социологические исследования. 1996. № 6.
- Антонов А., Медков В. М.* Социология семьи. М., 1996.
- Борцов Ю. С.* Образование в век информации: Человек и новые информационные технологии обучения. М., 1997.
- Брук С. И.* Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1986.
- Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
- Гараджа В. И.* Социология религии: Учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. М., 1996.
- Гилинский Я. М., Смолинский Л. Г.* Социодинамика самоубийств // Социологические исследования. 1988. № 5.
- Голод С. И.* Моногамная семья: Кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. № 6.
- Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А.* Западная социология. СПб, 1997.
- Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.
- Дмитриев А. В., Кудрявцев В. Н., Кудрявцев С. В.* Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993.
- Дорин А. В.* Экономическая социология. Минск, 1997.
- Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.

Заиграев Г. Г. Общество и алкоголь. М., 1992.

Заостровцев А. П. Социология семьи // Социально-политический журнал. 1993. № 9—10.

Запрудский Ю. Г. Социальный конфликт: Политологический анализ. Ростов н/Д., 1992.

Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск, 1991.

Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М., 1996.

Иванов В. Н. Конфликтология: Проблемы становления и развития // Социально-политический журнал. 1994. № 7—8.

Кокс Х. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М., 1995.

Крадин Н. Н. Предмет и задачи политической антропологии // Политические исследования. 1997. № 5.

Краснов Б. И. Конфликты в обществе // Социально-политический журнал. 1992. № 6—7.

Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. М., 1995.

Ланцова Л. А., Шурупова М. Ф. Социологическая теория девиантного поведения // Социально-политический журнал. 1993. № 4.

Мамзин А. С., Пуляев В. Т., Шаронов В. В. Научный статус социальной антропологии // Там же. 1997. № 6.

Мацковский М. С. Социология семьи: Проблемы теории, методологии и методики. М., 1989.

Методологические проблемы изучения средств массовой коммуникации / Отв. ред. В. И. Михайлович, В. Т. Стигнеев. М., 1985.

Методы сбора информации в социологических исследованиях / Отв. ред. В. Г. Андриенков, О. М. Маслова. М., 1990. Кн. 1—2.

Найденова Л. И. Социологические теории конфликтов и их разрешения // Социально-политический журнал. 1994. № 1—2.

Население мира: Демографический справочник. М., 1989.

Население: Энциклопедический словарь. М., 1994.

Панферова В. В. Социология образования // Социально-политический журнал. 1996. № 4.

Пушкарева Г. В. Власть как социальный институт // Там же. 1995. № 2.

Радаев В. В. Экономическая социология (к определению предмета) // Общественные науки и современность. 1997. № 3.

Резник Ю. М. Социальная антропология как научная дисциплина // Социологические исследования. 1997. № 5.

Самыгин С. И., Нечипуренко В. Н., Полонская И. Н. Религиоведение: Социология и психология религии. Ростов н/Д., 1996.

Современная западная социология: Словарь. М., 1990.

Социальная психология: Краткий очерк / Под общей ред. Г. П. Предвечного, Ю. А. Шерковина. М., 1975.

Социология молодежи / Отв. ред. В. Т. Лисовский. СПб, 1996.

Статистика населения с основами демографии. М., 1990.

Тадевосян Э. В. О курсе «Социология права» // Социально-политический журнал. 1998. № 1.

Теоретическая и прикладная социальная психология. М., 1988.

Фролов С. Ф. Социология: Сотрудничество и конфликты. М., 1997.

Шаповалов В. А. Высшее образование в социокультурном контексте. М., 1996.

МАТЕРИАЛЫ К ДОКЛАДАМ

Материалы к докладу «Парадигмы социологической науки»

В процессе развития социологии сформировались три методологические традиции, или *парадигмы* (системы коренных принципов, которые сходным образом реализуются в «правилах» научного мышления отдельных школ и направлений). Несмотря на то, что их возникновение тесно связано с кризисами естественнонаучного познания и поступательной разработкой новых подходов к исследованию, каждая из них не «вымерла» окончательно, а продолжает сосуществовать со своими более молодыми соперницами.

Можно сказать, что социология в своем становлении прошла три основных этапа развития профессионального (рефлексивного, или самообращенного, критичного) мышления, на протяжении которых ученые меняли свои представления о том, «что есть наука». В результате сложились весьма отличающиеся друг от друга *социологические культуры*, или стилистики профессионального мышления ученых-обществоведов.

Методологическая «классика»

Вся классическая наука рассматривала свой *объект* — т. е. сегмент реальности, который подвергала изучению, как нечто данное извне и потому *независимое*, отделенное в своем существовании от исследователя (познающего *субъекта*). В соответствии с этими представлениями и такой объект, как общество, т. е. некая особая системная целостность, представляло собой объективно существующую реальность, которую можно

анализировать и в которой можно измерять происходящие изменения, сравнивать, экстраполировать, осуществлять «научное предвидение», делать прогноз.

Чтобы выводы ученого были точны, важно использовать соответствующий инструментарий и выдерживать правила замеров раз за разом, что позволяет выявлять «истинное» положение вещей и сравнивать полученные результаты. Вообще-то это очень неплохая тактика, которая до сих пор приносит неоспоримые результаты в социологии малых групп и социологии общественного мнения. Недаром классических принципов познания придерживались такие великие исследователи, как О. Конт, Э. Дюркгейм и в значительной степени К. Маркс.

Классическая парадигма социологического исследования, построенная на идеях независимости объекта и субъекта, приоритетной значимости выявления «природы» объекта (его описывают, регистрируют, анализируют посредством стандартных процедур), широком использовании инструментальных подходов, ценности эксперимента как способа проверки «истинности» достигнутых результатов, и сегодня имеет широкое распространение.

Классический стиль познания в социологии, как и в любой другой науке, до сих пор считается предпочтительным в силу массовости своих представителей (он самый «древний» и авторитетный), их ожиданий и строгости сциентистских принципов (правил), позволяющих отличить «истинную» научность от «ненаучности», а подлинно значимый результат — от приблизительных «гипотез» и «интерпретаций». Однако строгость и кажущаяся неуязвимость теоретических построений классической науки обратной стороной имеет беспелеяционность суждений и догматизацию положений, не раз проверенных «на прочность» в теоретических спорах и на практике. (На полях отметим, что в конце II тысячелетия, когда человеческий мир изменился весьма заметным образом, наши представления о природе человека и основах социального устройства недалеко ушли от взглядов, сложившихся в античности, что само по себе свидетельствует о консерватизме научных верований, которые именно из-за их рационализма очень трудно поколебать.)

Научный «модернизм»

Не одновременно с физиками, но очень скоро после них социология пережила синдром «немытой пробирки», т. е. шок осознания того, что результат научного исследования *зависит от инструментария и методов* изучения объекта, а также *теоретических подходов* субъекта познания, исследователя. Наступил так называемый *постклассический* этап развития общественной науки.

Ученые, искренне стремящиеся к объективности, априори были субъективно вовлечены, эмоционально и ментально интегрированы с той социальной средой, которую пытались непредвзято анализировать. Сам объект содержал субъективность множества живущих в обществе людей, как свое естественное начало.

Социологи эпохи *модернизма* поняли и рационально обосновали, что на научный результат исследования влияет не только природа объекта, используемые методы и теории, но и сам познающий субъект со своей культурой, знаниями и предрассудками. Вместе с этим революционным гносеологическим (теоретико-познавательным) выводом перед учеными встала проблема понимания смыслов, которые вкладывались в производимые действия социальным субъектом (актером, действующим лицом общественного процесса). В ином культурном контексте таким «смыслам» могли быть приданы совсем другие значения, т. е. исследователь мог понимать их совершенно превратно.

Кризис классической модели социального познания, приведший к возникновению социологического «модерна», был множественным, поскольку взорвал сложившиеся незыблемые представления об объективности:

- позиции исследователя;
- научного инструментария;
- объекта исследования.

Соединение этих трех элементов ранее создавало картину достоверности анализа, приносящего «истинный» результат. Поскольку каждая из этих позиций (в структуре отно-

шения «субъект → познавательная деятельность → объект») была поставлена под сомнение, и даже прямо рассматривалась как «онаученная иллюзия», социологи вынуждены были признать, что *объективное познание невозможно, и нет научной социологии*.

Тем не менее, представители постклассической науки (одной из мощнейших фигур которой является социолог М. Вебер), с поистине прометеевской самоотверженностью пытались разрешить познавательную драму «очищения от субъективности». Они твердо стояли на позиции познания природы объекта и необходимости дать его технократическую, инженерную трактовку. В связи с этим основной проблемой постклассической социологии стало достижение *рациональности* познания. Каким же образом? Внешне простым: расчищением

- объекта;
- инструментария и методов;
- позиции исследователя от «наносной» и крайне мешающей ученым «субъективности».

Рационализируя объект, Карл Маркс сформулировал представления о поступательном стадийном развитии общества (в теории общественно-экономических формаций) и предельно обобщенной в своих социальных оппозициях (классовой) структуре общества. Его «внучатый современник» Макс Вебер, решая сходную задачу, создал теорию «идеальных типов», т. е. научных представлений о социологических моделях — о том, как строились и развивались бы социальные объекты без влияния «посторонних» для них помех, воздействий и «бифуркаций» (случайных отклонений).

Рационализируя технологии познания, социологи эпохи «модерна» стали крайне внимательно, почти невротически, относиться к *методологии*, методике и технике исследования. Т. е. в отношении «субъект ↔ познавательная деятельность ↔ объект», которое они трактовали гораздо сложнее, чем «классицисты», ведущую роль начал играть центральный элемент, или проблема того, *как* можно изучать общественную реальность. На смену социологическому позитивизму, структурному функционализму, психологизму и

экономдетерминизму пришли социальная феноменология, теория рационального действия, символический интеракционизм, когнитивизм, историко-эмпирическая и гендерная социология

Социологический «постмодерн»

Экспериментируя в сфере познавательных возможностей социологи сделали множество интересных и важных открытий, одно из которых было особенно окрыляющего свойства. Оказалось, что последовательная реализация идей посткласической науки и движение от элементарного к значительно более сложному и одновременно рациональному потребовало повышения *качества познания*, следовательно, *профессионализма* самих исследователей, *изошренных* в технологии и методологии, а главное — в знании *контекстов*.

Проблема «понимания» в социологии, которую методологически заостренно сформулировал на предыдущем этапе развития обществознания М. Вебер, была преобразована в задачу «придания точных значений» разнообразным социальным актам в структуре изучаемой общественной реальности. «Декодирование», расшифровка сигналов (знаков), свидетельствующих об изменении состояний общества, требовало широкого применения качественного анализа, целостного и глубокого теоретического восприятия наблюдаемых социальных явлений, их многоплановой *концептуальной* (т. е. связно научной) трактовки.

Осознание того, что одни и те же социальные действия, события, происходящие в разное время и в различных общественных обстоятельствах, имеют разный *смысл*, а разные человеческие сообщества придают им весьма отличающиеся друг от друга *значения*, переместило внимание исследователей от непосредственно объекта к его уникальным *контекстам*, которые придают социальным фактам особое звучание. Социология тем самым стала смотреть на свой объект шире и одновременно реалистичнее, не абстрагируясь от процессов, которые происходят вне определенных самими социологами предметных границ.

Интерес к социальной семантике (системе знаний о знаках и значениях), переместивший в центр познавательны

«Имбиций постмодернистской социологии проблему *интерпретации*, позволил современным ученым весьма оригинально и в то же время радикально решить задачу достижения рациональности познания.

Один и тот же «знак» (социальное событие, явление, факт) приобретает разные значения в зависимости от перемены:

- объективных обстоятельств (контекста, который в свою очередь может определяться и рассматриваться субъектом весьма избирательно);
- субъективных обстоятельств (ценностной шкалы наблюдателя, выносящего суждение).

Поэтому отпадает вопрос об *универсальной рациональности* в определении значения и выработке объяснения происходящего. Каждое большое и малое человеческое сообщество имеет собственный, неповторимый ценностный мир, который определяет его социальную культуру, внутренние нормы общежития. Каждая культура имеет свою «рациональность», и событие приобретает разные значения в рамках разных типов рациональности. Культуры и соответствующие им типы рациональности качественно несравнимы, к ним нелогично применять принципы формального сравнения «лучше — хуже», поскольку нечто можно оценить только в рамках ценностной шкалы, имманентной (т. е. внутренне присутствующей) данной культуре.

Следовательно, решили постмодернисты, не надо расчищать пространство социального познания и рационализировать (или объективировать) свою позицию, технологии познания и предмет науки (т. е. избирательные представления социологов об объекте). Надо пополнять знания об обществе множеством профессиональных авторских *интерпретаций* социальных явлений. Они признали, что *всякая рациональность, всякая наука есть игра*. Потому что не может быть ни одного универсального объяснения, ни одной универсальной теории в исследовании общества и социальных процессов.

Постмодернизм отрицает научность (в ее позитивистском и сциентистском понимании). Однако социологический «постмодерн» — это не хаос персональных изложений по прин-

ципу: «Что вижу — о том пою» или безудержного полета «свободных ассоциаций на тему...» Просто сложились новые критерии квалифицированного изучения социальной реальности в условиях, когда исследователь осознает, что не в силах преодолеть собственную субъективность.

Становление новой парадигмы в социологии, которая внешне выглядит довольно легковесно — как уход от проблем строгой научной организации исследования и верификации (проверки) результата, отказ от следования традиции и превращение социологии в поле для интеллектуально-художественного самовыражения «забавляющихся» (играющих) своим социальным материалом интерпретаторов, на самом деле глубоко связано с логикой процессов развития современной науки и общества.

С одной стороны, современная социология постмодерна ответственно и профессионально решает проблему «границ и возможностей» социального познания, превращая «игру субъективностей» и допущение множества интерпретаций в самостоятельный эвристический механизм. Принципы свободы интерпретаций и множества разнообразных объяснений одного явления решают две принципиальные задачи:

- обеспечение свободы творческого профессионального самовыражения, что позволяет пополнять коллективный банк социологических идей;
- использование нового способа «верификации», когда ядро «истины» начинает постепенно просвечивать сквозь множество интерпретаций, строгих количественных сведений, разнообразных оценок и контекстуальных изложений.

С другой стороны, перемещение познавательных акцентов на субъекта исследования отражает гуманистические тенденции в обществах современного типа, когда интерес к внутреннему миру человека и индивидуальным проявлениям духовности обогащает развитие всего общества.

Со всеми своими плюсами и минусами эти парадигмы продолжают развиваться: классическая методология — вопреки скепсису и моде, неклассическая — вопреки собственной сложности и теоретическому «разброду», постнеклассическая — вопре-

ки непониманию и внутренней неопределенности. Существовая порознь, но создавая единое современное научное поле с его актуальной проблематикой и разнообразными методами, вместе они передают полифонию осмысленных впечатлений и системных представлений об обществе, в котором мы живем.

Материалы к докладу

«Методы и техники прикладных социологических исследований»

Классификация методов и техник эмпирического социологического исследования ¹		
Сбор первичной информации		Анализ первичной информации
Регистрация единичных событий	Система сбора данных	
<i>Методы способы сбора и анализа информации о социальных фактах</i>		
Наблюдение	Обследования ● монографические ● сплошные ● выборочные	Описание и классификация
Изучение документов		Типологизация
Опросы		Методы качественного анализа: смысловая интерпретация данных
		Статистический анализ (поиск статистической закономерности)
		Экспериментальный анализ (реальный и мысленный эксперименты)
		Системный анализ
		Генетический или исторический анализ
Социальное моделирование		

¹ Ядов В. А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. Самара, 1995. С. 40.

Техника совокупность специальных приемов для эффективного использования соответствующих методов		
Приемы контроля надежности первичной информации: <ul style="list-style-type: none"> ● на обоснованность ● устойчивость ● точность 	Статистический аппарат выборки единиц наблюдения	Логические средства (например, системного анализа)
		Статистические приемы (описательная статистика, статистика вывода и установления взаимосвязей и каузальных зависимостей)
Измерение количественных характеристик явлений (квантификация и шкалирование)	Приемы качественного и количественного выравнивания характеристик	Математические нестатистические средства (например, линейное программирование, применение теории графов, теории игр, математическое моделирование, детерминационный анализ)
Техника разработки социологических качественно-количественных сводных характеристик (индексов)		Таксономические процедуры и непараметрические статистики

Последовательность выдвижения программных задач в зависимости от основной цели исследования ¹		
Задача	Цель исследования	
	теоретико-прикладная	практически-прикладная
1	Определение сущности познавательной проблемы на основе доступной информации и ее локализация на конкретных социальных объектах, в конкретных процессах, обществах	Анализ литературы и консультации со специалистами для выявления типового способа решения практической проблемы на данном объекте

¹ Ядов В. А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. Самара, 1995. С. 49.

Последовательность выдвижения программных задач в зависимости от основной цели исследования		
Задача	Цель исследования	
	теоретико-прикладная	практически-прикладная
2	Выявление обстоятельств, сопутствующих возникновению проблемы и факторов, детерминирующих изучаемые процессы, — разработка теоретической концепции исследования	Сбор фактических данных о ситуации на объекте с использованием уже апробированных или специально создаваемых методик для определения способов применения типового варианта решения проблемы к данному объекту
3	Конструирование методик исследования, их опробование (пилотаж) и последующий сбор информации на объекте (объектах) изучения	Разработка вариантов решения проблемы и их проверка путем обсуждения с экспертами и в конечном итоге — экспериментально
4	Детальный анализ полученных данных соответственно концепции исследования и его гипотезам; определение принципиальных путей решения проблемы и возможных практических приложений на конкретных объектах	Анализ итогов социального эксперимента, коррекция предлагаемых нововведений, оценка достигнутого эффекта, план практических действий на перспективу

Материалы к докладу

«Развитие социологического знания»

Развитие социологии связано с чередой масштабных кризисов. Драматическим был сам процесс рождения новой науки, связанный с серьезным познавательным кризисом обществознания. Ее глубинная связь с матерью-философией ясно прослеживается до сих пор. Переживая кризис отторжения и становления самости, социология сохранила преемственность в области целей социального познания, но в то

же время с самого начала стремилась «идти другим путем», т. е. изучать общественные процессы так, как это делают естествоиспытатели.

Мартин Элброу, автор одной из периодизаций развития социологии¹, определял *первый этап* ее становления как *натуралистический* (фаза «универсализма»): Огюст Конт рассматривал свое детище как «социальную физику», а Герберт Спенсер видел в обществе «социальный организм».

Второй этап был связан с формированием *национальных научных школ* и разработкой теорий, ставших сегодня социологической классикой. Социокультурный подход Э. Дюркгейма (Франция), рационализм М. Вебера (Германия), прагматизм микроструктурных исследований Д. Мида (США), цивилизационные циклы А. Тойнби (Великобритания), теория элит Г. Моска (Италия), генетическая социология С. Ковалевского (Россия) оказали совсем не локальное влияние на развитие мировой социологической культуры.

На *третьем этапе* социология стала *интернационализироваться*, борьба между школами переросла в плодотворный теоретический обмен и определенную переплавку научных позиций. Однако этот благодатный период не гармонизировал научный мир обществознания, который раскололся на две крупные противостоящие системы: конфликтологов (марксистов) и эволюционистов (структурных функционалистов).

Переживая очередной кризис познания, т. е. по-разному решая, какая объяснительная модель общественного развития более верна, социология, как и послевоенное «мировое сообщество» чрезвычайно идеологизировалась. Марксисты заостряли внимание на социальных противоречиях, во многом обусловленных экономической системой, а функционалисты (Толкотт Парсонс, Роберт Мертон и др.) акцентировали значимость духовных, социокультурных факторов в консолидации общества и поддержании его структурных соответствий. Противостояние социологических парадигм (общих методо-

¹ *Albrow M. Globalization, Knowledge and Society. L. 1990. P. 3—13.*

логических установок) проявлялось как интеллектуальная война «радикальных критиков» и «апологетов» современного каннитализма.

Четвертый этап совпадает с этапом формирования и развития социологического «постмодерна» (в другой, трехчастной, периодизации научного обществензнания). Он связан с проникновением социологической культуры Запада в азиатский, южноамериканский и африканский регионы, где произошла существенная трансформация принципов и приемов социологического познания с учетом культурных традиций и социальной специфики развивающихся стран. М. Элброу назвал этот этап фазой *индигенизации* (т. е. «отуземливания» социологии). При этом наука об обществе не становится более примитивной, но она приобретает такое же своеобразие, как оригинальные национальные культуры этих регионов. Африканские социологи (А. Акивово из Мали и др.) исследуют символические аспекты социальных отношений, используя принципы своеобразной социолингвистики, а латиноамериканские ученые не только вовлекают в процесс познания социальной реальности неспециалистов, выполняя просветительские функции, но и мобилизуют их на «участующее действие» по демократизации общества.

Пятый период начинается в 1990-е гг. и связан он с осознанием глобализации (т. е. нерасторжимой связности) современного мира. Социология вновь переживает кризис, корректируя свои представления об «объекте» и «предмете», что вызывает появление новых теорий («глобальной системы» И. Валлерштайна, «зависимого развития» Ф. Кардозо и др.). Внимание ученых переносится на динамические характеристики, «процессуальный образ» социальной реальности (П. Штомпка).

Суммируя происходящие в науке процессы, российский социолог В. А. Ядов выделяет две стратегические тенденции преодоления современного кризиса познания:

1. «Отступление» в области методологии:

- использование не одного, а совокупности *разных* теоретических подходов к анализу;

- переход от жестких подходов традиционной науки к *гибким* качественным методам исследования;
- отказ от объяснения социальных явлений в пользу их преимущественного *описания*.

2. «Наступление» в области теории:

- создание новой глобальной теории (метатеории) общества — целостной системы мирового социума;
- применение принципов историзма и многофакторности (смены доминирующих факторов) развития;
- признание решающей роли активности социального субъекта в процессе общественных изменений.

Нынешняя теоретико-методологическая разногласица, разбивающая корпорацию социологов на многочисленные группы (школы и направления), стала результатом буквально пары катастроф научного осознания границ и иллюзий социального познания.

Смена общенаучных парадигм (классической, модернистской и постмодернистской) происходила потому, что полученная совокупность научных данных переставала вписываться в рамки систематизации и объяснительных возможностей прежней парадигмы.

Социологи поняли следующее:

- 1) общество нельзя рассматривать просто как природный объект, поскольку развитие социальной системы отличается субъективностью, целе(ценностно)ориентированностью и творческой спонтанностью (непредсказуемостью);
- 2) изучение общества не может быть объективным, поскольку методика, техника и инструментарий познания зависят от позиции (знаний, предубеждений и заблуждений) познающего субъекта;
- 3) исследователь не должен слепо полагать, что его представления о рациональности, норме и культуре — единственно верные, а посему, не посягая на истину, он может лишь делать точные наблюдения за изменением социальной реальности и играть интерпретациями (объяснениями происходящего).

Западная социология, играющая первую скрипку в мировом научном общественном знании, пережила особое парадигмальное (предметное) дробление, которое оказывает свое воздействие на состояние науки до сих пор. Российский социолог Г. В. Осипов структурирует постклассические (не-позитивистские) традиции в выделении предметной области таким образом:

1. Исследование «социальных фактов» (Э. Дюркгейм):

- структурный функционализм;
- теории социальных систем;
- конфликтологические теории.

2. Анализ «социальных дефиниций» (М. Вебер):

- теории социального действия;
- символический интеракционизм;
- феноменологическая социология, в т. ч. этнометодология.

3. Изучение «социального поведения» (Б. Скиннер):

- бихевиоризм;
- теории социального обмена.

На современном этапе ограничения каждого из перечисленных подходов преодолеваются путем разработки интегральных теорий.

Прикладная социология, питающаяся данными эмпирических исследований специальные, отраслевые и общие теории, также не стояла на месте. Развивая изошренные методики и техники добычи объективной (точной) социальной информации, ученые создали новые самостоятельные науки, которые отпочковались от собственно социологии, как, например, *изучение общественного мнения*.

***Материалы к докладу
«Символы социального расслоения»***

Современное общество с его опосредованной ролевой коммуникацией делает людей субъектами разных, часто дезинтегрированных, социальных статусов. Идентификационная символика упорядочивает социальное пространство, закрепляя систему устойчивых обозначений общностей и их пози-

ций. Она часто обманчива по существу, однако достаточно точно отражает тесную связь знаковых форм с существенными социальными характеристиками их носителей.

Поскольку люди действуют, исходя из своего понимания знаков социального пространства (при этом опираясь на общепринятые и личные, стандартные и оригинальные, подтвержденные и гипотетические представления), мир общественной символики опосредует практически все формы коммуникации, собственно и являясь для людей миром их специфической действительности. Социокультурное производство, в котором каждая личность и сам социум предстают как специфический артефакт, в каждом своем акте содержит притязание на культурную легитимность. «Коллективно организованные образцы символических кодов» объективно структурируют социальное пространство, интегрируя страты, кристаллизуя классы, порождая то, что в привычном смысле слова называется *обществом*.

Сложившаяся в современном обществе сложная ролевая и статусная диспозиция актуализирует проблему социального *различения*. М. Вебер, определяющий социальный порядок как способ распределения символических почестей, рассматривал социальный статус как корпоративный символ, который формируется постольку, «поскольку он не является индивидуально и социально иррелевантной имитацией другого стиля жизни, но представляет собой основанное на достигнутом согласии совместное действие закрытого типа»¹. П. Бурдьё специально изучил вопрос о том, как «посредством свойств и их распределения социальный мир приходит, в самой своей объективности, к статусу символической системы, которая организуется по типу системы феноменов в соответствии с логикой различий...»². Прикладным аспектом этой проблемы является оценка статуса человека по определенным символическим индикаторам.

¹ Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 152.

² Бурдьё П. Социальное пространство и генезис классов // Социология политики. М., 1993. С. 68.

Внешнее символическое признание, престиж, является, по Веберу, индикатором страты, легитимизации ее социальной позиции и ее потенциальной или реально используемой монополии «особого рода». В достаточно точном смысле символическая стилизация жизни отдельных общностей и страт отражает устойчивость соответствующей структуры общества. Определенная символика, выработанный язык социальной коммуникации, внутренняя культура (субкультура), очень корректно отграничивающая «своих» от «чужих» конструирует не только внутреннее, но и внешнее общественное пространство (отношений, связей с другими субъектами) и тем самым способствует институционализации страты.

Российское общество в этом смысле имеет достаточно размытые и пересеченные контуры, хотя мы обоснованно говорим о дифференцированной структуре современных элит, включающих «старую» и «новую» подобности. Маргинальность новых элит, как и новых слоев аутсайдеров, вынуждает их продолжать использовать сложившиеся прежде символические стереотипы и смысловые ценности, держаться традиционного для них знакового ряда; но процесс легитимизации статуса не столько связан с отграничением прежнего социального бытия, сколько с символической инициацией в новой общности. По мере закрепления в элите осваиваются новая культура и стиль, гипериндикация (символическая демонстрация самопричисления) теряет социальный смысл.

Как выявляется в результате сопоставления, символическая социальная «упаковка» субъекта оценивается в современной России довольно своеобразно: учитываются в первую очередь знаки принадлежности к власти, демонстрация уровня благосостояния (материальных «возможностей»), наличие «патронажа» и связанных с ним возможностей заимствования ресурсов. В связи с этим меняются оценки социального престижа разных видов деятельности, когда физически или этически «грязная» работа все же считается более привлекательной с точки зрения денежного вознаграждения.

Профессиональная стратификация в значительной степени теряет свою первостепенность в определении социального статуса и престижа, поскольку вознаграждения очень ирра-

ционально соотносятся и с системными (общефункциональными) ценностями профессии, и с достигнутым уровнем профессионализма как таковым. По этим причинам соответствующие индикаторы социального положения оказываются содержательно запутанными и фактически неадекватными. Следовательно, ответы нужно искать в анализе «аксессуаров» социальных «одежд», которые демонстрируют конкретные субъекты (люди, группы, партии), открывая свое истинное место в общественной диспозиции (стиль социальной символики), свои социальные запросы (гипертрофированная самоиндикация), собственные оценки сложившейся социокультурной среды стратификационных отношений (социальные идеалы, маркировки «свои»—«чужие»).

Динамика коэффициентов удовлетворенности, характеризующая изменения качества жизни россиян, показывает стабильный приоритет круга общения (0,8) и отношений в семье (0,77), которые определяют сегодня микромир человека. Н. Смелзер, обобщая современные социологические представления о классе, писал в частности о том, что многие исследователи отмечают значительно большую вовлеченность в семейные заботы людей из нижних, а не из средних слоев. В примерах, которые он приводит, просматривается социальное сходство с досуговым поведением россиян, характеристики которого подтверждают неразвитость среднего класса, выявленную по функциональным и формальным параметрам¹.

Изучение ценностных оснований идентификации в современном российском обществе (например, исследования С. Г. Климовой, В. А. Ядова и др.) показывает, что по сравнению с началом 80-х гг. значительно увеличивается эмоциональное переживание проблем витально-мотивационного и семейно-родственного комплексов. Тем не менее и ориентация на *обеспеченность*, и ценности *реализации*, смыкаясь

¹ *Беляева Л. А.* Средний слой российского общества: Проблемы обретения социального статуса, М., 1993; *Умов В. И.* Российский средний класс: социальная реальность и политический фантом, 1993; *Комаров М. С.* Социальная стратификация и социальная структура, 1992; др.

на признании высокой значимости микросоциальных отношений и качества микромира людей как такового, присущем большинству россиян (по крайней мере, в переломное время), ведут к повышению роли *досуга*, который и сегодня выступает важнейшим символическим индикатором статуса. Объем досуга, его функциональное и качественное наполнение стали определять социальное положение весьма характерным образом.

Эволюция индивидуального *названия*, включая характеристики номинации, легитимизирующей положение человека в социальной структуре, символически закрепляющей его общественный рейтинг, — суть социография, описание происхождения, социализации, жизненных свершений, статусной траектории конкретного человека. Даруя символический капитал, конвертируемый в эмоциональные формы поддержки, доверие, авторитет, политическое влияние, прямые материальные выигрыши, название приносит разного рода социальные прибыли.

Номинация в современном обществе создает социальные страты, поскольку перераспределяет статусно подкрепленный престиж, задним числом формирует для поименованного социальную позицию, транслируя возможности «достичь особого рода монополии» (М. Вебер). Речь идет, в сущности, о правилах социальной метаигры, договоре об условиях занятия тех или иных общественных позиций. Д. Белл именно в этом смысле определяет социальный класс как «институционализированную систему основных правил приобретения, удержания и изменения дифференциальной власти и связанных с нею привилегий»¹. Такой договор, такого рода правила устанавливаются путем символической позитивной санкции — легитимизации.

Номинация, признанная и затверженная норма отношений к субъекту (именно так она может быть рассмотрена в теоретической перспективе Р. К. Мертонa), в случаях укло-

¹ Цит. по: *Надель С. Н.* Современный капитализм и средние слои. М., 1978. С. 22.

нения от правил установленной директивно или только рекомендуемой субординации создает более тонко проявленное социальное напряжение¹.

Рассматривая общество как символический порядок, П. Бурдьё описывает мобилизацию всех социальных ресурсов конкурирующих субъектов в целях завоевания официального имени. «В символической борьбе... за монополию легитимной номинации... агенты используют символический капитал, приобретенный ими в предшествующей борьбе, и, собственно, любую власть, которой они располагают в установленной таксономии...»². Такая внешне бессмысленная борьба за символы: «значки», «марки», отвлеченные отметины социальной позиции на самом деле — полная внутреннего напряжения содержательная работа по социальному продвижению, поскольку символический социальный капитал умножается, а «соотношение объективных сил стремится воспроизвести себя в соотношении символических сил»³.

Каждое поле, или сфера, социальных взаимодействий является пространством «более или менее декларированной» борьбы за установление официально закрепленных правил «разметки». Политика, как особое пространство, где определяются и устанавливаются «правила правил» метасоциальной игры: законы, формальный регламент общественных взаимодействий, имеет ряд уникальных особенностей. Когда реальные капиталы для получения социальной номинации недостаточны, и не действует логика взаимоучета власти монополий разного рода, в ход идет манифестация, как символическая акция, становящаяся эффективной только в случае символического (информационного) резонанса⁴. Ю. Л. Качанов формулирует вывод о том, что монополия производства

¹ Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2.

² Бурдьё П. Социальное пространство и генезис классов // Социология политики. С. 72.

³ Там же.

⁴ Шампань П. Манифестация: Производство политического события // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 46, 56, 57.

системы легитимной социально-политической дифференциации имеет исключительное значение, так как воплощается в мобилизованных группах¹.

Поскольку практика номинации устанавливает правила социальных отношений, поощрения, санкции и привилегии, закрепляя соответствующие стереотипы восприятия, возникает благодатная почва для имитации (и мобилизации новых) символических солидарностей, а также индивидуальной социальной принадлежности.

Аскриптивная модель «культурного соответствия» предполагает развитие через вариативность, игру, инновационный поиск в социальном творчестве, способствует разложению «культурных консервов» общества. Достижимая — требует аутентичного освоения норм и ценностей «приемной» культуры, ее ортодоксального поддержания, однако на начальных стадиях вхождения в новую общность это происходит лишь формально и стандартная социальная символика получает эклектичные интерпретации и необычные акценты. Значительному большинству россиян сегодня приходится осваивать новые элементы социокультурной индикации, приобретать ранее не свойственные стереотипы, менять оценки и установки. Это неизбежно приводит к эклектизму, гипертрофированному следованию тем символическим социальным образцам, которые кажутся нормальными в новых общностях, достаточными не только для «включения», но и принятия в ней.

Таким образом социальная стратификация в конце концов предстает перед нами как сложившаяся культурная стилистика разных сосуществующих общностей. Этот результат не отрицает других оснований возникновения общественных структур и иерархий, однако позволяет констатировать, что роль *социальной символики* в поддержании регламента и упорядоченности социальной организации в современном обществе возрастает.

¹ Качанов Ю. Л. *Агенты поля политики: Позиции и идентичность // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 66.*

Материалы к докладу

«Социальные монополии и их роль в формировании элит»

Древний социальный институт наследования является одним из мощнейших способов консервации социальной расстановки в большинстве известных культур. *Происхождение*, помимо переноса харизмы, установления социальной форы и фиксации статусного имиджа, несет еще три функциональные черты: ограничение культуровоспроизводственных возможностей, установка образовательного горизонта, социальной ориентации посредством формирования ценностного мира; обусловленность развития природных способностей и талантов; предопределение объема и характера наследуемого потенциала социальных влияний.

В России приоритеты социального наследования харизмы «людей влиятельных» сменяются приоритетами «людей обеспеченных», как и порождающие доминанты этих характеристик. В новых статусных группах властной и экономической пирамид отмечаются некие критические точки «насыщения», по достижении которых базовые критериальные основания прагматично-функционального плана трансформируются в достигаемые цели номинации (официальной, номинальной и заявочной) и символических ценностей. Это проявляется в погоне за званиями, как знаками действительных статусных значений, в приобретении реквизитов для демонстрации своей корпоративной принадлежности, в игре символами социальных возможностей.

Отличие российской стратификации состоит в том, что социальные позиции закрепляются преимущественно не отчужденными формами функционально-ролевых отношений, а межперсональными связями (протекция, родство, товарищество, корпоративность и т. д.), что влияет на механизмы маргинализации, замещения и социации: разрушенные структуры восстанавливаются и воспроизводятся «связками», командами, состоящими из персонально, а не функционально дополняющих друг друга социальных элементов.

К числу предначертанных условий достижения социальной позиции относится и возникающая из неопределенных факторов природная монополия — *талант*. Особые нерасп-

ространенные в социуме способности представляют тем большую ценность, чем более они адекватны целевым установкам общества, чем выше шансы рассматривать их как средства или как ресурс. В связи с этим проявление и реализация способностей или талантов людей очень жестко зависит от социокультурного контекста, от общественной поддержки инновации, которая всегда выступает следствием проявления таланта в творчестве. Стабильные общества (в отличие от современного российского) стремятся ограничивать, а часто и подавляют такого рода эффекты еще на этапах ранней социализации. Социальные проявления талантов дают обществу дополнительный потенциал, который может при определенных условиях сыграть роль резервного.

Способности и социальное происхождение в современных обществах с преимущественно достигающим типом мобильности являются лишь начальным капиталом (потенциалом) социального продвижения. Ведущим стратификационным критерием становится *профессионализм* как социальная характеристика, которая означает наличие у человека закрепленной и признанной социальной функции, говорит о наличии специфических знаний, умений и навыков, монополии обучения и накопления функционального опыта, качественных параметрах его общественно ориентированной деятельности.

В России стратификационная роль профессии и профессионализма, с одной стороны, смягчена, поскольку общее экономическое развитие отстает от высокого современного стандарта, а некоторые сегменты квалифицированного труда потеряли сферы традиционного приложения; с другой стороны, она повышается в силу ряда причин: во-первых, востребован целый ряд профессий, для которых не велось специальной подготовки, т. е. возник структурный дефицит; во-вторых, потребности социальной стабилизации требуют усиления функциональной привязки, что эффективнее всего осуществляется через профессию; в-третьих, эпоха перемены социальных ролей вызвала критическую профанацию и породила дилетантизм, и на фоне профессиональной маргинализации высокий уровень специальной подготовки и функциональная корректность приобретают особую социальную ценность.

Среди стратификационных оснований современного общества, доминирующих в большинстве теоретических моделей, неким инвариантом выступают *власть* и *собственность*. Трактовка их каузальной связи предопределила развитие конфликтологического и эволюционистского направлений в теории социальных структур.

Несмотря на заметный рост дифференциации российского населения по доходам в 90-е г., фундаментальные исследования показывают «инерционность композиции основных структурообразующих элементов» общества и одновременные «заметные изменения в составе элит»¹. Это говорит о том, что инициативно-достигательный механизм дифференциации по доходам действует лишь в узком сегменте общественной структуры, основное же «тело» общества (около 90%) экономически расслаивается вследствие перераспределительных актов субъектов — носителей власти (государственных органов и «позитивно привилегированных стяжательных классов»², по М. Веберу). Доминантой функционального преобразования экономики является становление класса частных предпринимателей.

Структурирование общества по вертикали проявляется в контроле и подконтрольности, принуждении и эксплуатации, регламентации и подчинении, несимметричном взаимовлиянии. Р. Дарендорф рассматривает такого рода явление как априорное предписание «латентных интересов» социальным позициям³. Сходство социальных позиций (стиля жизни, по М. Веберу) разбивает социальный агрегат на «квазигруппы» с выраженными сходными ожиданиями и неосознанностью собственной идентичности. Такой фантом общности может

¹ *Рукавишников В. О.* Социология переходного периода (закономерности и динамика изменений социальной структуры и массовой психологии в посткоммунистической России и Восточноевропейских странах) // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 29.

² *Вебер М.* Основные понятия стратификации // Социологические исследования. С. 154.

³ *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.

кристаллизоваться в реально действующую группу посредством социальной организации, превращающей ее в субъект структурного конфликта.

Для российского общества это характерно. Экономические и политические структуры в ролевом отношении перекрывают друг друга (что проявляется и в индивидуальных траекториях: политики идут в бизнес, бизнесмены — в парламент), что действительно создает почву для борьбы всех за все.

Конфликт явных и латентных функций, социальных и индивидуальных ценностей влияет на процесс оформления элит и усиливает нестабильность не только верхушки, но и всего общества.

Отделение какой-либо общности от других и создание ореола исключительности, который выступает формой номинального символического капитала, происходит путем узурпирования «статусной» почести. Развитие статуса в символическом обретении групповой идентичности в этом ракурсе изучали и М. Вебер и А. Турен. Все субъекты в поле социальных взаимодействий используют различные символические стратегии, посредством которых «намереваются установить свое видение деления социального мира и свои позиции в этом мире»¹.

Формирование символического капитала *имени* в России имеет весьма специфические интенциональные черты, предопределенные следующими *социокультурными* и *историческими основаниями*:

1. Традиционное стремление к получению государственных званий и отличий окружены ореолом сверхценности, поскольку они символизируют и особость социального положения, и корпоративную приобщенность к власти, распределяющей социумные блага и привилегии. Стратегия социального продвижения «вверх через официальную номинацию» в российском обществе наиболее эффективна.
2. Институциональная и конституциональная трансформация общества в текущее историческое время требу-

¹ Бурдые П. Социология политики. М. 1993. С. 72.

- ют особенно интенсивной маркировки социального пространства и обозначения наличных «портов» самопричисления, упорядочивающих процесс организации новой общественной структуры.
3. Относительно широко распространены мнимые формы социальной символизации (имитация, инсценировка и др.). Архетипически это обусловлено сверхзначимой ролью официальной номинации, ситуативно — возможностями заявочного обретения символического капитала (весьма практичного по своим воздействиям не только в нашей культуре).
 4. Для современного состояния общества характерна социальная демонстрация с элементами гипертрофии, акцента, аффекта в знаковом оформлении коммуникативного пространства локальных сообществ, которая связана с повышенной ценностью завоевания символической позиции и закрепления в социальной структуре вновь сформированных общностей.
 5. Имя обретает повышенную значимость в аспекте репутации, поскольку этот род символического капитала вообще является легко конвертируемым во властную, трастовую, финансовую и другие формы социального влияния.

В процессе легитимизации, *статусного закрепления социальных позиций групп*, большую роль играет символическое оформление занятого ими «пространства». Признание правил социальной игры всеми субъектами и непосредственная включенность в систему социальных взаимодействий, развивающихся по определенным согласованным нормам, является основанием стратификационного порядка в любом обществе.

Так, монополия собственности влечет монополию распоряжения ею и монополию присвоения ее полезных эффектов (доходов и т. п.). Последняя создает преимущества для собственников в условиях легальной социальной игры и имплицитно содержит возможности для участия избранных в «теневых» играх. Однако устойчивость государственных институтов предполагает и невыписанную обратную логику,

ведущую к возникновению того же самого эффекта цепной реакции монополизации. Государственные органы в силу переданных им, а в значительной степени и узурпированных полномочий получают доходы от всех видов социальной деятельности, аккумулируют их, распоряжаются ими — и обретают власть над не принадлежащей им собственностью. Монополия при этом возникает как результат редистрибуции, обусловленной неподконтрольным распоряжением объектами собственности. Поэтому для анализа социально-экономической диспозиции в России необходимо учитывать *два способа распределения «жизненных шансов»*, которые заданы как шкалой распределения собственности, так и шкалой распределения квази-собственности: распорядительной экономической власти.

Монополизация экономики, а вместе с тем и неэкономических продуктов социальной жизни (эффект вовлечения в единую игровую логику) — «присвоение детей», уникальных результатов творчества, информации и т. д., создает более рельефную социальную конструкцию общества, где групповые и индивидуальные диспозиции достаточно четко определены, социальные запросы (интересы), по выражению Р. Дарендорфа, «кристаллизованы», а взаимодействующие субъекты «с точки зрения организации являются идентичными»¹.

Понятие господства здесь вырастает из организационной трактовки социальной структуры, диспозиции правящих и управляемых, анализа социальных форм асимметричного распределения власти. Вертикаль господства — подчинения даже в такой модернизированной форме создает стратификационную структуру, в которой верхние слои неизбежно «объективируют» нижние, и социальные взаимодействия между стратами приобретают все более «технологический» однонаправленно распорядительный характер, который в российском обществе абсолютизируется до монополии управления всеми социальными ресурсами.

¹ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.

Новые условия социального развития России, актуализация и легализация широкого спектра стратификационных правил постепенно снижают роль аскрипции и «рентной» формы выплаты социальных призов в пользу достигаемой социальной активности. Власть как универсальная монополия, операциональным эффектом которой является влияние, достижение направленного социального результата путем волевого воздействия, приобретает в значительных сегментах общественного пространства качество «переходящего» жезла. Это не только результат некоторой демократизации, но и следствие неустойчивости форм переходного периода общественного развития. Такое динамическое состояние лучше описывается ситуационно-факторными моделями Э. Гоффмана, Г. Зиммеля, Д. Коулмена. В них власть — это «временное преимущество» того, кто находится во властной позиции.

Монополизация социального положения при всех вариантах социальной метаигры становится самым эффективным защитным механизмом, ограждающим занятую позицию, утверждающим социальный статус, рейтинг в системе функциональных и идеальных ценностей сообщества. Она позволяет распоряжаться ресурсами, использовать подконтрольные ей виды социальной энергии, в том числе получаемые путем дозированного и неравноценного обмена, осуществлять результативный социальный шантаж, реально развивать и эффективно симулировать элитные режимы жизнедеятельности и охраны своего общественного ареала от внешней конкуренции.

***Материалы к докладу
«Особенности изучения социальной структуры
“переходного” российского общества»***

Актуальность исследования проблем *социального расслоения современного российского общества* сегодня обусловлена высокой потребностью в прикладном, операциональном знании и дефицитностью предложения со стороны социальной теории. Изучение процессов социально-экономического и социально-политического расслоения широко ведется на базе

применения методик массовых опросов населения (например, исследования ВЦИОМ, фонда «Общественное мнение», ИСПИ РАН, ЦЭНИИ и др.), однако получаемые материалы не дают возможности широких теоретических обобщений.

С одной стороны, уникальность российского общества как объекта социологического изучения и отсутствие фундаментальных работ по стратификационному анализу переходных (транзитивных) обществ делает невозможным прямое использование известных теоретических схем. С другой стороны, только глубокое знание сформировавшихся научных подходов позволяет «изобрести велосипед» для познавательных путешествий по новой реальности путем продуктивного заимствования уже накопленного знания о развитии социальных структур.

Применение качественных методов исследования в рамках ряда отечественных научных проектов 1990-х гг. позволило разработать ряд эвристичных концептов: «рецидивирующей общественной трансформации» (Н. Ф. Наумова), «кризиса идентификации», «символических солидарностей» (В. А. Ядов), «культурной инсценировки» в формировании новых российских общностей (Л. Г. Ионин), «персонального тождества советских элит» (О. И. Шкаратан, Ю. Ю. Фигатнер), «ценностного кризиса поколений», «возрастания значимости примордиальных солидарностей» (С. Г. Климова), «насильственной маргинализации» (Е. Н. Стариков) и др. Однако эти исследования касались отдельных аспектов трансформации социальной структуры и не претендовали на целостное рассмотрение проблемы.

Более общее теоретическое рассмотрение процессов стратификации в России осуществлено в исследованиях В. О. Руквишника (динамика социального структурирования в современных обществах переходного периода), В. А. Ядова (институциональный кризис социальной структуры, многомерные модели стратификации, политеоретическое описание процессов расслоения, выявление социальных асимметрий экстермальности—интернальности и групповой—личностной идентификаций в современном развитии российской общественной структуры), Е. Н. Старикова (маргинальность, но-

вые элементы и структурные особенности переходных состояний, а также тенденции развития социальной структуры), Л. А. Беляевой, В. И. Умова (проблемы становления среднего класса в России), З. К. Голенковой (формирование гражданского общества и воспроизводство российской общественной структуры), Л. Гудкова (социологический анализ интеллигенции), М. Восленского (социальный слой номенклатуры), В. Б. Пастухова (феномен «новых русских»), В. И. Ильина, М. С. Комарова, В. В. Радаева, Р. В. Рывкиной (разработка общей теории социальной стратификации).

Изучение социальной структуры транзитивного (переходного) общества, переживающего социальную революцию (бурную групповую мобильность), является очень трудным, поскольку объект научного исследования находится в крайне неопределенном состоянии. Вместо устойчивой системы социальных позиций нужно проанализировать сжатый во времени процесс структурной трансформации российского общества.

Во-первых, сложность этого объекта обусловлена тем, что изменения социальной структуры тесно взаимосвязаны со всеми характерными (а иногда и со случайными) социальными проявлениями. Поэтому, изучая социальные структуры, мы сталкиваемся с необходимостью исследования функциональной, системной организации общества, характера конституирования различных солидарностей (групп — корпораций — общностей), социогенетических воспроизводственных кодов, закрепленных в социальных институтах и др.

Во-вторых, эта сложность связана с реальным переплетением структуроформирующих процессов микро- и макроуровня, когда идентификация, социально-символическое конструирование, функциональная и ценностно-смысловая переориентация в общественной системе не могут рассматриваться в логике обусловливания и каузальных (причинно-следственных) связей.

В-третьих, она предопределена тем, что рассматривается в первую очередь структурирование российского метасоциума, имеющего особый характер социального развития, причем в особенно нестабильный, «переходный» период, чрева-

тый рецидивами и экстремальными состояниями, коренным изменением структуроформирующих параметров.

Однако это не весь круг проблем, связанных с объектом исследования. Наряду с выявлением внутренних границ изучаемого процесса необходимо хотя бы чисто операционально определиться с внешними. Говоря об изменении структуры, о социальном расслоении общества, мы не можем не учитывать произошедшее изменение представлений о нем в результате эволюции социологического познания. С одной стороны, общемировые интегральные тенденции позволяют интерпретировать современное общество как глобальную цивилизацию, а не как локальное образование в координатах нация—территория—государство; с другой стороны, возрождение архаичных социальных общностей и его теоретическое осмысление — обоснованная альтернатива этим представлениям. Учитывая все это, мы все же исходим из априорной посылки о специфической социокультурной природе и историческом опыте общественной локализации России, позволяющей рассматривать российское сообщество как целостную и в то же время относительно обособленную социокультурную общность (общество).

И теория и практика стремятся к получению наименее искаженных представлений о содержании и логике социального расслоения в России. Ни количественный анализ, ни поиск исторических и инокультурных аналогий, ни исследование общественного мнения, ни изучение сиюминутно ломающейся социальной структуры не являются адекватными методами познания и не позволяют сформулировать эффективное операциональное знание.

Поэтому *общая проблематика исследования транзитивной российской структуры* может быть определена следующим образом:

1. Социальное структурирование в современной России — это сложное, многоаспектное социальное явление, культурный контекст которого (исторический, ориентационный) играет большую роль в его понимании.
2. Стандартные методы изучения по вышеназванным причинам малоэффективны, односторонни, а «экзотичес-

кие» недостаточно обоснованы, релятивны. Поиск синтетического метода изучения и описания стратификации является важной частью проблемы.

3. Социальную организацию современного российского общества вульгарно рассматривать как «структуру», мы свидетели бурного, масштабного, интенсивного во времени процесса социального переструктурирования, в котором сочетаются элементы разной степени динамичности, продолжительности, охвата социального пространства, качественной определенности.
4. Социальные процессы такой степени сложности требуют особой чуткости и компетентности: важно зафиксировать как можно больше разных аспектов феномена, независимо от априорно предсказанной значимости, всесторонне рассмотреть динамику включения людей в новые социальные структуры, формирования каналов мобильности.
5. Социальные порядки — «разметка» социального пространства, барьеры и каналы социальных перемещений, правила соблюдения и нарушения социальной диспозиции — устанавливаются и поддерживаются самими людьми. Это позволяет рассматривать системоформирующие социальные процессы как метаигры, символика которых является источником универсальных интерпретаций «правил», «закономерностей», «отношений» и «взаимодействий» социальных субъектов, объединенных в общество.

Когда рухнет прежнее социальное устройство, меняется ценностный мир, формируются многочисленные новые ориентиры, образцы и нормы, люди поневоле становятся маргиналами, лишенными устойчивых социальных стереотипов. Каждый выступает сам за себя, но он ищет своего другого и помогает себе и потенциальным своим, используя символику самопричисления. Это проявляется в выборе одежды, жилья, средств перемещения, профессиональных принадлежностей, предметов роскоши, предпочтении информационных каналов, проведении досуга и т. п. Мы облегчаем друг другу «видовой поиск», демонстрируя свои ценности, социальные

претензии, реальное положение и потребность в коммуникации. Особенно бурно такие процессы должны протекать в период новой дифференциации.

Представляется, что анализ символики социального расслоения в современной России позволит социологам получить нетривиальные и достаточно полноценные данные о формирующейся общественной структуре, взаимоотношениях, дистантности, степени закрытости и диспозиции различных социальных слоев, общностей и групп, а также сделать обоснованные предположения об основаниях социального расслоения и способах эффективных социальных перемещений в структуре общества.

Применение символично-игровой интерпретационной перспективы даст возможность получить ряд новых теоретических выводов относительно расслоения современного российского общества, его доминантных критериев и направлений. Разрабатываемые в пионерских исследованиях теоретические положения позволяет ученым существенно продвинуться в изучении структуры переходных обществ и построении специальных теорий социальной стратификации.

Материалы к докладу «Социальное управление производством»

Формирование сетевых оргструктур современных предприятий, участие работников в доходах, акционерная ответственность, кружки качества, демократизация производства подтверждают, что характер социальных изменений в системе современного менеджмента изменился коренным образом в направлении глубокой, всеобъемлющей *социализации*.

Качественное развитие системы управления производством стало возможным после осознания руководящими субъектами отдельных предприятий и всего национального хозяйства того, что *стабильность* — состояние обманчивое, чреватое противоречиями, временными деструкциями и кризисами. Но после кризиса структурных преобразований должен наступить либо коллапс, либо катарсис, а беспечное накаплива-

ние проблем запаздывающей технической модернизации, как уже не раз случалось в российской истории, приводит общество к критическому порогу развития, вызывая необходимость тотальной *социальной мобилизации*.

Насколько связан мировой этап постиндустриального развития с причинами постсоветской «перестройки» экономической и общественной системы, предстоит выяснить специалистам в этой области. Но то, что хроническое и потому углубляющееся технологическое запаздывание сделало отечественное производство в массе своей неконкурентоспособным еще в относительно стабильные времена, не подлежит сомнению.

Стремясь избежать малых (локальных) организационных кризисов, связанных с внедрением технических инноваций, и поощряя их только в наукоемких сферах военно-промышленного комплекса, субъекты экономического и хозяйственного управления на высшем и среднем уровнях фактически приближали большой, всеобъемлющий кризис социальной системы, который охватил все пласты общественной жизни далеко за пределами производства и неразвитого потребительского рынка. Причиной тому стала не только субъективная профессиональная близорукость отечественных руководителей производства, но и объективная структура созданного десятилетия назад механизма разработки и внедрения технических инноваций, ригидность которой оказалась в рыночную эпоху неоспоримой.

Мощный научно-технический потенциал страны, имевшей статус мировой сверхдержавы, оказался блокирован в результате действия двух важнейших причин, обусловленных недостатками управленческого предвидения. Одной явился ведомственный монополизм и присущие ему информационно-коммуникативные ограничения, что не позволяло широко распространять технические новации. Другой причиной стал абсурдный технократизм социального управления, когда ресурсы общества пополняли материально-технический базис производства и весьма скудно использовались для обеспечения качественного *воспроизводства жизни*, в результате чего хирел энтузиазм и заметно снижалась экономическая отдача

основного фактора производства и источника любых инноваций, которым является «человеческий капитал».

Руководители производства, так и не ставшие «менеджерами»¹, зачастую игнорируют простые истины современных правил достижения эффективного социально-экономического развития. Одно из них гласит, что технический успех превращается в коммерческий, когда учтены все социально-культурные особенности и контексты развития производства:

- потребности людей, обеспечивающих создание продукта или услуги;
- потребности людей, потенциально нуждающихся в предлагаемом товаре.

А для этого надо виртуозно использовать обширную информацию о *побудительных мотивах* работников и потребителей результатов производства.

Обществам, которые вырвались в новое пространство социального саморазвития благодаря использованию потенциала инновационного менеджмента, помогла «новая философия управления, исходящая из посылки о наивысшей ценности в производстве “человеческого фактора”, что позволит преодолеть отчуждение, развязать инициативу и высвободить творческий потенциал людей»². Новая философия менеджмента очень нужна современной России, где даже управленцы высшего ранга до сих пор ищут ответы на трудные вопросы затянувшегося экономического кризиса в зарубежных кредитах, инвестициях, налоговых сборах, а не в качестве социального управления, собственном неумении создать организационно-правовые механизмы, чтобы действительно заинтересовать массы талантливых и предприимчивых людей, миллионы которых трудолюбивы, патриотичны и готовы строить новое будущее в собственной стране — вместе с ответственными политиками и менеджерами.

¹ *Гладких Н.* Почему слово «менеджмент» не переводится на русский язык? // Экономика и организация промышленного производства. 1996. № 4.

² *Тарасова Н. Н.* От приказа к мотивации: Новые принципы управления в США // Политические исследования. 1993. № 2. С. 181.

Информационная и маркетинговая необеспеченность нововведений, столь характерная для отечественного типа экономического развития, и сегодня является главной организационной препоной реализации антикризисного управления.

Информатизационное обеспечение — в широком, общепhilosophическом, и в узком, производственно-техническом смысле — стало стратегическим элементом организации современного управления, игнорировать который не просто недальновидно, а социально опасно. Но «недостаточное внимание к информатизации — ситуация не новая, она имеет у нас, к сожалению, весьма устойчивые традиции... Результаты такого положения отнюдь не сводятся лишь к снижению эффективности управленческого аппарата при увеличении издержек на его содержание. Еще более чувствительны происходящие в значительной степени по этой причине многообразные нарушения в развитии и функционировании производства...»¹. Иными словами, субъект управления должен обладать всеобъемлющей информацией обо всех факторах, социально-психологических составляющих и общественных контекстах, которые обуславливают актуальные состояния социальной системы и перспективы ее развития. В противном случае неучтенные изменения могут накапливаться и в конце концов проявить себя в экономическом или социальном кризисе.

Наука социального управления выделяет в этом смысле два типа ориентации менеджеров. В «менеджерской сетке» — системе ключевых принципов подхода к управлению — выделяются такие важнейшие составляющие, как *отношение к производству* и *отношение к людям*. «Внимание к производству означает концентрацию усилий менеджера на формировании успешных идей, объеме продаж, качестве обслуживания, реализации решений вышестоящего руководства и т. п., внимание к людям предполагает создание творческой атмосферы: привлечение персонала к участию в принятии решений,

¹ Лапшин Ю., Модин А. Информатизация управления рыночной экономикой // Российский экономический журнал. 1992. № 2. С. 32.

обеспечение справедливой системы оплаты и т. д.»¹ Функциональный менеджмент (управление на основе задач) и клубный менеджмент (управление на основе взаимоотношений) по своему односторонни. Первый позволяет технически обновлять производство, но игнорирует социальную мотивацию труда, второй, напротив, удовлетворяет интересы работников и избегает психологически болезненной для людей инноватики.

Ограниченность подобной установки менеджеров преодолевается в современных моделях *управления группой* и в использовании многоканальной системы поступления всей значимой социально-экономической информации, которая позволяет прогнозировать развитие производства и избегать кризисных ситуаций самого разного порядка. «Сейчас в действиях ведущих фирм все более явственно просматривается стратегия упреждения. Действительно, гораздо разумнее предусмотреть кризис и ввести в поведение системы ...новшества. Менеджеров, которые могут предвидеть кризис, предложить систему мер по минимизации ущерба от него и претворить эти меры в жизнь, целесообразно считать инновационными менеджерами»².

Новелла об организации производства

Развитие современного общества характеризуется глубокими динамичными переменами системного характера. Меняются государственные, политические и экономические формы, внедряются новые социальные и производственные технологии. Все эти процессы существенно повышают значимость управления в сложно организованных социальных системах.

В мире произошли значительные изменения качества рабочей силы и структуры совокупного труда. Теперь управленцы сталкиваются не с малообразованными послушными исполнителями, а преимущественно со специалистами. Современное производство по своему технологическому строю предпола-

¹ Социальное управление: Словарь / Под ред. В. И. Добренкова, И. М. Слепенкова. М., 1994. С. 83.

² Вишняков Я., Гебхардт П., Кирсанов К. Инновационный менеджмент // Российский экономический журнал. 1993. № 10. С. 75.

ет широкое использование квалифицированного профессионального труда, поэтому современные менеджеры руководят работниками, которые способны оценивать управленческие решения и творчески влиять на их реализацию. Изменился и состав работников: если раньше в нем преобладали крестьяне, рабочие и сервисные служащие, то в современной экономике основными профессиональными группами становятся «управляющие и специалисты»¹, противоречия между которыми и определяют динамику практически любой организации.

Иными словами, большие перемены в социальном объекте управления предполагают необходимость изменения типа и характера современного производственного менеджмента². А это процесс сложный, и его особенности недостаточно изучены.

Особую роль приобретает производственный менеджмент в период преобразования принципов организации национальной экономики и проведения рыночных реформ в российском обществе. Изменение структуры производства, характера экономических связей, макроэкономические дисфункции и общий финансовый дисбаланс, революция собственности и системы потребления создают мощный фон неопределенности и дезорганизации в развитии российских предприятий. А разрушение системы государственных гарантий и выполнения взаимных обязательств приводит к дроблению общего экономического пространства, когда каждый регион и каждый производитель вынуждены использовать собственные антикризисные управленческие стратегии.

Таким образом, коренная трансформация социально-экономической системы требует специального научно-управленческого обеспечения российских реформ и глубокой теоретической разработки:

¹ Хруцкий В. Реферат статьи Питера Друкера «Труд и управление в современном мире» и послесловие к нему // Российский экономический журнал. 1993. № 5. С. 67.

² Дзыбов К. М., Мостовая И. В. Инновационный менеджмент в современном производстве: Путь развития социальных технологий. Ростов н/Д., 1997.

- проблем управляемости процесса реформирования и оптимизации социальной цены реформ;
- вопросов формирования «маркетингового» качества управления, т. е. изменения культуры и технологических приемов менеджмента;
- задач внедрения управленческих нововведений с целью радикального влияния на качество производства.

Существенные особенности развития современного производства привели к изменению всей философии управления и к практической переориентации менеджмента. Анализируя эти процессы, можно выделить важнейшие особенности новых подходов к организации производства:

- 1) *информатизация* современного менеджмента как реакция на сложные технологические, экономические, потребительские и социально-конъюнктурные изменения;
- 2) *социализация* систем производственного управления на основе широкого внедрения принципов корпоративности и клиентальности;
- 3) *инноватизация* менеджмента с учетом развития эвристики, психологии нововведений, прогностики;
- 4) *экологизация* управления производством в направлении использования антикризисных стратегий регулирования, перехода от технократического к социократическому управленческому мышлению, учета влияния культурных составляющих среды.

На многих предприятиях сегодня появляются специальные отделы по связям с общественностью, поскольку производственная и маркетинговая политика отдельных фирм, конечный успех их деятельности в значительной мере обусловлены характером общественного мнения относительно продукции и самого производства.

Иными словами, процессы развития современного менеджмента по своему содержанию таковы, что не могут не заинтересовать социолога или социального философа: администрирование и руководство превращаются в подлинный процесс управления *людьми*, а не *ресурсами*, и должно быть осмысле-

но с позиций соответствия групповых ценностей, потребностей и возможности реализации сотрудничества (ассоциации).

В связи с этим специалисты особое внимание уделяют изучению вопроса о том, что собой представляют организационные формы управления современным производством. Однако наиболее актуальной является проблема исследования управленческих технологий и организационных принципов внедрения инноваций, построенных на новом типе социального взаимодействия. Она имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, в частности, для современного российского развития.

Качество социального управления «человеческим капиталом» как основным национальным ресурсом может стать важнейшим фактором успешных рыночных изменений и обеспечения эффективности (конкурентоспособности) современного российского производства.

Основные принципы инновационного менеджмента в производственной сфере могут быть логически разделены на четыре группы, имеющие характер:

- *валеологический* (превентивный, антикризисный, социально экологичный);
- *коммуникативный* (информационный, культуральный, социально-реактивный);
- *синергетический* (инновационный, эвристичный, поисковый, вероятностный);
- *социократический* (человекоцентрированный, клиентальный, солидарностный) характер.

Инновационный производственный менеджмент сегодня реализуется в противоречивой системе взаимодействия с традиционным и бюрократическим управлением, что характеризует переход от модели «руководства» к «координации» и от «технократического» управленческого стиля мышления к современному «социократическому». Потребность в антикризисной управленческой инноватике особенно остра в российском производстве, где происходят застойные и деградационные процессы изменения социальной организации: снижаются статусы кадровых профессиональных групп внутри трудового кол-

лектива, рабочая сила перераспределяется из основного производства в непроеизводственную сферу, уменьшается доля квалифицированного труда, развивается скрытая безработица, что может быть преодолено только посредством реализации *нетривиальных* социально-управленческих стратегий.

Становление инновационного социального менеджмента в российском производстве связано с формированием новой культуры управленческого мышления, с ростом профессионализма менеджеров, что повышает значимость системы образования и переподготовки отечественных управленцев посредством изучения и внедрения передового мирового опыта. Российское общество, которое сравнительно недавно стало на путь социально-экономических реформ, сегодня столкнулось с осознанием такой проблемы, как «качество социального управления»¹. На всех уровнях государственной и экономической структуры ощущается острый дефицит руководителей, способных успешно преодолевать кризисные ситуации, находить нетривиальные решения, видеть в своих подчиненных союзников, заинтересовывать их в успехе общего дела — восстановлении производства, реформировании организаций и социальных институтов. Управление, по сути, является той точкой опоры, которая определяет успех или провал новых начинаний.

Но не одного только российского общества коснулись масштабные социальные кризисы, изменяющие философию и логику управления. Всего несколько поколений назад Россия успешно решила задачу технологической (индустриальной) и социальной (социалистической) модернизации посредством создания *административно-командной системы*, которая удерживала общественное развитие в определенных организационных параметрах достаточно долго. Примерно в это же время американские теоретики управления разрабатывали новую организационную идеологию, которая во главу угла поставила не *порядок*, а *качество* и перенесла акценты управленческой деятельности в область человеческих отноше-

¹ Дзыбов К. М., Мостовая И. В. Инновационное управление: Эволюция социальных идей Ростов н/Д., 1996.

ний, а не технико-экономических пропорций. Так возник современный менеджмент.

Социальное наполнение менеджмента, его особые управленческие принципы и приемы, построенные на мотивации, профессионализации и организации эффективного коллективного взаимодействия позволили не только обеспечить взлет национального производства многих развитых стран, но и внедрить новые модели управления в другие сферы общественной жизни. Сегодня в среде теоретиков и профессиональных управленцев всего мира сформировалось ясное представление о том, что «управление — атрибут не только собственно производства. Оно представляет собой неотъемлемую часть любой человеческой деятельности, которая в той или иной мере нуждается в управлении, чтобы задействовать знания и способности людей. В нем нуждаются больницы и университеты, церкви и агентства социального обеспечения»¹.

Современное общество характеризуется бурным развитием непродуцированной сферы, изменением структуры и технологического строя производства, профессионализацией рабочей силы и существенными изменениями в системе социально-экономических институтов (собственности, финансов, потребления и др.). Эти объективные условия, а также конкуренция между разными производителями внутри национальных экономик и на международном рынке требуют нового, более изощренного подхода к управлению производством.

Современное производство радикально отличается от образа, приписанного ему социально-философскими построениями индустриального века. Основные параметры, которые мы привычно анализируем — технология, труд, собственность и управление — сегодня существенно изменились. Причем важнейшие особенности современного производства специалисты видят не в развитии НТР или транснациональных корпораций, а в изменениях социальной организации, которые имеют поистине революционный характер.

¹ Хруцкий В. Реферат статьи Питера Друкера «Труд и управление в современном мире» и послесловие к нему // Российский экономический журнал. С. 69.

Еще два десятилетия назад в большинстве стран с развитой индустриальной технологией и высоким уровнем жизни господствовала технократическая философия и практика управления производством. Считалось, что задачи экономического развития и проблемы конкуренции можно эффективно решать с помощью внедрения передовой техники и технологии. Внимание предпринимателей и научных специалистов было приковано к проблемам технологических инноваций, которые рассматривались как своеобразная экономическая панацея. Казалось, что разработка и внедрение технических новшеств будет обеспечивать и рост качества продукции, и повышение производительности. Однако лидеры освоения новых технологий довольно быстро оказались в очень разных ситуациях. Исследователи отмечали, что «производительность труда в США носит летаргический характер, в то время как Япония, Германия продолжают демонстрировать высокие темпы ее роста»¹. И эксперты объяснили причину: роботизация и компьютеризация производства не обеспечивает качества и эффективности в отсутствие компетентного руководства.

Более того, глобальные процессы мирового экономического развития в последние десятилетия показали, что национальное производство может очень успешно развиваться и соперничать с мировыми экономическими центрами даже в тех странах, которые по всем теоретическим канонам никак не могли вырваться на столь высокий уровень, поскольку характеризовались низкими издержками на рабочую силу. Однако «очень быстро эти страны начали конкурировать, причем едва ли не во всех отраслях промышленности, с высокоразвитыми странами (оставаясь государствами с низкой стоимостью рабочей силы)»². И их успех тем более значителен, что аналитики отмечают процесс формирования новых

¹ Тарасова Н. Н. От приказа к мотивации: Новые принципы управления в США // Политические исследования. 1993. № 2. С. 179.

² Хруцкий В. Реферат статьи Питера Друкера «Труд и управление в современном мире» и послесловие к нему // Российский экономический журнал. С. 69.

центров мировой экономики, которые складываются в тихоокеанском поясе «молодых драконов» — динамичных новоазиатских стран.

Многими эти удивительные и такие «несообразные» с привычными представлениями результаты были восприняты в лучшем случае как парадокс. Но специалисты в области управленческой инноватики и социотехники не ограничивались одной негативной констатацией факта, что технические нововведения не срабатывают. Они искали истинные причины, и нашли ответы на эти поставленные жизнью задачи. «Ключ к решению означенных задач — в особой, единой системе управления производством и рабочей силой. Именно последняя сегодня становится детерминантов конкурентоспособности. Тем более, что и сам процесс перехода к использованию информационной техники и технологии несовместим с пренебрежением к социальному, организационному и политическому контексту ее внедрения и функционирования»¹.

Стратегическое инновационное управление производством сегодня становится важнейшей частью национального достояния любой страны. Американский бизнес пришел к этому выводу, исправляя последствия «ресурсной ошибки»: *в новой социальной ситуации нужно делать ставку не на технику и даже не на труд, а на людей и их побудительные мотивы.*

***Материалы к докладу
«Социально-культурные факторы современного
управления»***

Эффективное управление построено на предвидении, поэтому-то японская философия менеджмента оказалась той чудодейственной интенцией, которая произвела на свет «экономическое чудо» и продолжает поражать прагматичный западный мир победами «корпоративного духа» (именно так

¹ Тарасова Н. Н. От приказа к мотивации: Новые принципы управления в США // Политические исследования. 1993. № 2. С. 179—180.

обозначен расхожий стереотип относительно причин японских успехов на мировом рынке). Однако воодушевление никогда в социальной практике не давало столь устойчивого результата, поэтому рассмотрим, на что же опирался американский и японский опыт организации производства.

В течение XX в. развитие лидера мировой индустрии — американской промышленной системы — базировалось на принципах технократической философии управления, разработанных Р. Тейлором и уточненных Г. Фордом. Их идеи строились на затратном, факторном, подходе и вполне соответствовали природе строения конвейерного производства. Предприятия в этот период выпускали стандартную массовую (многотиражную) продукцию, и менеджеры обеспечивали ее удешевление за счет повышения производительности труда путем гениально разработанной «живой роботизации» операций.

Эффективность достигалась за счет виртуозного сочетания «ресурсов» и организованного взаимодействия «функций». С одной стороны, дробление трудовых операций на простые стандартные действия позволяло жестко организовать производство как единый отлаженный механизм, в котором все детали работают четко и могут быть быстро заменены. Конвейер действительно был абсолютно подконтрольным объектом управления, а иерархическая структура подчинения и авторитарный стиль руководства производством давали свои экономические плоды. С другой стороны, работники в такой системе и эксплуатировались, и чувствовали себя как обезчелоченный «ресурс», поскольку конвейерное производство именно в силу своей идеально отлаженной организации востребовало не таланты и способности, а физическую силу и выносливость, выводя истинно человеческие проявления за скобки производства. Да и стандартная система оплаты труда никак не стимулировала инициативу и заинтересованность рабочих в результатах труда. Такая социальная организация, которая, по сути, выхолащивала все человеческое из трудового процесса, конечно же, обусловила изначально конфликтный характер подобной производственной системы и породила многочисленные конфронтации: противостояние собственников и профсоюзов, рабочих и менеджеров.

Дегуманизация философии и практики менеджмента, произошедшая в начале века, на долгие десятилетия определила специфику социальных противоречий производственной организации Соединенных Штатов Америки, не изжитую, как подтверждают специалисты, до сих пор, несмотря на успешное распространение социально-технических подходов к управлению производством. Японцы же, вступившие на путь мировой экономической конкуренции всего полвека назад, в соответствии с логикой национального мировоззрения внимательно присмотрелись к будущим соперникам и сделали выводы, которые экономический идеолог и основатель фирмы «Панасоник» Р. Мацусита сформулировал примерно так: «Мы выиграем в конкурентной борьбе, а индустриальные страны Запада проиграют. Причина поражения коренится в них самих, ибо их компании построены и функционируют по Тейлору, когда менеджеры думают, а рабочие закручивают гайки». Японцы сэкономили необходимую энергию на предотвращении конфронтации, которую порождает технологически эффективная, но социально отчуждающая модель организации производства и реализовали на своих предприятиях во всем мире (т. е. не только среди рабочих-японцев) модель сотрудничества. «Социальная» технология оказалась более экономичной.

Интересно, что этот заочный спор столь разных идеологий организации велся вначале безотносительно к анализу глубоких технологических, квалификационных и социально-культурных изменений, происходящих в обществах современного типа. Он касался фундаментальной проблемы «первичных» условий общественного производства: идея или орудие, техника или человек, контроль или мотивация. Восток выбрал свое, а Запад — свое. И система, эксплуатирующая «природу человека» (его мотивы, желания и потребности), стала соперничать с системой, опирающейся на «технологии» (новые научные результаты, технические решения).

Не только короткий, но и длинный путь приводит к истине, если он серьезно осмыслен. А анализ современной практики социального менеджмента в производстве показывает, что Запад постепенно, преодолевая многочисленные соци-

альные препятствия и стереотипы некогда прогрессивного управленческого мышления приходит туда же, куда и Восток: ведь сегодня все меньше менеджеров, которые считают, что «работник играет роль заменяемой детали, его человеческие характеристики (интересы, потребности, способности, творческий потенциал и пр.) не имеют принципиального смысла», а «такие понятия, как простор для индивидуальной деятельности, права человека на работе, доверие, сотрудничество, личное достоинство и совершенствование... несовместимы с эффективным бизнесом»¹. Молодая техногенная цивилизация приходит к этому выводу, переживая опыт отставания и рационалистически исследуя объективные, материальные причины своего неожиданного, но неоспоримого поражения. Японцы опережают американцев отнюдь не во всех сферах производства, но они более успешно действуют в таких ключевых областях, как химия, электромашиностроение, производство транспортного оборудования, а также в сфере финансов и страхования.

Ставку на развитие высокотехнологичных отраслей производства и на эффективные управленческие инновации делают не только японские корпорации, но и производственный бизнес многих стран Европы и Азии. Поэтому, как образно замечают специалисты по американскому менеджменту, «если США не смогут своевременно разработать эффективные меры для сохранения лидирующих позиций, американская лягушка погибнет в закипающей воде»² мировой конкуренции.

Изучая феномен японского экономического чуда и сравнивая экономическую динамику сменяющих друг друга лидеров мирового производства — Великобритании, Германии и США — один из патриархов управленческой науки П. Друкер делает два концептуальных вывода: в индустриальную эпоху, т. е. в прошлом, как подразумевает исследователь, «лидирующие позиции страны в мировой экономике зависели от первенства

¹ Тарасова Н. Н. От приказа к мотивации: Новые принципы управления в США // Политические исследования. С. 180.

² Грейсон Дж., О'Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века. М., 1991. С. 103.

в технике и технологии»¹. А «одна из самых мощных в экономическом отношении держав текущего столетия — Япония — не обнаружила приоритетных позиций ни в одной области науки и техники, не показала решающего технологического превосходства ни в одной производственной отрасли. Своими достижениями Япония обязана исключительно первенству в сфере управления. Эта страна лучше всех усвоила урок американского менеджмента времен второй мировой войны: относиться к людям следует как к ценнейшему ресурсу, капиталу, требующему первоочередного внимания, а не как к издержкам производства... Японцы лучше всех научились впитывать и практически использовать последние достижения мировой управленческой мысли, раньше других уловили то, что технология и управление в своем единстве — радикальный, главный фактор современного экономического прогресса»².

Строго говоря, этот второй вывод — о приоритетной значимости управления (и именно *социального* управления) в развитии общественного и экономического прогресса на современном этапе — имеет фундаментальное значение для социального анализа и философского осмысления динамики нашей эпохи и тех возможностей, которые могут быть использованы в том числе в процессе преобразований российского общества.

Итак, инновационное социальное управление производством, принципиально новое по типу субъектного строения и взаимодействия в системе, приобретает совершенно особую, *демиургическую* роль, изменяя до неузнаваемости экономический и социокультурный облик отдельных обществ. Но если новые лидеры мировой экономики априорно были сосредоточены на задачах внедрения социотехники управления и получили от этого блестящий результат, то давно сложившиеся индустриальные гиганты в своей организационной эволюции лишь вынуждено реагировали на происходящие объек-

¹ Хруцкий В. Реферат статьи Питера Друкера «Труд и управление в современном мире» и послесловие к нему // Российский экономический журнал. 1993. № 5. С. 70.

² Там же.

тивные изменения в самой системе современного производства. И это привело к существенному запаздыванию в институционализации гуманистических форм менеджмента.

Производство как объект управления стало существенно трансформироваться в первую очередь под влиянием технических новшеств, развития НТР и информатизации производства. Техника в западной цивилизации последние три столетия имела приоритетное значение, и ее совершенствование рассматривалось как главный фактор обеспечения прогресса в производстве. Но внедрение новой техники и технологий привело к масштабным изменениям в структуре основных факторов производства и предъявило совершенно новые требования к содержанию и качеству трудовой деятельности.

С одной стороны, техническая насыщенность современного производства способствовала тому, что доля оплаты труда в структуре издержек производства снизилась с 80% до примерно 10%, что, казалось бы, должно было нивелировать прежнюю роль живого труда. С другой стороны, новый технико-технологический базис потребовал отказа от «частичного» работника конвейерного производства, поскольку неизмеримо поднялась квалификационная и творческая планка труда. Сложные дорогие машины взяли на себя выполнение рутинных функций, но контроль за действующей техникой и разработку усовершенствований должны были осуществлять люди со значительно более высоким уровнем трудовой культуры, образованности, профессионализма и — что является самым главным — *заинтересованности* в результатах производства.

Необходимость в создании принципиально новых механизмов управленческой мотивации работников привело в конечном счете к использованию систем участия в прибылях, развитию акционерной собственности, собственности пенсионных фондов работников, появлению кружков качества, других форм опосредованного и прямого стимулирования заинтересованного и ответственного труда.

Изменение технологического строя современного производства привело и к объективному повышению автономности труда, а также к изменению функционального статуса работников, которые выполняют преимущественно контрольные

и регулирующие операции по отношению к действующей технике. «Компьютеризация труда, при всей неравномерности по охвату отраслей и секторов и по ее техническому уровню (так, системы искусственного интеллекта, включая визуализацию проектирования, пока в начальной стадии), создает качественно иной труд — более интеллектуальный, опосредованный (отдаленный от его физических объектов) и абстрактный (работа с информационными символами).

С внедрением мехатроники непосредственное производство с помощью рук, инструментов, традиционных станков сменяется функциями контроля, поддержания, корректировки, т. е. *обеспечения* производства, требующими высокой включенности работника в производственный процесс, внимательности, точности, регулярной диагностики. В этом менее «вещественном» и менее измеримом труде меняются формы его производительной отдачи, ее количественные показатели дополняются качественными (вмешательство в процесс, предупреждение сбоев) и чаще соотносятся с конечными общеорганизационными результатами¹. При этом чрезвычайно важным, и не всегда анализируемым аспектом является изменение социократической структуры современного производства.

Поскольку технизация труда фактически превращает работника в управляющего, который оперирует сложными и умными машинами, и освобождает его от рутинных функций для выполнения творческой, эвристичной деятельности, она фактически переворачивает сложившиеся отношения господства техники над человеком. Организационные и психологические факторы повышения автономии труда способствуют изменению социального статуса современного работника и раскрепощению бывших «исполнителей» в структуре отношений социально-экономического господства в производстве.

Результаты новой организации труда сказываются как на макро-, так и на микроуровне. Национальные экономики, широко использующие социотехнические и корпоративные

¹ Вильховченко Э. Новое в культуре труда, производства, компании // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 12. С. 83.

принципы менеджмента, лидируют на мировом рынке высокотехнологичного производства, а исследования индивидуальной производительности в новых производственных системах показывают, что она значительно выше общей производительности. Это говорит о том, что человеческий, личный вклад заинтересованного работника в современное производство значительно возрос.

Соответственно вкладу изменяется и социальный статус, а особенно заметно трансформировалась профессиональная структура совокупного труда в современной экономике. Специальные исследования показывают, что наемные работники в массе своей обладают гораздо большей автономией в выполнении производственных функций, чем десятилетие назад, и это связано с переориентацией современного производства на труд квалифицированных специалистов. «Профессиональная судьба производственных рабочих, “синих воротничков”, сродни судьбе фермерства. В противоположность бурному росту в начале века сегодня их количество и доля в общем объеме занятых резко снижаются. Если в середине 80-х годов удельный вес промышленных рабочих в общей численности занятых в США составлял 18%, то к концу столетия он вряд ли превысит 10%, тогда как объем производства американской промышленности до конца столетия возрастет минимум в 1,5 раза. А самой многочисленной профессиональной группой ныне, согласно статистике Бюро переписей США, является категория “управляющие и специалисты” — более 1/3 всех занятых»¹.

Изменения в современном труде и производстве носят качественный характер. Они заметны на отдельных предприятиях и отражаются даже на расстановке экономических сил в мире. Так, если в начале нынешнего века развивающиеся страны были сырьевым придатком индустрии Запада, сегодня высокоразвитые державы вполне могут обойтись без этих

¹ Хруцкий В. Реферат статьи Питера Друкера «Труд и управление в современном мире» и послесловие к нему // Российский экономический журнал. С. 67.

ресурсов, исключая нефть, поскольку выпускают избыток продовольствия и 3/4 мировых товаров и услуг. В связи с этим у многих крупных стран, таких как Китай, Индия, а сейчас и Россия, возникают специфические проблемы экономического развития, поскольку в условиях жесточайшей конкуренции со стороны лидеров мирового производства нет шансов повысить свою экономическую мощь, избегая структурной перестройки национального производства и внедрения прогрессивных технологий социального управления.

Реализация новой философии менеджмента означает прежде всего развитие и совершенствование производственной демократии, децентрализацию управления и формирование системы эффективного сотрудничества работников и менеджеров. Ведь труд для современных людей превращается из средства выживания в способ саморазвития и самоутверждения.

КЛАССИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Адорно Теодор (1903—1969) — немецкий философ, социолог, один из ведущих представителей франкфуртской школы. В работе Адорно «Диалектика просвещения» (совместно с Хоркхаймером) дается программное изложение социальной философии неомарксизма и его своеобразной философии истории, в свете которой эволюция человечества выступает в качестве истории «неудавшейся цивилизации» — усугубляющегося «отчуждения», вызванного изначальным конфликтом разума и природы. В противоположность гегелевскому пониманию мировой истории, в «Диалектике просвещения» история предстает как усугубляющееся безумие (утрата разума по причине противостояния природе) и утрата индивидуальной свободы. Адорно и его сотрудниками было проведено социологическое и психоаналитическое исследование разных типов личности с точки зрения предрасположенности к принятию «демократического» или «авторитарного» руководства. В ряде работ Адорно выступил с критикой феноменологии и неопозитивизма.

Основные труды: «Диалектика просвещения» (совместно с Хоркхаймером, 1948), «Авторитарная личность» (коллективная монография, 1950).

Арон Раймон (1905—1983) — французский социолог и публицист. Арон — один из создателей теории единого индустриального общества. Ссылаясь на предсказания большой индустрии и на теорию Конта об универсальном индустриальном обществе, он утверждал, что в процессе промышленного строительства выкристаллизовывается единый тип общества, а советская и западная системы являются лишь его разновидностями, хотя имеют некоторые формальные различия. Арон рассматривал объект социального исследования как производное от субъективных моментов (мотивация, ценностные ориентации субъектов действия, точка зрения исследователя). Он предлагал этот подход как новую, «неиде-

ологическую» теорию общества, так как она изучает «то, что есть в действительности». Арон внес значительный вклад в разработку концепции деидеологизации.

Труд на русском языке, рекомендуемый для чтения:

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.

Белл Даниел (р. 1919) — американский социолог, специалист в области истории общественной мысли, политических течений и социального прогнозирования. Благодаря разработанной им концепции постиндустриального общества, Белл стал ведущим представителем социального прогнозирования на Западе и приобрел значительное влияние на интеллектуальную жизнь и общественное мнение США, изображая будущее человечества с позиций умеренного технологического детерминизма. Согласно этой концепции, научно-техническая революция делает излишней революцию социальную. Для эволюции взглядов Белла характерно, что постиндустриальное общество, первоначально изображавшееся как технократическая утопия, постепенно превращается у него в новую стадию антагонистического общества, увековечивающего конфликты между управляющими и управляемыми. Белл — один из наиболее видных представителей американского неоконсерватизма.

Основные труды: «Конец идеологии» (1960), «Грядущее постиндустриальное общество» (1978), «Культурные противоречия капитализма» (1976).

Бергер Питер Людвиг (р. 1929) — американский социолог, ведущий представитель феноменологической социологии знания, видный идеолог неоконсерватизма. Социология знания Бергера в значительной степени обусловлена феноменологической социологией Шюца, символическим интеракционизмом Д. Г. Мида, а также социологической традицией Дюркгейма и Вебера. Главные работы Бергера посвящены разработке феноменологической социологии знания, социологии религии, теории модернизации и развития стран «третьего мира». В работе «Введение в социологию» Бергер показал взаимосвязь между «человеком в обществе» и «обществом в человеке». Впоследствии идеи этой книги использовались Бергером при разработке (совместно с Лукманом) фе-

номенологической социологии знания. Занимаясь социологией религии, Бергер стремится показать взаимосвязь между религией и конструированием человеком социальной реальности, проследить процесс секуляризации в исторической перспективе, понять роль и значение религии в современном мире. Единственным выходом из кризиса секуляризма (безрелигиозности современного мира) Бергер считает индуктивный подход к интерпретации религиозной истинности. Он представляет собой историко-феноменологический метод исследования религиозных феноменов (отправным пунктом метода является человеческий опыт, а не божественное откровение, а цель его — поиски сущности христианства). В результате контакта с «третьим миром» Бергер пришел к выводу о необходимости диалога с различными религиями.

В разработанной им теории модернизации Бергер доказывает, что капитализм и модернизация являются благом для стран «третьего мира» (при этом он осуждает модернизацию Китая времен «культурной революции» и Бразилии в 1960—1970 гг.; обе эти модели модернизации, проведенные в рамках социалистической и капиталистической идеологии, он считал неприемлемыми из-за колоссального количества жертв).

Основные труды: «Введение в социологию» (1963), «Священная завеса» (1967), «Слухи об ангелах» (1969), «Пирамиды жертв» (1975), «Капиталистическая революция» (1986).

Труд на русском языке, рекомендуемый для чтения:

Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

Бурдьё Пьер (р. 1930) — французский социолог. Социология Бурдьё сформировалась под влиянием К. Маркса, М. Вебера. Основными понятиями его социологической теории являются: «поле», «habitus», «символическое насилие», «незнание». По Бурдьё, общество — это совокупность отношений, складывающихся в различные поля, каждое из которых имеет специфические типы власти. Habitus — это структурированное социальное отношение; habitus, структурируя восприятие, мышление и поведение, воспроизводит социально-культурные правила, стили жизни разных социальных групп. Символическое насилие — необходимая функция власти (власть осуществляет символическое насилие, навязывая свою

систему значений и иерархию ценностей). Легитимность власти предполагает незнание, бессознательное принятие людьми господствующих ценностей и установок. (Согласно Бурдье, незнание есть искаженное и мистифицированное знание.) Структурная мистификация включает в себя механизмы мистификации, не осознающиеся самими субъектами, поэтому свобода субъекта, полагает Бурдье, иллюзорна. Система его категорий должна объяснять воспроизводство оппозиции «господство—подчинение» в обществе. Социолог приходит к выводу о классовом характере культуры, искусства и образования. Согласно Бурдье, классы не только различаются положением в системе экономических отношений, но и наделены собственным стилем жизни, выражающим форму их приспособления к социальной структуре, означающего у Бурдье борьбу различных классов за власть. Господствующий класс состоит из ряда групп, представляющих экономические, политические, религиозные культуры, «капитал», стремящихся мобилизовать поле власти в собственных интересах.

Труды на русском языке, рекомендуемые для чтения:

Бурдье П. Начала. М., 1994.

Бурдье П. Социология политики. М., 1993.

Вебер Макс (1864—1920) — немецкий социолог, философ и историк. Совместно с Риккертом и Дильтеем Вебер разработывал концепцию идеальных типов — определения образов-схем, рассматриваемых как наиболее удобный способ упорядочения эмпирического материала. Концепция идеальных типов противостоит идее универсальной закономерности исторического развития и служит методологическим обоснованием плюрализма. Во всех исследованиях Вебер проводил мысль о рациональности как определяющей черте современной европейской культуры. Рациональность противостоит традиционному и харизматическому способам организации общественных отношений. Центральная проблема для Вебера — связь хозяйственной жизни общества, материальных и идеологических интересов различных социальных групп и религиозного сознания. Он рассматривал личность как основу социологического анализа. Вебер считал, что такие сложные понятия, как «капитализм», «религия» и «государство» могут быть осмыслены только на основе анализа пове-

дения индивидов. Получая достоверные знания о поведении личности в социальном контексте, исследователь может лучше понять социальное поведение различных человеческих общностей. Занимаясь изучением религии, философ выявил взаимосвязи между социальной организацией и религиозными ценностями. По Веберу, религиозные ценности могут быть мощной силой, влияющей на социальные изменения. Так, в работе «Протестантская этика и дух капитализма» он описал, как вера побуждала кальвинистов к жизни, исполненной труда и бережливости; оба эти качества способствовали развитию современного капитализма. (По Веберу, капитализм — наиболее рациональный тип хозяйствования). В политической социологии философ уделял внимание конфликту интересов различных группировок правящего класса; главный конфликт политической жизни современного государства, согласно Веберу, в борьбе между политическими партиями и бюрократическим аппаратом.

Основные труды: «Протестантская этика и дух капитализма» (1904—1905), «О категориях понимающей социологии» (1913), «История хозяйства» (1923), «Город» (1923).

Труды на русском языке, рекомендуемые для чтения:
Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

Работы М. Вебера по социологии религии и культуры. М., 1991. Вып. 1.

Данилевский Николай Яковлевич (1822—1885) — русский социолог, этнограф. Данилевский — создатель первой в истории социологи антиэволюционистской модели общественного прогресса. Взамен «произвольных систем» он предлагает «естественную систему» группировки исторических событий, учитывающую многообразие человеческой истории, исходя из определенных типов ее развития, тогда как временная классификация (по степеням и фазам изменения культуры) объявляется второстепенной. В понятие «естественной системы» включены привычные для Данилевского методы биологии, с помощью которых устанавливается однотипность структурных единиц независимо от внешних и функциональных различий. Каждое явление, в том числе и культурно-историческое, рассматривается как целостная система, некий «морфологический принцип», структурный план которого есть идеальное,

начертанное рукою промысла. Человечество, по мнению Данилевского, только отвлеченное понятие, реальными носителями исторической жизни выступают «естественные системы» — обособленные культурно-исторические типы. Главным критерием выделения типов является языковая близость, а сам культурно-исторический тип понимается как сочетание психоэтнографических, антропологических, социальных, территориальных и иных признаков. На место однолинейной исторической схемы Данилевский ставит «драму» многих культурно-исторических типов, каждый из которых образует целостный организм и переживает, подобно организму, жизненный цикл, состоящий из следующих периодов: подготовительного, или этнографического, когда складывается этнопсихическая общность (длится около 1000 лет); государственного — время политического и территориального объединения (длится около 400 лет); собственно культурного периода — периода «плодоношения», когда накопленные «культурные силы» обнаруживают себя в мощном творческом порыве (самый короткий период). Затем культура, быстро истощив свои силы, либо приходит к естественному концу, либо вступает в четвертый период, проявляющийся в двух формах — «апатии отчаяния» (древние эллины) или «апатии самодовольства» (древние китайцы и египтяне). Наряду с «полными» культурно-историческими типами Данилевский выделяет еще две группы народов. Первая — та, что в силу разных обстоятельств не сумела завершить свой жизненный цикл (перуанцы, мексиканцы). К этой же группе относится молодой славянский тип, лишь вступающий в полосу расцвета. Вторая группа народов — «бич божий», «отрицательные деятели истории», смысл существования которых состоит в разрушении культуры народов, чьи творческие силы иссякли (гунны, монголы).

Основные труды: «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому» (1869), «Дарвинизм» (т. 1—2, 1885—1889).

Дарендорф Ральф Густав (р. 1929) — немецкий социолог, публицист, идеолог современного либерализма. В полемике с Парсонсом (в частности, относительно идеи равновесия социальной системы) выдвинул в качестве центрального понятие «конфликта» как творческого начала общественной жизни (и жизни вообще), источника свободы в обществе;

упорядочение конфликта должно осуществляться с помощью научного прогнозирования и рациональной организации государственного аппарата и политической жизни. По Дарендорфу, субъектом конфликта являются не классы в марксистском их понимании (которые постепенно вырастают в бюрократизированный класс служащих), а конфликтные группы, формирующиеся на основе отношения государства и подчинения. Позднее он пришел к выводу об утрате конфликтом роли гаранта политической свободы (в прошлом эта роль, по Дарендорфу, обеспечивалась борьбой за социальное равенство). Граждане теряют интерес к политике («кризис легитимации»), а государство лишается признанных обществом средств воздействия на него («кризис эффективности»). Объявляя прогресс (без которого не может быть и политической свободы) желательной, хотя и не гарантированной целью человеческой практики, предпосылкой его Дарендорф провозглашает общественное неравенство.

Труд на русском языке, рекомендуемый для чтения:

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.

Дюркгейм Эмиль (1858—1917) — французский философ и социолог, один из основателей современной социологии. Первый профессор социологии во Франции (1887). Основное значение в своей научной деятельности Дюркгейм придавал изучению причин порядка и беспорядка в обществе. Он разработал концепцию коллективного сознания (совокупности убеждений и мнений), разделяемых всеми членами данного общества. Социальная интеграция существует, когда члены общества (или другие группы) придают важное значение его нормам и руководствуются ими в своей жизни. Когда индивид не желает следовать общим нормам, возникает аномия. Эта ситуация может возникнуть в результате любого резкого изменения социальной структуры (например, при внезапных экономических подъемах или спадах).

Многие идеи Дюркгейма сформировались на основе его знаменитого исследования проблемы самоубийства. Он установил связь между самоубийством и такими факторами, как национальность, религия, пол, возраст и даже время года. Он доказал, что количество самоубийств изменяется обратно

пропорционально социальной интеграции. Т. е. самоубийство характерно для представителей определенных групп и поэтому становится социальным явлением, или, по Дюркгейму, социальным фактом. «Чтобы объяснить социальный факт, — писал он, — мы должны выяснить его функцию в создании социального порядка». Дюркгейм обосновал принципы объективизма и эмпиризма в исследовании социальных фактов. Главное правило: «Социальные факты нужно рассматривать как вещи», — т. е. признавать их независимое от субъекта существование и исследовать их объективно, как исследуют свой предмет естественные («позитивные») науки.

Труды на русском языке, рекомендуемые для чтения:

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, назначение. М., 1995.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1996.

Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1994.

Зиммель Георг (1858—1918) — немецкий философ и социолог, основоположник формальной социологии. Предметом социологии Зиммель считал формы социального взаимодействия людей, сохраняющиеся при всех изменениях конкретного исторического содержания. При этом социальное односторонне понимается как совокупность межиндивидуальных отношений. В русле такого подхода Зиммель анализировал социальную дифференциацию, социальные формы (договор, конфликт, конкуренция, авторитет, подчинение и т. д.), отношения, возникающие в малых группах. В «Философии денег» он дал социально-психологический анализ роли денег в развитии различных отношений между людьми как предпосылки развития личности и индивидуальной свободы.

Социология конституировалась у Зиммеля как метод вычленения из всей совокупности социальных явлений особого ряда факторов — так называемых форм обобществления. За выявлением этих форм следует их упорядочение, систематизация, психологическое обоснование и описание в историческом измерении и развитии.

Основные труды: «Философия денег» (1900), «Религия» (1909), «Социальная дифференциация» (1909), «Конфликт современной культуры» (1923).

Знанецкий Флориан Витольд (1882—1958) — польско-американский философ и социолог, один из представителей гуманистического направления в социологии. Знанецкий основал Польский социологический институт (1921). Он является одним из создателей теории социального действия. Согласно Знанецкому, общество есть культурная система, состоящая из социальных, экономических, технологических и иных подсистем и изучаемая совокупностью культурных наук. Социальные системы, исследуемые социологией, он делил на четыре подсистемы: действия, отношения, личности и группы. Природа социальной системы, по Знанецкому, определяется характером социальных действий индивидов, в основе которых находятся ценности и установки. (Многие понятия и положения социологии Знанецкого были интегрированы структурным функционализмом и другими школами.)

Основной труд: «Польский крестьянин в Европе и Америке» (совместно с У. Томасом, 1918—1920);

Труды на русском языке, рекомендуемые для чтения:

Знанецкий Ф. Исходные данные социологии // Американская социологическая мысль. М., 1996.

Знанецкий Ф., Томас У. Методологические заметки // Там же.

Кистяковский Богдан Александрович (1868—1920) — российский философ, социолог и правовед. В философии Кистяковский — неокантианец, а его социология — высшее достижение неокантианской социологии в дореволюционной России. Цель социологии, по Кистяковскому, выработка «работающих» понятий — «общество», «личность», «социальное взаимодействие», «толпа», «государство», «право» и т. д. Как теоретическая наука социология призвана объяснить саму идею и способы функционирования власти в государстве. При этом Кистяковский приходит к выводу, что идея власти в полном объеме недоступна рациональному познанию и может быть осмыслена лишь методами художественно-интуитивного познания. Однако, по его мнению, для социологии достаточно констатировать, что сама идея власти и связанные с нею понятия господства и подчинения являются результатом психологического взаимодействия индивидов. Будучи сторонником «методологического плюрализма», Кистяковский счи-

тал, что в обществе одни элементы подчиняются законам причинности, другие — принципам телеологии. Обе эти сферы общества иногда функционируют независимо друг от друга, иногда пересекаются, усложняя тем самым социальную жизнь. Большую роль в «нормальном обществе» играют элементы культуры, которые превращают власть и все ее атрибуты в элементы «коллективного духа» (т. е. общественного сознания). В противном случае в обществе преобладает правовой нигилизм, чреватый социальными потрясениями. По этой причине Кистяковский критиковал попытки заменить социальные понятия понятиями нравственности.

Основные труды: «Социальные науки и право» (1916), «Общество и индивид» (1996).

Ковалевский Максим Максимович (1851—1916) — русский социолог, правовед. Метод социологии Ковалевского — сравнительно-исторический, основанный на выделении у разных народов групп, сходных по политическим, юридическим, историческим и т. п. характеристикам, рассмотрение которых позволяет выявить основные этапы развития общества в целом. Критерий выделения сходных групп он видел во внешнем сходстве анализируемых явлений, что усложняло их классификацию и выявление причин, их породивших. Стремясь преодолеть эту трудность, Ковалевский установил главную причину изменений для каждой сферы общественной жизни. В экономике — биосоциальный фактор (рост населения), в политике — экономические сдвиги, в общественной жизни — политическая практика. Таким образом, сравнительно-исторический метод позволил сделать вывод о генетическом родстве явлений, наметить общую тенденцию развития. Анализ социальных явлений на основе их происхождения Ковалевский называл «генетической социологией», с помощью которой он исследовал образование основных общественных институтов — семьи, собственности, государства. Факторы, определяющие эволюцию этих институтов, в основном биосоциального и психологического порядка. Ковалевский отстаивал положение о преходящем характере частной собственности. После поражения революции 1905 г. он обращается к анализу государства, которое понимал как расширение «замирной сферы», возникающей в результате психо-

логической склонности людей признавать над собой власть тех, кто якобы наделен магической силой управлять природой, — выдающихся личностей. Происхождение классов Ковалевский никак не связывает с государством, считая основной социальной дифференциации рост плотности населения и возникающее на этой основе разделение труда. Наиболее ярко существо его социологической концепции отразилось в понятии прогресса, вне которого нет и не может быть социологии. Взгляды Ковалевского на прогресс складывались под влиянием идей о росте «замирения» как главном признаке прогресса в учении его университетского учителя Д. И. Каченовского, теории взаимности П. Прудона и социальной динамики О. Конта. Содержание прогресса он отождествлял с расширением сферы солидарности, что считал важнейшим и универсальным социальным законом. Солидарность — норма общественной жизни, а классовая борьба — отклонение от нормы. Хотя Ковалевский и признавал революцию как способ движения вперед, но считал ее «противоестественной формой», результатом ошибок правительства.

Основные труды: «Происхождение современной демократии» (т. 1—4, 1895—1897), «Современные социологи» (1905), «Социология» (т. 1—2, 1910), «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (1939).

Конт Огюст (1798—1857) — французский философ и социолог, один из основоположников позитивизма и социологии. Конт полагал, что с помощью науки можно познать скрытые законы, управляющие всеми обществами. Такой подход он назвал сначала социальной физикой, а затем социологией (т. е. наукой об обществе). Конт стремился выработать рациональный подход к изучению общества, основу которого составили бы наблюдение и эксперимент. По Конту, такой подход, часто называемый позитивизмом, обеспечит практическую основу для нового более устойчивого общественного порядка. Социальная статика раскрывает взаимоотношения между социальными институтами. Согласно Конту, в обществе, как и в живом организме, части гармонично согласованы между собой. Но, будучи уверенным, что обществам в большей мере присуща стабильность, Конт проявлял также интерес к социальной динамике, к процессам соци-

альных изменений. Изучение социальной динамики важно, так как она способствует реформам и помогает исследовать естественные изменения, происходящие в результате распада или переустройства социальных структур. Две идеи, берущие начало в работах Конта, просматриваются в ходе развития социологии: применение научных методов для изучения общества; практическое использование науки для осуществления социальных реформ.

Основные труды: «Система позитивной политики» (1851—1854), «Курс положительной философии» (1899—1900).

Труд на русском языке, рекомендуемый для чтения:
Конт О. Дух позитивной философии. СПб, 1910.

Кули Чарлз Хортон (1864—1929) — американский социолог, социальный психолог, один из основоположников теории малых групп. Кули ввел различие первичных групп и вторичных общественных институтов. Первичные группы (семья, соседство, детские группы, местные общины) являются, по Кули, основными общественными ячейками и характеризуются интимными, личностными связями, непосредственным общением, устойчивостью и малочисленностью. Здесь происходят социализация, формирование личности, усваивающей в ходе взаимодействия основные общественные ценности и нормы, способы деятельности. Кули характеризовал личность как сумму психических реакций человека на мнение о нем окружающих людей (теория «зеркального Я»). Правильно отмечая некоторые существенные черты социализации и формирования самосознания личности, он вместе с тем неправомерно сводил их к непосредственному взаимодействию индивидов. Вторичные общественные институты (классы, нации, партии), согласно Кули, образуют социальную структуру, где складываются безличные отношения (в эти безличные отношения сформировавшийся индивид вовлечен лишь частично как носитель определенной функции). Социология Кули повлияла на развитие интеракционистских концепций, социально-психологических теорий, а также теорий, соединяющих элементы организма и интеракционизма (Чикагская школа социальной экологии).

Основные труды: «Человеческая природа и социальный порядок» (1902), «Социальная организация» (1909), «Соци-

альный процесс» (1918), «Социологическая теория и социальное исследование» (1930).

Труды на русском языке, рекомендуемые для чтения:

Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Кули Ч. Первичные группы // Там же.

Лавров Петр Лаврович (1823—1900) — русский социолог и философ. Социология, по Лаврову, теснейшим образом связана с историей. Предмет первой — формы проявления солидарности в обществе, предмет второй — прогресс смены неповторяющихся явлений. Социологическому наблюдению подлежат: 1) животные общества, в которых выработалось индивидуальное сознание; 2) существующие формы человеческого общежития; 3) общественные идеалы как основа солидарности и справедливого общества; 4) практические задачи, вытекающие из стремления личности к своим идеалам. Социолог должен практиковать субъективный метод (стать на место страждущих членов общества, а не беспристрастного постороннего наблюдателя). Понимание общества воплощено в теории прогресса. Лавров считал, что ведущей силой, «органом прогресса является личность, характеризующаяся критическим сознанием, стремлением к изменению застывших общественных форм». В качестве побудительных причин деятельности человека он называет обычай, аффекты, интересы и убеждения. С возникновением критических личностей начинается историческая жизнь человечества. Лавров намечает следующие фазы борьбы за прогресс в обществе: появление отдельных провозвестников новых идей; открытое выступление против царящего зла героических одиночек — эпоха мученичества и жертв; организация партий, позволяющих одиноким критически мыслящим личностям превратиться в реальную силу путем привлечения на свою сторону «неизбежного союзника», «реальной почвы партии» — широких народных масс. С 80-х гг., отойдя от крайностей субъективной социологии, Лавров начинает рассматривать личность членом «коллективного организма». В связи с этим меняется и трактовка социального прогресса, понимаемого не только как результат деятельности критически мыслящей личности, но и как «усиление и расширение общественной солидарности», достижение которой во

всех сферах общественной жизни — экономике, политике, нравственности, интеллектуальной деятельности — «единственная возможная цель прогресса».

Основные труды: «Исторические письма» (1870), «Задачи понимания истории» (1903), «Философия и социология» (1965), «Избранные сочинения на социально-политические темы». (т. 1—4, 1934—1935, не закончены).

Лебон Гюстав (1841—1931) — французский социолог, социальный психолог; занимался также вопросами антропологии, археологии, естествознания, Лебон выдвинул один из первых вариантов теории «массового общества». С позиций аристократического элитизма выступал против идеи социального равенства, стремился доказать неравенство различных рас. Отождествляя массу с толпой, он предвещал наступление «эры масс» и связанный с этим упадок цивилизации. Лебон делил толпу на «разнородную» (уличные, парламентские собрания и т. д.) и «однородную» (секты, классы, касты). Рассматривая толпу как иррациональную разрушительную силу, он подчеркивал бессознательный и эмоциональный характер поведения в ней индивидов, которыми в данном случае управляет закон «духовного единства толпы». По Лебону, поведение индивида в толпе радикально меняется: им овладевает ощущение непреодолимой силы, нетерпимость, утрачивается чувство ответственности. Ведущую роль в общественном развитии Лебон отводил изменениям в идеях, внушаемым массам вожаками посредством утверждения, повторения и заражения. Революции Лебон считал проявлением массовой истерии.

Основные труды: «Психология народов и масс» (1896), «Психология социализма» (1908), «Эволюция материи» (1912).

Леви-Стросс Клод (р. 1908) — французский социолог и этнолог, один из главных представителей французского структурализма. Концепция Леви-Стросса связана с социологической школой Дюркгейма и американской культурной антропологией. Он утверждает, что диахронический разрез только облегчает понимание того, как возникают общественные институты; главная же цель научного изучения общества — «синхронный разрез», т. е. раскрытие формальной структуры взаимоотношений, вытекающих из «бессознательной»

природы коллективных феноменов. Это «бессознательное» есть универсальное для всех времен и народов стремление заключить исторически конкретное многообразие действительности в символические формы традиций, ритуалов и в первую очередь языка.

Основные труды: «Печальные тропики» (1984), «Структурная антропология» (1985).

Труд на русском языке, рекомендуемый для чтения:
Левин-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994.

Лукман Томас (р. 1927) — немецкий социолог. Разработанная совместно с Бергером феноменологическая версия социологии знания противопоставляется всей предшествующей социологии знания, предметом которой было изучение теоретического знания. Оно не исчерпывает всего знания, имеющегося в обществе, а кроме того, не играет главной роли в жизни большинства людей. Поэтому предметом их теории становится обыденное дотеоретическое знание, с которым человек сталкивается в повседневной жизни. Суть теории: социальная реальность конструируется intersубъективным человеческим сознанием, и все социальные институты и отношения — продукты человеческого сознания. Реальность «реальна» в той мере, в какой она является содержанием «коллективных представлений» людей, т. е. осознается ими. При этом снимается качественное различие между социальной реальностью как объективной реальностью, существующей независимо от сознания людей, и социальной реальностью как общественным сознанием.

Труд на русском языке, рекомендуемый для чтения:

Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.

Луман Никлас (р. 1927) — немецкий социолог-теоретик, ведущий представитель функционального анализа и системной теории в социологии, теоретик права. Ранние работы посвящены обоснованию программы «радикализованного функционализма». В центр исследования Луман ставит отношения системы с окружающей средой, а функционально эквивалентные способы решения возникающих при этом проблем получают у него общую точку отсчета: различие в сложности (сложности) между системой и средой. Редукция комп-

лексности совершается системой в трех измерениях (сообразно тому, как выступает для нее в качестве проблемы комплексность мира): предметном, временном и социальном. Однако, по Луману, это ведет не к снижению, а только к повышению комплексности (из-за усложнения воздействия системы на окружающий мир). В 70-е гг. он сосредоточивает усилия на разработке теории общества, которое рассматривается как условие возможности взаимодействия многочисленных социальных систем. Трудности увязки воедино разных положений теории разрешаются Луманом за счет выделения и разведения в качестве взаимонезависимых трех «супертеорий»: системной, эволюционной и теории символически генерализованных средств коммуникации.

Труды на русском языке, рекомендуемые для чтения:

Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. Спб, 1994.

Луман Н. Почему необходима «системная теория»? // Там же.

Маннгейм Карл (1893—1947) — немецкий социолог, один из создателей социологии знания. Главной идеей его концепции является положение о социальной обусловленности идеологии. Он рассматривал зависимость идей от положения отдельных социальных групп, утверждая, однако, при этом ложный мистификаторский характер всех без исключения идеологий. Социология знания, согласно Маннгейму, должна заниматься изучением различий социальной ситуации, представляющихся наблюдателям, находящимся в разных точках социальной структуры. Такое положение субъектов обуславливает во всех без исключения случаях односторонность и ложность их взглядов, а отсюда и соответствующий характер познавательных перспектив. Маннгейм различал две идеологии: партикулярную и тотальную. Первая — это идеи отдельного индивида относительно его общественного положения, она предполагает анализ идей «на чисто психологическом уровне». Вторая — идеология эпохи или конкретной исторической социальной группы, т. е. класса. Когда речь идет об идеологии классов или целых эпох, исследование поднимается на теоретический, или «идеологический» уровень.

Труд на русском языке, рекомендуемый для чтения:

Маннгейм К. Диагноз нашего времени. М., 1992.

Маркс Карл (1818—1883) — немецкий философ, социальный мыслитель, экономист. Главный вклад Маркса в социологическую мысль — анализ социальной структуры общества, непосредственно основанный на убеждении, что суть исторического процесса — борьба за контроль над собственностью и богатством. Эта борьба обусловлена разделением труда, в результате чего образуются классы, имеющие противоположные интересы. Сущностная природа классов изменяется в различные периоды истории в зависимости от господствующего способа экономического производства. Таким образом, в условиях капитализма существует конфликт между теми, чей труд используется для создания богатства, и владельцами средств производства. Согласно Марксу, в любой исторический период напряженность между антагонистическими группами — источник социальных изменений. Этим объясняется, почему капитализм сформировался в недрах феодализма. По Марксу, в конечном итоге социализм одержит победу над капитализмом. Борьба как причина социальных перемен — сущность конфликтологической теории Маркса. Его вклад в развитие социологической мысли, особенно в области анализа социальных классов и социальных изменений, сохраняет влияние и до сего времени.

Труд на русском языке, рекомендуемый для чтения:

Маркс К. Капитал. М., 1983. Т. 1.

Маркузе Герберт (1898—1979) — немецко-американский философ и социолог. Наряду с Адорно и Хоркхаймером является одним из основателей Франкфуртского института социальных исследований и создателей «критической теории общества». Маркузе широко использовал категории и некоторые идеи К. Маркса, интерпретируя их в духе идей франкфуртской школы. Согласно Маркузе, развитие науки и техники позволяет господствующему классу современного капиталистического общества сформировать через механизм потребностей новый тип массового «одномерного человека» с атрофированным социально-критическим отношением к обществу и тем самым «сдерживать и предотвращать социальные изменения». Включаясь под воздействием навязываемых ему «ложных» потребностей в потребительскую гонку, рабочий класс Запада, по Маркузе, интегрируется в соци-

альное целое и утрачивает революционную роль. Революционная инициатива переходит в рамках «развитого» общества к «аутсайдерам» (люмпены, безработные, национальные меньшинства), а также к радикальным слоям студенчества и гуманитарной интеллигенции. Носителями революционной инициативы в глобальном масштабе выступают обездоленные массы «бедных» стран, противостоящих «богатым» (западные и развитые социалистические страны). Маркузе настаивал на радикальном отказе от легальных форм борьбы как парламентской игры (считая демократические институты инструментом ненасильственного подавления оппозиции).

Основные труды: «Разум и революция» (1941), «Одномерный человек» (1964), «Эссе об освобождении» (1969), «Контрреволюция и бунт» (1979).

Труд на русском языке, рекомендуемый для чтения:

Маркузе Г. Одномерный человек // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Мертон Роберт Кинг (р. 1910) — американский социолог, президент Американской социологической ассоциации (1957). Мертон — представитель структурно-функционального анализа (ввел понятие «дисфункции», разграничение «явных» и «латентных» функций). Ему принадлежит идея так называемых теорий среднего уровня, которые должны связать эмпирические исследования и общую теорию социологии. Примером социологического анализа Мертона является его теория аномии (понятие, заимствованное у Дюркгейма). Аномия, по Мертону, особое нравственно-психологическое состояние индивидуального и общественного сознания, которое характеризуется разложением системы «моральных ценностей» и «вакуумом идеалов». Мертон считает причиной аномии противоречие между индивидуалистическими «нормами-целями» культуры (стремление к богатству, власти, успеху, выступающее в качестве установок и мотивов личности) и существующими институтами, санкционированными средствами достижения этих целей. Последние, по Мертону, лишают большинство людей возможности реализовать поставленные цели законными путями. Это противоречие лежит и в основе преступности (бунт индивидуалиста против сковывающих его законов и правил), апатии и потери жизненных целей. Мертон рассматривает его

как всеобщий конфликт, типичный для индустриального общества. Мертону принадлежат эмпирические исследования средств массовой коммуникации в США, работы по социологии познания и социологии науки. Он внес значительный вклад в ряд основных областей академической социологии (теория и методология структурного функционализма, изучение социальной структуры, бюрократии и т. д.).

Труды на русском языке, рекомендуемые для чтения:

Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966.

Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Мид Джордж Герберт (1863—1931) — американский философ, социолог и социальный мыслитель. Он рассматривал реальность как совокупность ситуаций, в которых действует субъект (широко понимаемый как «живая форма»), а мышление трактовал с точки зрения его инструментальной природы — как орудие приспособления субъекта к реальности. По Миду, общество и социальный индивид (социальное «Я») конституируются в совокупности процессов межиндивидуальных взаимодействий. Принятие роли другого, других, «обобщенного другого» — этапы превращения физиологического организма в рефлексивное социальное «Я». Таким образом, происхождение «Я» целиком социально, а главная его характеристика — способность становиться объектом для самого себя. Богатство и своеобразие заложенных в личности реакций, способов действий, символических содержаний зависит от разнообразия и широты систем взаимодействия, в которых она участвует. Структура завершенного «Я», по Миду, отражает единство и структуру социального процесса. Его социальная концепция оказала большое влияние на последующее развитие социальной психологии и легла в основу символического интеракционизма. Ряд исследователей не без оснований сближают представления Мида о социальной жизни с идеями феноменологической социологии. Некоторые его идеи и построения получили существенное развитие в работах Шюца.

Труды на русском языке, рекомендуемые для чтения:

Мид Дж. Психология пунитивного правосудия // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Мид Дж. Аз и Я // Там же.

Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Там же.

Мид Дж. От жеста к символу // Там же.

Михайловский Николай Константинович (1842—1904) — русский социолог. История, по Михайловскому, управляется стабильными законами, ведающими порядком и сменой фаз движения; они определяют необходимость и направление развития, полагая пределы личности, за которые она не в состоянии выйти. Но внутри этих пределов личность «ставит цели в истории» и двигает к ним события. Иначе говоря, реальное содержание законам истории дает идеал. Поэтому социология должна начать с «некоторой утопии», т. е. построения социального идеала. Михайловский стремится слить «правду-истину», добытую путем объективного наблюдения, с «правдой-справедливостью», соответствующей его нравственным представлениям. Если достижение «правды-истины» возможно на путях применения объективного метода при отборе, описании и вскрытии причин явлений, то при их оценке решающее значение имеет «правда-справедливость». Здесь, по Михайловскому, суть «объективного метода» в социологии. В центре социологии стоит личность. Поэтому практической задачей социологии является «борьба за индивидуальность». Михайловский одним из первых стал рассматривать личность на трех уровнях — биогенном, психогенном и социогенном, пытаясь представить их в единстве. Изучая влияние общественного организма на личность, он стремился выявить экономические принципы, благоприятствующие развитию личности. В середине 70-х гг. XIX в. Михайловский связывает проблему борьбы за индивидуальность с учением о кооперации, с конца 70-х гг. делает упор на социальную (коллективную) психологию, выступающую основой социологии.

Основной труд: Последние сочинения (т. 1—2, 1905).

Моска Гаэтано (1858—1941) — итальянский социолог и политолог, один из основоположников современной концепции элиты. Моска развивал идею необходимости и вечности разделения всякого общества независимо от форм государства, социальных групп и «политических формул» на два

класса: «политический класс», т. е. правящая элита, и неорганизованное большинство, управляемый класс. Исследуя анатомию и динамику элит, он приходит к выводу, что без их обновления невозможна социальная стабильность, являющаяся основой общества. При этом всякая правящая элита имеет тенденцию к превращению в «закрытую», наследственную, что неизбежно ведет к ее вырождению. Предотвратить это может только свобода, в частности, наличие свободных дискуссий, которые вынуждают «политический класс» обновляться, позволяют держать его в определенных рамках и устранять, когда он более не соответствует интересам страны.

Труд на русском языке, рекомендуемый для чтения:

Моска Г. Элементы политической науки // Социологические исследования. 1995. № 4, 5.

Морено Якоб (Джекоб) Леви (1892—1974) — американский социальный психолог, психиатр, основатель социометрии. С 1940 г. — руководитель основанного им института социометрии и психодрамы (институт Морено). Кроме макроструктуры общества, изучаемой социологией, считал Морено, существует внутренняя неформальная макроструктура, образуемая переплетением индивидуальных влечений, притяжений и отталкиваний. Опираясь на психоанализ и гештальтпсихологию, он утверждал, что психическое здоровье человека обусловлено его положением в малой группе, в системе межличностных влечений, симпатий и антипатий. Процедуры социометрии (социометрический тест и др.) позволяют выявлять невидимые эмоциональные связи между людьми, измерять их и фиксировать результаты в специальных матрицах, индексах и графиках (например, в социограмме).

Труд на русском языке, рекомендуемый для чтения:

Морено Я. Социометрия. М., 1994.

Мэйо Элтон (1880—1949) — американский социолог, психолог, один из основоположников американской индустриальной социологии и теории человеческих отношений. Самый значительный вклад Мэя в развитие социологии управления и индустриальной социологии — это знаменитые Хоторнские эксперименты в «Вестерн электрик компани» близ

Чикаго (1927—1932). Изучая влияние различных факторов (условия и организация труда, заработная плата, межличностные отношения и стиль руководства) на повышение производительности труда на промышленном предприятии, он пришел к открытию роли человеческого и группового факторов. В основе концепции Мэя лежат следующие положения: 1) человек — «социальное животное», включенное в контекст группового поведения; 2) жесткая иерархия подчиненности и бюрократическая организация несовместимы с природой человека и его свободой; 3) руководители промышленности должны ориентироваться в большей степени на людей, чем на продукцию, что обеспечит социальную стабильность и удовлетворенность индивида своей работой. Рационализация управления с учетом социальных и психологических факторов трудовой деятельности людей, по Мэю, основной путь разрешения классовых противоречий общества.

Основной труд: «Социальные проблемы индустриальной цивилизации» (1945).

Парето Вильфредо (1848—1923) — итальянский социолог и экономист. Главным элементом социологической теории Парето была идея нелогического действия. Он делал упор на иррациональном и алогичном характере человеческого поведения. Согласно Парето, большинство действий человека, из которых слагается история, принадлежат к числу нелогических. Индивид поступает определенным образом, так как обладает психическими predispositionами и испытывает чувства, толкающие его к поведению определенного рода. Эти чувства маскируются при помощи псевдоаргументов, составляющих содержание всех общественных теорий. Парето доказывал, что общественные функции идеологии основаны на создании образцов логического (псевдологического) обоснования нелогических действий, в которых средства не соответствуют целям (таковы политические доктрины, религиозные концепции и т. д.). Он создал биологически обоснованную теорию элит, согласно которой все человеческие общества делятся на элиту (лучших, обладающих способностями к управлению обществом) и неэлилу. Стабилизация и последующая деградация элит, их «круговорот» — движущая сила общественного развития и первооснова всех ис-

торических событий. Согласно Парето, индивиды, обладающие врожденными особыми «остатками», способны к манипулированию массами при помощи хитрости, обмана или насилия. Если элита не кооптирует в свои ряды новых членов из низших классов, обладающих соответствующими «остатками», наступает революция (смысл ее, по Парето, заключается в обновлении персонального состава правящей элиты).

Труд на русском языке, рекомендуемый для чтения:

Парето В. О применении социологических теорий // Социологические исследования. 1995. № 10; 1996. № 1, 2, 7, 10.

Парсонс Толкотт (1902—1979) — американский социолог — теоретик, один из главных представителей структурно-функционального направления в социологии. Парсонс опирался на работы Вебера, Дюркгейма, Парето, а также использовал современные системные кибернетические и символично-семиотические представления. Он доказывал необходимость построения общей аналитической логико-дедуктивной теории человеческого действия как основы решения частных эмпирических задач. Согласно Парсонсу, специфика человеческого действия в символичности (наличии символических механизмов регуляции: языка, ценностей и т. д.), в нормативности (зависимости индивидуального действия от общепринятых норм и ценностей) и в волюнтаристичности (определенной иррациональности, независимости от познаваемых условий среды, но при этом и зависимости от субъективных «определений ситуации»). На основе этого Парсонс строил абстрактную формализованную модель системы действия, включающую подсистемы (культурную, социальную, личностную и органическую), находящиеся в отношениях взаимобмена. Одной из главных составляющих концепции Парсонса является так называемый инвариантный набор функциональных проблем (адаптации, целедостижения, интеграции, воспроизводства структуры и снятия напряжения, которые решаются специализированными подсистемами. Внутри социальной системы функцию адаптации обеспечивает экономическая подсистема, функцию целедостижения — политическая, функцию интеграции — правовые институты и обычаи, функцию воспроизводства структуры — верования, мораль и органы социализации.

Труды на русском языке, рекомендуемые для чтения:

Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: Культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. М., 1996.

Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Там же.

Росту Уолт Уитмен (р. 1916) — американский социолог, экономист, историк. Наряду с Ароном является одним из создателей современного варианта теории индустриального общества. В историю социологии вошел как автор концепции «стадий экономического роста». Росту различает в развитии человечества следующие «стадии роста»: 1) «традиционное общество» (период до конца феодализма); 2) «переходное общество» (рост производительности сельского хозяйства, «национализма», стремящегося обеспечить экономический фундамент национальной безопасности, возникновение централизованного государства); 3) стадия «сдвига» (промышленная революция со всеми вытекающими последствиями); 4) стадия «зрелости» (индустриальное общество: бурное развитие промышленности, возникновение новых отраслей производства, широкое внедрение достижений науки и техники, рост городского населения до 60—90% и т. д.); 5) стадия «высокого массового потребления» (основные проблемы общества — проблемы потребления, а не производства; основные отрасли промышленности — сфера услуг и производство товаров массового потребления). Согласно Росту, экономические изменения являются результатом «неэкономических человеческих порывов и устремлений», последствием субъективного «принятия решения и выбора». Концепция «стадий экономического роста», рассматриваемая как альтернатива марксизму, должна была вытеснить, по его мнению, исторический материализм из современной социологии. Взгляды Росту послужили в дальнейшем одним из источников теорий постиндустриального общества.

Основной труд: «Стадии экономического роста» (1960).

Смолл Албион Вудбери (1854—1926) — американский социолог, один из зачинателей социологии в США. Смолл был основателем и руководителем первого в мире социологичес-

кого факультета Чикагского университета (с 1892) и Американского социологического общества, а также журнала «American Journal of Sociology» (с 1895); в соавторстве издал первый американский учебник по социологии (1894). Взгляды Смолла формировались под воздействием социального дарвинизма и психологизма. Основной единицей социологического анализа он считал категорию интереса, рассматривая социальную жизнь как результат взаимодействия интересов шести классов, ориентированных на здоровье, благосостояние, познание, красоту и справедливость. Социология, по Смоллу, должна иметь практический выход к «социальной технологии», призванной способствовать улучшению (поэтапно) социальных институтов.

Основные труды: «Общая социология» (1905), «Значение социальной науки» (1910).

Сорокин Питирим Александрович (1889—1968) — русско-американский социолог. Лидер правого крыла партии эсеров. В 1922 г. выслан из СССР (с 1923 в США). В основе идеалистической концепции Сорокина — идея о приоритете сверхорганической системы ценностей, значений, «чистых культурных систем», носителями которых являются индивиды и институты. Исторический процесс, по Сорокину, есть цикличная флуктуация типов культуры, каждый из которых — специфическая целостность, имеющая в основе несколько главных посылок (представление о природе реальности, методах ее познания). Он выделяет три основных типа культуры: чувственный (*sensate*), где преобладает непосредственно чувственное восприятие действительности; идеациональный (*ideational*), где преобладает рациональное мышление; идеалистический (*idealistic*), где господствует интуитивный вид познания. Каждая система «истин» воплощается в праве, искусстве, философии, науке, религии и структуре общественных отношений, радикальное преобразование и смена которых происходит в результате войн, революций, кризисов. Кризис современной «чувственной» культуры Сорокин связывал с развитием материализма и науки и выход из него видел в победе религиозной «идеалистической» культуры. Сорокин — один из основателей теории социальной мобильности и социальной стратификации. Развитое им учение об

«интегральной социологии» (охватывающей все социологические аспекты культуры) оказало значительное влияние на современную социологию.

Основные труды: «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914), «Проблемы социального равенства» (1917).

Труды на русском языке, рекомендуемые для чтения:

Сорокин П. А. Система социологии: В 2 т. М., 1993.

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Сорокин П. А. Основные черты русской нации // О России и русской философской культуре. М., 1990.

Сорокин П. А. Общие черты и различия между Россией и США // Социологические исследования. 1993. № 8.

Спенсер Герберт (1820—1903) — английский философ и социолог-позитивист, основоположник органической школы в социологии. На Спенсера оказала глубокое влияние теория эволюции Ч. Дарвина. Он полагал, что ее можно применить ко всем аспектам развития Вселенной, включая историю человеческого общества. Спенсер сравнивал общества с биологическими организмами, а отдельные части общества (образование, государство и т. д.) — с частями организма (сердцем, нервной системой и др.), каждая из которых влияет на функционирование целого. Подобно биологическим организмам, считал Спенсер, общества развиваются от простейших форм к более сложным. «Естественный отбор» происходит и в человеческом обществе, где выживают самые приспособленные. Процесс адаптации, по Спенсеру, способствует усложнению общественного устройства, так как его части становятся более специализированными. Таким образом, общества, находясь в сравнительно простом состоянии, когда все части взаимозаменяемы, развиваются и приобретают сложную структуру с совершенно несхожими между собой элементами. В сложном обществе одну часть нельзя заменить другой. Все части должны функционировать на благо целого; в противном случае общество развалится. Согласно Спенсеру, это является основой социальной интеграции. Он считал, что для человечества полезно избавляться от неприспособленных индивидов с помощью естественного отбора, правительство не должно вмешиваться в этот процесс. Такая философия получила название «социальный дарвинизм».

Спенсер находил эту философию приемлемой также для коммерческих предприятий и экономических институтов. Он полагал, что при невмешательстве права в социальный процесс, на основе свободного взаимодействия между индивидами и организациями будет достигнуто естественное и устойчивое равновесие интересов.

Основной труд: «Основания социологии» (1896).

Труд на русском языке, рекомендуемый для чтения:

Спенсер Г. Сочинения. СПб, 1898—1900. Т. 1—7.

Тард Габриель (1843—1904) — французский социолог, один из основоположников социальной психологии и главных представителей психологического направления в социологии. Тард сравнивал общество с мозгом, клеткой которого является мозг индивидуума. Коллективное сознание он считал функцией индивидуальных сознаний, видел в психологии ключ к пониманию социальных явлений и пытался заложить фундамент социальной, или коллективной психологии (интерпсихологии), которая занимается исключительно отношениями нашего «Я» к другим «Я», их взаимными влияниями. Тард объяснял общественную жизнь и ее процессы действием простых психических механизмов. Элементарным общественным фактом он считал психическое состояние индивида, вызванное влиянием другого индивида. Это состояние и исследует интерментальная психология, которую Тард и назвал социологией. По Тарду, первым условием общественных фактов являются изобретения (акты творчества, создающие язык, правительство, религию и т. д.). Вторым является стремление к подражанию (новые изобретения — новые волны подражания). Особое значение Тард придавал воздействию таких средств коммуникации, как телефон, телеграф и особенно газет. Различая психологию индивида и психологию толпы, он выделял промежуточное звено — публику, которая формируется при помощи средств массовой коммуникации и обладает общим самосознанием. Концепции Тарда повлияли на теории «массового общества», исследования массовой коммуникации и распространения инноваций.

Основные труды: «Законы подражания» (1892), «Общественное мнение и толпа» (1903), «Личность и толпа» (1903), «Социальные законы» (1906).

Тоффлер Алвин (р. 1928) — американский социолог и футуролог, публицист, общественный деятель. В своих работах Тоффлер в образной и критической форме показал обострение социальных противоречий НТР. Однако его рассуждения не выходят за рамки схемы общественного развития как последовательного совершенствования смены «стадий роста» индустрии и принципа технологического детерминизма. Тоффлер утверждает невозможность устранения нежелательных в социальном плане последствий НТР. В пределах «индустриальной цивилизации» он провозглашает близость «супериндустриального общества». Путь перехода к нему Тоффлер видит в гуманизации всех сфер жизни современного человека на основе повсеместного внедрения новейшей компьютерной техники, что позволит перейти от стандартизированного массового обслуживания к максимально индивидуальному.

Основные труды: «Столкновение с будущим» (1970), Доклад об экоспазме» (1975), «Третья волна» (1980).

Уорд Лестер Франк (1841—1913) — американский социолог, основоположник психологического эволюционизма в США, первый президент Американского социологического общества (ныне Американская социологическая ассоциация). В своих социологических взглядах Уорд исходил из эволюционистских идей, полагая, что основанием социологии должна быть не биология, а психология, поэтому сосредоточивал внимание на изучении психологических механизмов социальной жизни. Отличие социальной жизни от природных процессов он усматривал в ее телическом (от *telos* — цель), целеполагающем характере, осознанном стремлении к прогрессу. По Уорду, первичная социальная сила — это желания, выражающие природные импульсы (голод, жажда, половые потребности, стремление к продолжению рода), на базе которых формируются более сложные интеллектуальные, моральные и эстетические потребности, стремление к реализации которых и обуславливает (на уровне индивидуального целеполагания, «тезиса») целенаправленное поступательное развитие, реализуемое в творческой деятельности человека. В качестве основного носителя коллективного, социального «тезиса» Уорд рассматривает государство, которое возника-

ет, по его мнению, наряду с такими институтами, как классы, право и т. д., из борьбы рас.

Основные труды: «Психические факторы цивилизации» (1897), «Очерки социологии» (1901).

Фромм Эрих (1900—1980) — немецко-американский социолог, психолог и социальный философ, представитель франкфуртской школы. По Фромму, история — это развитие человеческой сущности в условиях враждебной ей социальной структуры. Исходя из этого, он разработал учение о социальных характерах как форме связи между психикой индивида и социальной структурой общества. Каждой ступени развития самоотчуждения человека под влиянием социальной структуры соответствует определенный социальный характер — накопительский, эксплуататорский, рецептивный (пассивный), рыночный. Современное общество рассматривается Фроммом как ступень отчуждения человеческой сущности путем «машинизации», «компьютеризации» и «роботизации» человека в ходе развития НТР. Это обуславливает его ярко выраженный антитехнизм. Особенность взглядов Фромма — критическое отношение к капиталистическому обществу как обществу, доводящему до предела процесс самоотчуждения личности.

Труды на русском языке, рекомендуемые для чтения:

Фромм Э. Душа человека. М., 1992.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

Фромм Э. Адольф Гитлер: Клинический случай некрофилии. М., 1993.

Фуко Мишель Поль (1926—1984) — французский социолог, философ, историк науки. Основным вкладом Фуко в социологию является его историко-культурная концепция, методологически родственная структурной антропологии Леви-Стросса. Он ставил перед собой задачу преодоления субъективистской ограниченности западной исторической мысли и возможно более объективного воспроизведения социальных феноменов прошлого (Фуко — один из основоположников французского структурализма). Первые работы Фуко посвящены социологическому исследованию душевных и прочих

заболеваний. В трактате «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» (1966) он стремился исследовать гораздо более широкую социокультурную систему — от раннего Возрождения до наших дней. Здесь метод Фуко — индукция от описания отдельных явлений культуры к обобщенному определению «системы мысли» («эписистемы»), отраженной этими явлениями. В дальнейшем он отходит от концепции качественной прерывности «эписистем», нащупывая пути исторической динамики. Фуко занимается проблемой соотношения знания и власти. Знание, по его мнению, является не только продуктом породившего его общественного уклада, но и инструментом его разрушения, свержения власти.

Основные труды: «История безумия в классический век» (1961), «Надзор и наказание» (1975), «Воля к знанию» (1976), «Пользование наслаждениями» (1984), «Забота о себе» (1984).

Труд на русском языке, рекомендуемый для чтения:

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб, 1994.

Хабермас Юрген (р. 1929) — немецкий социолог и философ, представитель неомарксизма, идеолог немецкой социал-демократии. Начал деятельность как последователь Хоркхаймера и Адорно; наиболее видный представитель «второго поколения» франкфуртской школы. В центре внимания Хабермаса — проблема политически функционирующей общности, которая оказалась бы способной посредством публичных дискуссий нейтрализовать противоречия в обществе и установить «свободные от принуждения» неискаженные коммуникации в рамках «социального согласия». С этим связано его обращение к просветительским идеалам эмансипации, равенства и т. д. В русле общего интереса Хабермаса к проблемам социального и морального взаимодействия, взаимопонимания субъектов находится его концепция «интеракции», общения. Понятие «интеракции», по Хабермасу, должно заменить марксово понятие производственных отношений как более универсальное. В многочисленных дискуссиях он выступал как противник позитивизма и технократической идеологии.

Основные труды: «Познание и интерес» (1968), «Теория общества, или социальная технология» (1971), «Проблемы

легитимации в условиях позднего капитализма» (1973), «Теория коммуникативного действия» (1981).

Шилз Эдвард (р. 1911) — американский социолог функционалистского направления. Вместе с Парсоном разрабатывал основы структурно-функционального анализа. В социологии Шилз — сторонник концепции равновесия, в соответствии с которой общество рассматривается как система, восстанавливающая «социальный порядок» при нарушении его равновесия. Шилз — один из ярких приверженцев концепции деидеологизации. Именно он дал название этой концепции, выдвинув лозунг «Конец идеологии» как попытку обоснования «чистой», свободной от ценностных суждений социальной науки.

Труд на русском языке, рекомендуемый для чтения:

Шилз Э. Общество и общества // Американская социология. М., 1970.

Шюц Альфред (1899—1959) — австрийский социолог и философ, основатель феноменологической социологии. Шюц предложил собственную версию понимающей социологии, в которой проследил становление человеческих представлений в социальном мире от единичных субъективных значений, формирующихся в потоке переживаний индивидуального субъекта, до высокогенерализованных конструкций социальных наук, содержащих эти значения в преобразованном, «вторичном», виде. Тем самым он пытался восстановить связь абстрактных научных категорий с «жизненным миром», миром повседневности, непосредственности знания и деятельности. Однако, упустив из виду реальные материальные процессы социальной жизни, Шюц пошел по пути онтологизации конституированных значений и создания нового варианта социальной онтологии в традиции антинатуралистических «наук о духе».

Труд на русском языке, рекомендуемый для чтения:

Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.

СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

Агенты (акторы) — действующие социальные субъекты, а иногда также организации и институты

Адаптация социальная — приспособление личности или социальной группы к общественной среде, в ходе которого согласовываются требования и ожидания участвующих в нем субъектов

Аномия — отклонение в системе социальных норм, разрушение единства культуры, вследствие чего жизненный опыт людей перестает соответствовать идеальным общественным нормам (понятие ввел в социологию Э. Дюркгейм)

Ассимиляция — постепенное слияние группы меньшинства с доминирующей культурой

Ассоциация — организация, которой свойственна защита общих интересов своих членов; членство зависит от личного желания каждого, а значительная часть внутренних норм носит неформальный характер

Брак — исторически меняющаяся форма социальных отношений между мужчиной и женщиной, посредством которой общество упорядочивает и санкционирует их половую жизнь и устанавливает их супружеские и родственные права и обязанности

Бюрократия — социальный слой, непосредственно осуществляющий функции управления обществом; организация, деятельность которой предусматривает разделение иерархически упорядоченных ролей, складывающихся на основе четких правил и процедур

Власть — способность навязывать свою волю другим и мобилизовывать ресурсы для достижения цели

Выборка — часть населения (популяции), строго отражающая особенности и соотношение всех элементов генеральной совокупности (исследуемого сообщества в целом)

Выборка случайная — социологическая выборка, составленная таким образом, что каждый элемент структуры населе-

ния (и любое сочетание элементов) может быть включен в нее с одинаковой вероятностью

Выборка целевая — социологическая выборка, в которой исследователь отбирает людей для опроса из заданных целями исследования групп

Гендер — совокупность социальных характеристик пола

Генеральная совокупность — общность, на которую социолог распространяет выводы исследования

Государство — социальный институт и совокупность социальных организаций, осуществляющих управление обществом и распределяющих общественные ресурсы

Группа — совокупность взаимодействующих людей, ощущающих свою взаимосвязь, и воспринимаемая другими как объединенное значимыми характеристиками сообщество

Девиация — поведение, которое рассматривается как отклонение от групповых норм и приводит к изоляции, лечению, исправлению или наказанию нарушителя

Дискриминация — социальное подавление, ущемление прав членов групп общественных меньшинств или непривилегированного большинства или несправедливое обращение с ними

Дифференциация — деление общества на общности, фрагментация человеческой жизнедеятельности на множество относительно ограниченных культурных пространств, конкретных функций и социальных занятий

Заражения теория — объяснение коллективного поведения тем, что люди в толпе иррациональны и подвержены эмоциям, которые распространяются, словно вирус

Идеальный тип — определенный образ-схема социальных состояний и процессов, как если бы они происходили без отклонений и помех, которая рассматривается как наиболее удобный способ упорядочения эмпирического материала (понятие введено в социологию М. Вебером)

Идеология — система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений

Институт социальный — устойчивый комплекс правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы

человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему; совокупность ролей и статусов, предназначенных для удовлетворения определенной социальной потребности

Интеграция социальная — совокупность процессов, благодаря которым происходит соединение разнородных взаимодействующих элементов в социальную общность, целое, систему; формы поддержания социальными группами устойчивости и равновесия общественных отношений; способность социальной системы к самосохранению перед лицом внутренних и внешних напряжений, затруднений, противоречий

Интеракция — процесс или отдельный акт взаимодействия людей друг с другом

Интервью — целенаправленная беседа, цель которой — получить ответы на вопросы, предусмотренные программой социологического исследования

Исследование социологическое — вид социального исследования, способ изучения социальных установок и поведения (деятельности) индивидов на основе системы логически последовательных методологических, методических и организационно-технических процедур, направленных на получение достоверных данных об изучаемом объекте или процессе для решения конкретных теоретических и социальных проблем

Капитализм — социально-экономическая система, при которой особое значение придается экономическим и правовым отношениям частной собственности, накоплению капитала и получению прибыли

Класс — большая социальная группа, отличающаяся от других по критериям доступа к общественному богатству (распределению благ в обществе), власти, социальному престижу

Конвергенция — возрастание сходства в развитии разных социальных объектов или возбуждение реализации поведенческих предрасположенностей

Консенсус — согласие значимого большинства людей любого сообщества относительно наиболее важных аспектов его социального порядка, выраженное в действиях

Контент-анализ — метод количественного изучения содержания социальной информации

Контркультура — субкультура, нормы или ценности которой противоречат главным составляющим господствующей культуры

Контроль социальный — совокупность норм и ценностей общества, а также санкций, применяемых в целях их осуществления; он играет ключевую роль в предотвращении девиантного (отклоняющегося) поведения путем наказания или исправления

Конфликт — столкновение интересов различных социальных общностей, форма проявления социального противоречия

Конформизм — некритическое принятие господствующих мнений и социальных стандартов, стереотипов массового сознания, традиций, авторитетов, принципов и т. д. и следование им

Кредо — определенная система убеждений

Ксенофобия — страх и ненависть ко всему чуждому для образа жизни данного общества

Культура — система ценностей, жизненных представлений, образцов поведения, норм, совокупность способов и приемов человеческой деятельности, объективированных в предметных, материальных носителях (средствах труда, знаках) и передаваемых последующим поколениям

Легитимность — характеристика признания членами общности существующего социального порядка, надление престижем, который диктует нормы и устанавливает образцы поведения

Личность — устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида, продукт общественного развития (социализации) и включения людей в систему социальных отношений посредством деятельности и общения

Лобби — организация, оказывающая политическое давление в процессе принятия политических решений или мер, которые затрагивают интересы определенной группы

Лонгитюдное исследование — вид повторного исследования, при котором ведется длительное периодическое наблюдение над одними и теми же социальными объектами

Люмпен — деклассированный человек, полностью выброшенный из общества и потерявший обычные ценности, нормы, стандарты отношений и поведения (преступник, нищий, бомж и т. п.)

Макросоциология — область социологического знания, изучающая крупные элементы социальных структур, их состояние и взаимодействие

Маргинальность — промежуточность, пограничность положения индивида между разными социальными группами; состояние, когда значимые социальные потребности человека не удовлетворяются в той общности, которой он принадлежит

Метод — систематизированный способ достижения теоретического или практического результата, решения проблемы или получения новой информации на основе определенных регулятивных принципов познания и деятельности, осознания специфики изучаемой предметной области и законов функционирования ее объектов. Он очерчивает путь к достижению цели (истины) и включает в себя стандартные и однозначные правила (процедуры), обеспечивающие надежность и достоверность полученного знания. Различают всеобщие и конкретно-научные методы

Методология — программные установки в использовании методов

Миграция — территориальное перемещение каких-либо групп населения

Микросоциология — область социологического знания, изучающего преимущественно межличностные, внутригрупповые и повседневные взаимодействия людей

Мобильность социальная — переходы людей из одних общественных групп и слоев в другие (социальные перемещения), а также их продвижение к позициям с более высоким престижем, доходом и властью (социальное восхождение) либо движение к более низким иерархическим позициям (социальное нисхождение, деградация). Различают групповую и индивидуальную формы мобильность

Модернизация — совокупность технологических, экономических, социальных, культурных, политических перемен, направленных на совершенствование общественной системы в целом

Наблюдение — метод социологического исследования и получения информации путем прямой и непосредственной регистрации событий и условий их протекания

Нормы — правила поведения, ожидания и стандарты, регулирующие взаимодействие между людьми

Неравенство — положение, при котором люди не имеют равного доступа к социальным благам

Образование — институционализированный процесс, на осно-

ве которого передаются ценности, умения и знания от одного человека, группы, сообщества — к другим

Обряд — совокупность символических стереотипных коллективных действий, воплощающих в себе те или иные социальные идеи, представления, нормы и ценности и вызывающих определенные коллективные чувства

Общество — объединение людей, имеющее закрепленную совместную территорию, общие культурные ценности и социальные нормы, характеризующееся осознанной социокультурной идентичностью (самопричислением) ее членов

Община — первичная форма социальной организации, возникающая на основе родовых связей и характеризующаяся непосредственным типом социальных отношений

Общность — совокупность людей, связанная сходством жизненных условий, единством ценностей и норм, отношениями организации и осознанием социальной идентичности (самопричислением)

Обычай — воспринятая из прошлого форма социальной регуляции деятельности и отношений людей, которая воспроизводится в определенном обществе или социальной группе и является привычной для его членов (различные обряды, праздники, производственные навыки и т. д.)

Опрос — метод сбора первичной информации посредством обращения с вопросами к представителям определенной социальной группы. Он бывает сплошным и выборочным

Панельное исследование — способ сбора информации посредством нескольких опросов членов постоянной выборочной совокупности (панели)

Парадигма — знание, которое дает обобщенную модель постановки проблем и их решений

Пилотажное исследование — пробное исследование, цель которого — проверка качества социологического инструментария

Политическое устройство — совокупность институтов и идеологий, регулирующих политическую деятельность внутри общества

Предрассудок — суждение о группе или ее членах в соответствии со стереотипными установками

Проблема социальная — социальное противоречие, осознаваемое субъектом как значимое несоответствие между существующим и должным

Проблема социологического исследования — сформулированное противоречие между состоянием социальной действительности и ее теоретическим представлением, требующее для своего разрешения использования научных методов, процедур и приемов уточнения знания.

Программа социологического исследования — изложение его целей, общей концепции, исходных гипотез вместе с логической последовательностью операций для их проверки

Процесс социальный — последовательная смена состояний общества или его отдельных систем

Разделение труда — дифференциация видов деятельности, складывающаяся в обществе в процессе исторического развития

Религия — система верований и ритуалов, с помощью которых группа людей объясняет и реагирует на то, что находит сверхъестественным и священным

Репрезентативность — свойство выборочной совокупности воспроизводить (достаточно точно отражать) характеристики генеральной социальной совокупности

Ресоциализация — процесс усвоения новых ролей, ценностей, знаний на каждом этапе жизни

Респондент — лицо, выступающее в качестве источника первичной информации в процессе опроса или наблюдения конкретного социального явления

Ритуал — форма социально санкционированного упорядоченного символического поведения, совокупность регулярно совершаемых действий и их установленный порядок

Родство — совокупность социальных отношений, основанных на кровных узах, браке и специальных правовых нормах (опекунстве, усыновлении и т. п.)

Ролевая система — совокупность ролей, соответствующих данному статусу

Ролевой конфликт — ситуация, в которой человек сталкивается с противоречивыми требованиями двух или более несовместимых ролей

Роль — поведение, которое ожидается от человека, занимающего определенную социальную позицию или статус

Санкции — социальные наказания и поощрения, способствующие соблюдению норм

Секта — религиозная организация, которая отвергает ценности остального общества, требует обращения в свою веру и исполнения соответствующих ритуалов

Секуляризация — процесс, при котором подвергаются сомнению верования в сверхъестественное и связанные с ним ритуалы, а институт религии утрачивает свое социальное влияние (церковь отделяется от системы правления)

Семья — основанная на кровном родстве, браке или усыновлении (опекунстве) объединение людей, как правило, связанных отношениями собственности, общностью быта, взаимной ответственностью за воспитание детей

Социализация — процесс усвоения индивидом на протяжении его жизни социальных норм и культурных ценностей того общества, к которому он принадлежит

Социализм — политическая теория и социальная практика реализации принципов общественной собственности и социальной справедливости в сфере распределения

Социобиология — наука о генетических механизмах коллективного поведения

Социометрия — изучение структуры межличностных отношений в малых группах

Социум — большая устойчивая общность, характеризующаяся единством условий жизнедеятельности людей, общим местом проживания и наличием вследствие этого общей культуры

Средний класс — социальная группа, занимающая промежуточное положение между элитой и классом наемных работников в структуре современного общества

Среда социальная — совокупность социальных условий жизнедеятельности человека, оказывающих влияние на его сознание и поведение

Статус аскриптивный (приписанный) — прирожденный, унаследованный статус

Статус достигнутый — значение, приобретаемое индивидом в обществе благодаря его собственным усилиям

Статус основной — статус, определяющий общественное положение и значение человека, связанные с определенными его правами и обязанностями

Стереотип — упрощенный, схематизированный, привычный канон мысли, образ восприятия и поведения

Стратификация — иерархическая система неравенства, формирующая различные слои (страты) общества

Субкультура — система символов, убеждений, ценностей, норм, образцов поведения, отличающих то или иное сообщество или какую-либо социальную группу от культуры большинства данного общества

Тест — метод строгого измерения и оценки социальных и психологических качеств индивида

Теория социальная — система взаимосвязанных утверждений, выводов, исходных положений и гипотез о развитии общества и социальных явлений

Техника социологического исследования — совокупность организационных и методических приемов и способов сбора, обработки и анализа данных

Типологизация — способ выявления сходства и различия множества социальных объектов, поиск критериев их классификации

Толерантность — терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям

Толпа — значительное число людей, находящихся в непосредственном контакте друг с другом

Тоталитаризм — система насильственного политического господства, характеризующаяся полным подчинением общества, его экономической, социальной, идеологической, духовной жизни и даже быта власти господствующей элиты, организованной в целостный военно-бюрократический аппарат и возглавляемый лидером (фюрером, дуче и т. д.)

Традиции — элементы социального и культурного наследия, передающиеся из поколения в поколение и сохраняющиеся в определенном сообществе, социальной группе в течение длительного времени

Урбанизм — состояние, при котором достигается большая численность, плотность и гетерогенность местного населения; характеристика городской цивилизации

Факт социальный — единичное общественно значимое событие или некоторая совокупность однородных событий, типичных для той или иной сферы общества

Харизма — свойство некоторых лидеров внушать своим последователям веру в их особые, сверхчеловеческие способности

Харизматическая власть — власть, основанная на преданности социальному лидеру, которому приписывают некие высшие, почти мистические свойства

Ценности — разделяемые в обществе (общности) убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться, и основных средств их достижения (терминальные и инструментальные ценности)

Цивилизация — ступень в развитии общества; уровень социального и культурного развития, который связан с разделением труда

Эгалитаризм — концепция всеобщего равенства, получившая широкое распространение, начиная с эпохи буржуазных революций включает две основные концепции — равенства возможностей и равенства результатов

Эксперимент — способ получения социологических данных, при котором условия и переменные контролируются для установления имеющихся между ними причинно-следственных связей

Эндогамия — правила, предписывающие заключение брака внутри определенных групп

Этнометодология — социологическое изучение обыденных норм, правил поведения, смыслов языка общения, которые регулируют взаимодействия между людьми

Этнос — исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающая общими чертами, стабильными особенностями культуры и психологического склада, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием)

Этноцентризм — свойство этнического самосознания воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической группы, выступающей в качестве некоего всеобщего эталона или оптимума

Язык — система социальной коммуникации, осуществляющейся на основе звуков и символов, имеющих условные, но структурно обоснованные значения

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА.....	3
I. ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О СОЦИОЛОГИИ	5
1. Возникновение социологии как науки.....	5
2. Самое важное в социологии: «человек» и «общество»	7
3. «Большая» и «маленькая» социология	8
4. Важные различия в социологических подходах.....	9
Литература	10
II. СТРУКТУРА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	12
1. Представления о предмете современной социологии	13
2. Предмет социологии в определениях известных социологов	15
3. Специфика методов социологического исследования.....	19
4. Анализ документов как метод социологического познания	19
5. Социологический опрос	20
6. Социологическое наблюдение и эксперимент	21
7. Программа прикладного исследования.....	22
Литература	23
III. СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ: АРХАИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ	25
1. Община и общество	25
2. Критерии выделения общности (социальной группы)	28
3. Номинальные и реальные социальные группы. Субъекты	28
4. Происхождение новых общностей: изменение потребностей и привлечение маргиналов	29
5. Трансформация элит	33
6. Массы и толпы	35
7. Объяснение причин возникновения социальных общностей	37
8. Этапы формирования новой общности	39

9. Искусственная мобилизация при создании новой общности	40
Литература	42
IV. ОБЩЕСТВА	44
1. Интуиции и обыденные представления об обществе	44
2. Концепция социального взаимодействия в обществе	46
3. Концепция системы социальных отношений общества	49
4. Концепция культурно-информационного обмена в обществе	52
5. Теории происхождения общества	55
6. Современное общество: социальные особенности	59
7. Теория постиндустриального общества	61
8. Возникновение глобального общества.....	63
9. Коммуникативное общество	66
10. Кризис социальной идентичности в современном обществе	68
11. Особенности социальной модернизации в России	71
12. Теории посттоталитарного синдрома в объяснении российской модернизации	73
13. Теории запаздывающей модернизации в современной России	74
14. Возможности демократизации и национального саморазвития	78
Литература	80
V. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА	83
1. Основные подходы к изучению социальной структуры общества	84
2. Институциональная структура	85
3. Функции социальных институтов	88
4. Показатели состояния социальных институтов в стабильном и «переходном» обществе	89
5. Важнейшие социальные потребности и их институционализация	91
6. Социальная стратификация.....	92
7. Социальная мобильность — перемена положения и статуса	93
8. Методы изучения социальной структуры и критерии стратификации	94
9. Социальное положение	96
10. Роль неравенства в социальном расслоении общества.....	98

3. Демография и социальная статистика	162
4. Структура населения	166
5. Экономическая социология	169
6. Социология семьи	171
7. Социология права	182
8. Социология девиантного поведения	184
9. Социология конфликта	197
10. Социология молодежи	208
11. Социология образования	209
12. Социология общественного мнения	212
13. Социология религии	215
Литература	219
ПРИЛОЖЕНИЯ	222
Материалы к докладам	227
Классики социологической науки	273
Словарь специальных терминов	304

Учебное издание

Мостовая Ирина Владимировна

ЗАЧЕТ ПО СОЦИОЛОГИИ В КАРМАНЕ

Учебное пособие

Редактор	<i>Г. И. Медведева</i>
Обложка художника	<i>С. А. Каштанова</i>
Корректор	<i>Т. И. Кохановская</i>
Оригинал-макет	<i>И. В. Нагорновой</i>

Лицензия ЛР № 065194 от 2 июня 1997 г.

Подписано в печать 25.03.99. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага газетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 17,2. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 99

Издательство «Феникс»
344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17.
Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.

**Издательский клуб
Книжный мир почтой**

*предлагает Вашему вниманию лучшие книги
и книжные серии издательства «Феникс»*

Мы выпускаем в свет книги
для всех слоев населения

Любой человек с самым изысканным вкусом
найдет для себя интересную
и, главное, нужную книгу

**344010, г. Ростов-на-Дону, а/я 515
Каталог высылается БЕСПЛАТНО**

Ждем ваших писем

Торгово-издательская фирма
«Феникс»

имеет издательство в г. Москве на территории
Издательского Торгового Дома «КноРус»

Вы можете приобрести наши книги и получить
информацию о них по адресу:

г. Москва, ул. Б. Перяславская, 46,
м. «Рижская», «Проспект Мира»,
тел./факс: (095) 280-02-07, 280-72-54,
280-91-06, 280-92-13
E-mail: office@knorus.ru

Мелкооптовый магазин «Литэк»

г. Москва, ул. Николаямская, 45, под. 2 м. «Таганская»,
тел.: (095) 911-98-63, 911-97-42

Сервер в сети Интернет:
<http://www.book.ru>

Торговая фирма «Феникс»

- Оптовая и розничная торговля книжной продукцией
- Быстрообновляемый разнообразный ассортимент
- Своевременная доставка книг контейнерами и автотранспортом в любую точку России
- Разумные цены и гибкая система скидок

Наш адрес:

244007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17
Тел.: (8632) 62-44-72, 44-19-03, 44-19-04;
факс 62-45-94, 62-38-11
E-mail: phoenix@donpac.ru
Web: <http://www.donpac.ru/home/phoenix>

Издательство «Феникс»

Приглашаем к сотрудничеству авторов
научно-популярной и научной литературы в области:

- социальных и естественных наук
- юриспруденции
- медицины
- программирования и вычислительной техники,
а также переводчиков хороших книг любой тематики

**Все финансовые затраты берем на СЕБЯ,
высокие гонорары выплачиваем согласно договорам**

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Наш адрес:

244007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17
Тел.: (8632) 62-58-34, 62-51-94; факс 62-38-11
E-mail: phoenix@donpac.ru
Web: <http://www.donpac.ru/home/phoenix>

ФЕНИКС

ISBN 5-222-00559-3

9 785222 005590

ЗАЧЕТ ПО СОЦИОЛОГИИ В КАРМАНЕ